

БАНХАР

Белет Ширибазаров

Древо Прибежища стоит до тех пор, пока есть Закон Драгоценных. Все живые существа живы потому, что стоит это древо. В мире людей начинается оно, и в Чистые земли упирается кроной.

Мертвая пустыня — почва для древа. Все тёмное очищается там. Бузуры правили этим миром, чтити Закон. Гласом Закона в Мертвой пустыне был верховный жрец бузуров, Харан.

Но однажды барнаки, слуги бузуров, пошли войной на своих повелителей, и одержали победу. Харан, не желая погибать, нарушил Закон, открыл тайную тропу и бежал в мир людей.

Пошли по его следам сущности Мертвой пустыни, так страшная угроза нависла над Древом Прибежища. И тогда один из Драгоценных сумел приручить непобедимого монстра Мертвой пустыни, черного савдака. Так появился Банхар, жуткий зверь по природе своей, но защитник по сути...

Пёс стоял как неприступная скала в Мглистых горах. Его уже не спасали густая шерсть и плотные колтуны на шее, морда, шея и передние лапы покрылись страшными ранами, из пасти валила кровавая пена. Но он упорно бился у входа в хижину, мазанку в горном селении, и ничуть не боялся монстра в волчьем обличе.

Хозяева пса погибли быстро, даже не мучились. Эта горстка крестьян, вооруженных вилами, топорами и кухонными ножами тоже стояла до последнего. Самый крепкий из них, плотный, кряжистый кузнец едва не прибил монстра молотом. Но мучить его не было времени, уж очень старательно досаждал пёс.

Это был волкодав, крупный, матерый, и безумно храбрый. Монстр убивал его медленно, растягивал удовольствие, мстил за то, что остальных помучить не удалось. Однако и пёс в долгу не оставался, бил клыками, лапами, грудью в ответ, уворачивался и снова бил.

Даже бурый савдак, шакал Мертвой пустыни в разы сильнее и быстрее самой сильной собаки. Но откуда этот обычный с виду волкодав брал силы, и все еще держал у входа в хижину черного савдака, повелителя, способного питаться ненавистью? Самый жуткий монстр Срединных земель был для него лишь угрозой, которую нужно остановить.

Пес отбил очередную атаку и, изловчившись, поймал савдака за ухо. Такой наглости в Мертвой пустыне даже барнаки себе не позволяли. Да что там, любая сущность в Срединных землях, будь то сарт, черный всадник из Мглистых гор, или онгон, белый всадник с вершин хребта Меру, даже максар, вечный воин с Долины полубогов, знали, что с черным савдаком шутки плохи. А тут какая-то собака, жалкое существо из мира людей!?

Савдак ударил пса лапой и тот отлетел, сжимая в пасти кончик савдачьего уха. Волкодав снова вскочил, но лапы его предательски задрожали. Пасть савдака сомкнулась на загривке пса, позвонки хрустнули. Защитник наконец обмяк, упал, забился в судорогах.

Савдак знал, что это еще не все. Сразу пес не умрет. Ему придется увидеть, как черный монстр закончит свое дело. Он вынесет кричащего младенца из хижины и будет пожирать его медленно, на глазах издыхающего пса. И только затем добьет косматого безумца. А может и не станет добивать, сам издохнет, мучимый собственным бессилием.

Он вошел в хижину и увидел девушку, очевидно, мать младенца. Она стояла на изготовку, выставив вперед кухонный нож. В глазах ее не было ни страха, ни отчаянья, только решимость биться до конца, и умереть в неравной схватке. Савдак сломал ей шею ударом лапы. Девушка упала на земляной пол.

У очага в центре хижины сидела старушка, и что-то бормотала. В руках она держала младенца, человеческого детеныша. Этот детеныш смотрел на савдака большими, бездонными глазами, улыбался и щебетал на своем младенческом языке.

Когда савдак подошел поближе, чтобы по привычке сначала обнюхать долгожданную добычу, младенец протянул свою ладошку, дотронулся до сухого как пепел, потрескавшегося носа, и засмеялся. И, монстр вдруг ощутил неистребимое желание облизать личико этого детеныша. Он уже не видел в нем добычу, но что именно он сейчас видел — ему пока было неизвестно. Савдак попытался зарычать, чтобы изгнать из себя неизвестное чувство, но из горла вырвался плач.

Ему представилось лицо молодой девушки. По краям ее глаз выступили капельки крови, она улыбалась ему, словно пыталась успокоить. Савдак тряхнул башкой пытаясь отогнать

наваждение. Девушка не исчезла. Она коснулась его головы, и затянула песню...

— Сделай то, что я тебе велел! — услышал савдак, и оглянулся.

У входа стоял Максар, одной рукой он сжимал ножны, другой — рукоять меча. Позади него, во дворе, толпились барнаки, мерзкие демоны Мертвой пустыни. Даже в человеческом облике они были похожи на голодных, облезлых котов.

— Сделай то, что я тебе велел! — повторил Максар. — И можешь идти куда хочешь. Весь этот мир — твоя законная добыча.

Савдак повернулся к Максару, из горла его вырвался угрожающий рык.

— Глупый савдак, — выдохнул Максар.

Они атаковали друг друга в одну крохотную долю, песчинку мгновения. Савдак ощутил холодную сталь клинка у себя в груди, однако успел сомкнуть свои челюсти на глотке Максара. Его шея была защищена слоями мышц, крепких и тягучих как бронза. Но пасть черного савдака крушила и не такую суть.

Максар, пытаясь вырваться из тисков савдака, вывалился во двор. Барнаки налетели со всех сторон и в считанные секунды разорвали плоть савдака на куски. Но чтобы разжать челюсти черного савдака — савдака повелителя, им пришлось повозиться.

Зов Мертвой пустыни зазвенел в угасающем сознании. А где-то рядом уже звучал другой зов, журчащим смехом драгоценного младенца. И савдак потянулся к нему, как мог, всей своей многострадальной сущностью.

Барнаки таки разжали челюсти савдака, тело Максара, словно куль с песком, лежало на земле бездыханным. Демоны не сразу заметили, как медленно начал оживать пёс. Он поднялся с земли, выгнул спину, хрустнул шейей, обнажил окровавленные клыки.

Точным, смертоносным ударом он застал врасплох одного из барнаков. Остальные схватили бездыханное тело Максара и кинулись наутек вниз по узкой горной тропе. Пес громко завыл, возвещая округу о своем перерождении, и бросился следом...

Волк начал выть на серебристую луну. Такой она восходила раз в три месяца. Кому-то в эти ночи луна могла показаться серой. Но Володя как сын художника разбирался в цветах и тонах, и видел ее именно серебристой.

То была особая луна. В такие ночи под ее покровом ему самому хотелось выть. Не от тоски, а скорее по зову сердца. Что-то будила она в нем, нечеловеческое.

Волк выл нудно и протяжно, ночами напролет. В ответ ему начинали подвывать собаки. Отец Володи купил их в Цуголе, у своего хорошего знакомого, тоже художника. Это были настоящие монгольские волкодавы породы Банхар. Друг отца говорил, что их не нужно воспитывать, они сами во всем разберутся, когда вырастут. Володя дал им зычные клички, Абрек и Карат.

Обычно при появлении чужаков собаки лаяли коротко, отрывисто. Затем бросались вперед и ставили незнакомцев на место, ждали, пока хозяин не выйдет из дома. Если рядом появлялся волк, они начинали рычать и занимали позицию у входа в дом, замирали в стойках, вздыбив на холках шерсть.

Однако на этого волка собаки не реагировали, будто не волк шастал где-то рядом, а их собрат, такой же как они волкодав. И подвывали они этому волку будто с сочувствием.

Поначалу заслышав вой, Володя доставал из-под матраца старую курковую двустволку, заряжал ее патронами с волчьей картечью и сидел у окна, караулил, а вдруг волк появится, рискнет подойти к стоянке. Но волк не подходил. Он прятался где-то на самой вершине

Кадара, в зарослях, плотным кольцом охвативших вершину этой скалы.

Всего раз он дал о себе знать со скалы напротив, по другую сторону пади Даржа, вершины Удокана. Но зарослей на этом пике не было, и волк там больше не появлялся.

На третью ночь Володя не выдержал, вышел на улицу и пальнул из дробовика в небо. Волк на секунду замолчал, и затянул свою песнь с новой силой. Он будто ждал этого момента, намеренно выводил Володю из себя.

— Фас, фас, — дал команду Володя.

Волкодавы встрепенулись, вытянулись в боевой готовности, завиляли хвостами. Но в степь не бросились.

Каждое утро, пережив очередной «волчий концерт» Володя еле отрывал голову от подушки. Чтобы выдоить всех коров в гурте, ему приходилось вставать в шесть утра. Каждая из десяти буренок в небольшом стаде давала до ведра молока. Еще телятам оставалось. И каждую нужно было выдаивать, во избежание мастита. А еще в хозяйстве было два десятка телок и бычков, овцы, поросята, куры, молодая лошадь.

После дойки Володя отгонял скот на водопой к роднику, прибирался в стайках, раскладывал сено по кормушкам, кормил поросят и собак, варил им корм на завтра, готовил себе завтрак. Вечером он снова раскладывал сено, кормил поросят, отбивал телят, готовил ужин, слушал старую «Спидолу», ложился спать, и просыпался ночью от «песен» в конец обнаглевшего волка.

Серебристая луна той осенью задержалась. И терпение Володи лопнуло. Он вышел на улицу и начал выть, в такт волку. Ему даже показалось на мгновение что он сам волк. И загадочный хищник умолк, больше не давал о себе знать.

Володя добрал до кровати, скинул кирзовые сапоги, прилег на минуту, просто полежать. Проснулся от стука в дверь. Во дворе лаяли собаки, яростно, явно брали чужака осадой. Но тот не унимался, продолжал барабанить в дверь.

— Кто там? — спросил Володя, и взвел курки двустволки.

— Открывай! — произнес кто-то за дверью.

— Утром приходите, — велел Володя. — Не уйдете, в дверь пальну. У меня ружье.

— Да открой ты, — не унимался незнакомец.

Послышалась брань на бурятском. Володя поставил на табурет у входа керосиновую лампу, выдернул стальной засов и встал на изготовку. В дом вошел высокий плечистый бурят в армейском бушлате и спортивной вязаной шапке.

— Не стреляй, я сосед твой, — произнес бурят, и поднял обе руки.

Фермером отец Володи стал случайно, отчасти даже по глупости. После развала Союза он, художник-оформитель, остался без работы и почему-то решил, что сможет продолжить свой творческий рост в сельском хозяйстве. Он перевез семью в совхоз Усть-Нарин, на родину супруги, мамы Володи. Ее родной старший брат дядя Дум тогда был директором этого совхоза.

Поначалу отцу Володи сказочно везло: он получил огромную ссуду, купил трактор, грузовик, разные сельхозмашины, строевой лес, скот. Затем что-то произошло с рублем и все это богатство обошлось ему в одну мизерную зарплату.

А еще раньше был дележ земли. По жребию ему досталась огромная падь, с идеально ровными альпийскими лугами на склонах. По дну этой пади журчал бодрый, холодный ручей от родника на вершине сопки.

Собственно, на этом везения закончились. Альпийские луга начинающего фермера безнаказанно травил скот хитроумных соседей чабанов. Помощники работали до первой попойки. Стоило «работяге» выпить, и он бесследно исчезал.

Дальше больше: отец Володи разбирался в сельхозтехнике ровно настолько, насколько его соседи чабаны понимали «Анатомию для художников» Ене Барчаи. На его ферму так и не провели электричество, несмотря на то что он первым сделал взнос на прокладку электрических сетей.

Володя тем временем не ужился с одноклассниками и учителями в новой школе, с трудом окончил девятый класс и по настоянию отца поступил в районное СПТУ, на тракториста. Но и там он ни с кем не ужился, бросил учебу и был сослан на семейную фазенду, якобы приглядывать за помощниками. Вот только помощники к тому времени разбежались.

Вечерами, у керосиновой лампы Володя листал отцовские учебники с яркими глянцевыми картинками, ловил волны на выдавшей виды «Спидоле». Как ни странно, он быстро привык к одиночеству. Жизнь на ферме текла медленно и тихо. Ему это нравилось больше, чем доказывать каждый день своим сверстникам в школе, какой он по счету атаман.

Уже спустя месяц жизни в степи он знал, в какую сторону сегодня попытаются удрать овцы, угадывал по лаю собак, что происходит в округе. Так он прожил полгода, общаясь лишь с отцом, когда тот привозил продукты.

Отец Володи конечно же насторожился, что никто из новоиспеченных фермеров в Усть-Нарине не хотел брать падь Даржа. Но, увидев эту землю проникся к ней любовью неисправимого художника. Стоянку он развернул у подножия большой сопки, местные почему-то называли ее Шаман-горой. Издалека эта гора была похожа на задремавшего старика, или буддийского монаха в позе медитации. По разные стороны от Шамана возвышались две скалы, похожие на статуи древних воинов. Пик слева, тот, что побольше, отец назвал в честь хребта Кадар. Второй пик получил имя Удокан.

— А этот ручей будет называться Чара, — сказал счастливый отец. — Мы здесь выкопаем пруд и будем разводить рыбу.

Хребты Кадар и Удокан находились по разные стороны Чарской долины. Река Чара, соответственно, протекала между этими хребтами. В честь реки был назван поселок, где прошло детство Володи. Наверное, поэтому он с первых дней невлюбил и эту падь, и эти степи, и эту стоянку. Окружавшее его степное благолепие напоминало все что угодно, но только не Чару.

— Главное, до армии выдержать, — думал он. — Отслужу, и вернусь в Чару. И никто меня оттуда не увезет.

Обычно вечером Володя не открывал дверь непрошеным гостям, терпеливо ждал пока непрошенные гости уйдут, сжимая в руках двустволку. Но этот самозванец не думал отступать.

Он вошел, уселся у печки, пытливым взглядом оглядел жилище, небольшой тепляк из северной лиственницы. В свете керосиновой лампы Володя увидел крепкого, кряжистого парня, в бушлате, короткой вязаной шапке и обрезанных кирзовых сапогах. Каким-то осоловелым взглядом он окинул хозяина с ног до головы, затем протянул широкую ладонь, буркнул «Бата».

Скомканные кончики ушей выдавали в нем борца. Его глаза были выпуклыми и почти независимыми, почти как у хамелеона. Смотрел Бата словно из глубины своих глаз. С

первого взгляда могло показаться, что он — косой. Но он не был косым, скорее диким, хищным, зверем в человеческом обличье.

Бата поерзал на табурете и помаячил пальцами у своих полных, бордовых губ. Володя указал ему наверх печи, где сушилась припрятанная отцом пачка сигарет. Бата взял ее почти трепетно, вскрыв картонную упаковку, достал сигарету и, прикурив, затянулся очень глубоко, словно пытаюсь ощутить, как каждая капелька никотина бесследно растворяется в его бездонных легких.

— Люблю цивильные сигареты, — мечтательно протянул Бата после короткой паузы. — Мне в прошлом году «Мальборо» привозили.

— И как тебе «Мальборо»? — спросил Володя чисто из вежливости, дабы поддержать беседу.

— Вкусные!

Выкурив вторую сигарету, он бросил короткий взгляд на стол. В большой миске, под кухонным полотенцем угадывалась половина гигантской ковриги хлеба, что выпекал в печке отец, по собственному рецепту. Ни дрожжей, ни ничего другого согласно технологии, за исключением соли в этом хлебе не было. Только домашняя закваска, и мука, просеянная через сито из дробленого зерна. Это был кисловатый, плотный, но в целом весьма вкусный, а главное сытный хлеб.

— Может, чаю? — предложил Володя.

— Буду, — крикнул Бата и уселся за стол.

К хлебу Володя выложил кусок топленого масла из домашних сливок и патоку. Бата соорудил себе гигантский бутерброд, обильно полил его патокой, расправился с ним в три приема и тут же принялся за второй. Спустя несколько минут от громадной краюхи почти ничего не осталось.

Покончив с угощением, гость снова уселся у печи и закурил. На пару минут он словно впал в полудрему. Затем на полке у печи увидел «Анатомию для художников» Ене Барчаи, взял книгу и принялся ее листать.

— Ай, — протянул явно восхищенный Бата. — Подари, а?

— Это отца! — отрезал Володя.

— А зачем она ему, он же старый?

— С чего он старый то? — возразил Володя. — Сорок лет всего.

— Ну подари? Два барана дам. Три барана.

— Можешь взять почитать. Но с возвратом.

Бата засунул увесистый том за пазуху бушлата.

— Это ты сегодня выл?

— Я что, на собаку похож?

— Ты или нет?

— Ну я.

Будто что-то вспомнив, Бата резко вскочил, что-то буркнул на прощание и вышел из дома. За стенами послышался топот лошадиных копыт.

Глава 2

Весь следующий день Володя возился по хозяйству, и молил небеса, чтобы Бата не явился снова. Однако небеса его не услышали. Он прибирался в стайках, когда явились всадники. Вел их Бата.

— Ты поедешь с нами! — приказал он.

— Я никуда не поеду! — возразил Володя.

Бата скомандовал всадникам по-бурятски. Двое спешили и направились к Володе. В руках у них были арканы.

— Я сейчас собак позову, — пригрозил Володя.

— Лучше не надо, — Бата показал охотничий карабин, многозарядный, с обоймой.

Володя встал на изготовку, как в фильмах о монастыре Шао Линь, выставил вперед тяжелые вилы для уборки навоза. Один всадников кинул аркан и вырвал вилы из рук. Второй накинул веревку на плечи Володи. Вскоре он был связан по рукам и ногам.

Отряд спешил и столпился над Володей, все разглядывали его с любопытством, будто видели перед собой неведомого зверя. Володя заметил, что у всех у них были одинаковые глаза, будто соловые и раскосые.

Бата выдернул из ограды толстую длинную жердь, Володю привязали к ней как пойманного дикого волка, прикрепили к седлам двух лошадей и повезли куда-то в степь.

— Карат, Абрек, — заголосил Володя.

Ему тут же заткнули рот грязной рукавицей. Когда его повезли мимо тепляка, Володя заметил, что Карат и Абрек отбиваются от своры маленьких, но очень шустрых и злых собачек. Бата свистнул шавкам, и они помчались за хозяевами. Волкодавы заняли позицию у крыльца в дом, так и не заметили, что похитители увозят их хозяина.

Его бросили сложно тушу убитого животного у коновязи. Затем развязали, скрутили руки за спину и повели к большой юрте.

Выждав удобный момент, Володя рванул вперед, врезал одному из степняков и рухнул на землю, сбитый с ног борцовской подсечкой. Его снова скрутили, но он успел оглядеться, заметил, что находится на стоянке явно зажиточного чабана.

В юрте за длинным столом заседали старцы в богатых дэгэлах и островерхих шапках. Они смотрели на Володю безучастно, потягивая трубки. Возглавляли это заседание колоритные мужчина и женщина средних лет. На мужчине был старомодный смокинг с бабочкой вместо галстука, женщина куталась в богатую шубу из голубого песка.

— Здравствуй, Володя, — поздоровалась женщина. — Кажется, мы с тобой знакомы.

— Вы Дора Матвеевна, мама Баярмы, моей одноклассницы, — ответил Володя.

— Кто я такой ты тоже знаешь, полагаю, — мужчина в смокинге хитро улыбнулся.

— Вы папа Баярмы?

— Я Барнак Баханович, лучший адвокат Читинской области! и Бурятии тоже! Слышал обо мне?

— Нет, не слышал.

— Не успели привезти уже наглеет, — занервничал Барнак Баханович.

Дора покосилась на Барнака и покачала головой. Этот худощавый, явно бывалый бурят, как показалось Володе, даже в дорогой, стильной одежде был похож на облезлого кота из мультфильма о котенке Гав.

У всех участников этого заседания была одна общая особенность, они смотрели на Володю будто изнутри, осоловелыми раскосыми взглядами.

— Скажите, зачем меня похитили? — спросил Володя.

— Раджана, дай ему, пожалуйста, стул, — обратился Барнак к юной девушке. Она сидела в углу за отдельным столом, потому Володя не сразу ее увидел. Девушка поставила табурет у ног Володи не поднимая глаз, явно стесняясь. На столе, за которым она заседала, Володя увидел свиток и перо.

— Присаживайся, — предложил Барнак. — И не пугайся. Нам нужно взять немного твоей крови.

— Это еще зачем? — не понял Володя.

— Протокол допроса пишется кровью.

— Какой еще допрос? — Володя начал злиться. — Что вообще тут происходит?

Барнак кивнул, двое степняков снова скрутили ему руки за спину. Затем он увидел дорогие лакированные туфли на ногах Барнака.

— Раджаночка, подай, пожалуйста, чернильницу.

Володя ощутил, как ему сделали надрез на руке и принялись выдавливать кровь.

— Вот так, видишь? Совсем не больно. Раджаночка, возьми чернильницу. Теперь ты можешь работать.

Володю усадили на табурет.

— Вы за это ответите, — прошипел Володя. — Мой отец художник. У него связи в Чите, в милиции.

— Знаем мы твоего отца, — ответил Барнак. — Ну что, приступим? Кстати, ты бурятский язык знаешь? Просто эти уважаемые мужчины не говорят по-русски.

— Не знаю я бурятского языка! — рявкнул Володя.

— Жаль, — Барнак прищурился. — Родной язык надо знать! Итак, скажи, Володя, это ты был вчера ночью?

— Ну я.

— Зачем?

— А зачем вы об этом спрашиваете?

— Я задал тебе вопрос, — взгляд Барнака помутнел. — Это ты был сегодня ночью?

— Говорю же, я.

— Зачем?

— Мне велел внутренний голос.

Заседатели переглянулись.

— Раджана, записала?

— Записала, — глухо отозвалась девушка.

— Как часто ты слышишь этот голос?

— Постоянно!

— О чем он тебе говорит?

— О том, что у всех у вас скоро будут большие неприятности!

— Лично мне все понятно. Это он! — Барнак посмотрел на Дору.

— А если не он? — возразила Дора.

— Давайте проверим?

— Барнак, мной уже прокуратура интересуется. Навел кто-то...

— Прокуратуру я беру на себя, — Барнак потер ладони. — Черная юрта.

Краем глаза Володя заметил, что Раджана вздрогнула.

— Раджана, пишешь?

— Подожди, — заволновалась Дора. — Он же ребенок еще? Мы не торопимся?

— Дора, — глаза Барнака стали желтыми как у кошки. — Хватит бояться! Если не он, ничего страшного. Знаешь сколько людей сейчас пропадает в степи?

— Но это племянник Дума, — не сдавалась Дора.

— Дума больше нет! — отрезал Барнак. — Черная юрта. Голосуем.

Заседатели долго совещались, спорили. Раджана явно волновалась, не находила себе места.

— Решено! — вынес вердикт Барнак.

— Я вижу, что это не он, — вмешалась робко Раджана.

— А тебя никто не спрашивает, — перебил Барнак. — Записывай. Черная юрта!

Барнак кивнул, степняки взяли Володю под руки и потащили из юрты. Он ткнулся лицом в охапку колотых дров. Тяжелая дверь захлопнулась у него за спиной. Володя огляделся и в полумраке увидел скамью, на которой лежал худой, изможденный годами старик. Вокруг скамьи лежали стопки дров.

Володя подполз к старику, прислушался, в лучах солнца, что пробивались через проем дымохода, увидел, что он мертв.

— Эй, — Володя бросился к двери. — Откройте, здесь мертвец. Вы издеваетесь что ли?

От двери шел дым, он также тянулся от стен юрты, со всех сторон. Володя схватил полено и принялся бить в дверь, затем в стены. Но юрта стояла прочно, выдержала его напор.

— Я наврал, — закричал Володя в дверь. — Вы ошиблись, это не я. Откройте, я все расскажу, все...

Огонь стремительно набирал силу. Вот языки пламени перекинулись на поленья, и они вспыхнули, кто-то предварительно опрыскал их бензином. Задыхаясь, теряя силы от невыносимого жара Володя заметался по охваченной огнем юрте в поисках выхода. Споткнувшись о полыхающие поленья, он упал и увидел, что вместо рук у него лапы, поросшие густой черной шерстью.

— Ну вот, глюки начались, — подумал Володя, и рванул к проему дымохода, словно большая, сильная собака.

— Смотри, очнулся...

Володя открыл глаза. Он лежал на кровати, в чистой постели. Рядом стояли двое парней. Один из них был рослым, крепким. Второй — невысоким и толстым.

— Что делать будем? — спросил рослый.

— А Барнак что сказал?

— Ничего не говорил. Сказал «охраняйте, чтобы не сбежал».

— Где я? — прохрипел Володя.

— Ты дома, у Доры, — ответил рослый.

Володя заметил, что парни общаются между собой, и обращаются к нему на бурятском языке. И он их хорошо понимал.

— Я в юрте вроде бы горел? Это мне приснилось что ли?

Парни переглянулись.

— Зови Барнака, — заволновался рослый.

— А ты справишься один?

— Если быстро сбегаешь, справлюсь.

Толстый выбежал из спальни.

— Ты, это, лежи, тебе отдыхать надо, — сказал с опаской рослый.

Судя по волнению, которое этот парень не мог скрыть, он явно боялся Володю.

— Что со мной произошло? — Володя приподнялся с постели.

— Лежи тебе говорят! — Парень вынул из ножен охотничий нож.

— Слушай, сколько сейчас времени? И какое число?

— Вторник, десятое, — ответил парень.

— Это я здесь сколько? Двое суток уже что ли?

— Ну, да, два дня.

Володя вскочил с постели и пошатнулся, ощутив сильное головокружение. Парень машинально выкинул вперед нож, а затем сморщился от боли, прижав к груди руку. Выбитый из его ладони клинок плотно вошел в стену, словно его туда молотком забили. В проеме выхода из спальни появился второй парень. Увидев своего товарища, он тоже вынул из ножен нож.

— Мне неприятности не нужны! — предупредил Володя.

— Нам тоже, — ответил толстый.

— Где Барнак? — спросил рослый.

— Да не знаю я, уехал куда-то.

— А Дора?

— Тоже уехала.

— Вы чего тут расшумелись? — парни расступились и пропустили в комнату Раджану.

Увидев Володю она бросилась к нему и силой уложила в постель.

— Мне на стоянку надо, — заупрямился Володя. — Два дня коровы не доены...

— Не волнуйся, мы туда помощника отправили, — Раджана повернулась к парням. —

Принесите воды, полстакана, нужен теплый кипяток.

Толстый вышел из комнаты и принес стакан с водой.

— Пей медленно, маленькими глотками, — Раджана поднесла к губам Володи стакан.

Володя глотнул терпкой воды, подавился и раскашлялся.

— Его надо связать, — сказал рослый. — Он притворяется. Руку мне чуть не сломал.

— Подождите на веранде? — попросила Раджана. — Идите, покушайте. Там Баярма суп сварила, вкусный, с лапшой.

— Вот говорил же Барнак не слушать тебя. Отойди, дай нам его связать.

— Баярма, — крикнула Раджана.

— Чего? — в комнату вошла Баярма, одноклассница Володи.

Она была самой нахальной и дерзкой девушкой в классе. Когда Володя пришел на линейку в новой школе, Баярма смотрела на него слегка приоткрыв рот. Он сразу понял, что понравился ей.

Но затем Володя допустил ошибку, непросительную по мнению Баярмы и всех остальных в этой деревенской школе. Когда «старшаки» подошли к нему и сказали, что сегодня после уроков он будет драться с каким-то «Чемпиончиком», Володя наотрез отказался.

— Я вам что, собака, драться просто так? — возразил Володя.

— А ты не просто так дерись? — сказал главарь «старшаков», Серега, как выяснилось

позже — родной старший брат Баярмы.

— Он мне ничего плохого не сделал, — продолжал Володя.

— Не будешь махаться, все в этой школе будут думать, что ты чморик, — пригрозил Серега.

— Думайте что хотите, я драться не буду!

На следующий день в школе даже учителя смотрели на него с ухмылкой. Но Володя упорно старался не замечать этих взглядов. Целых два месяца он игнорировал выпады Сереги и его дружков. Куда труднее было выдержать выпады от Баярмы. Она издевалась изошренно, всякий раз по-новому, и неизменно каждый день.

В конце концов Володя согласился подраться с «Чемпиончиком», затем с «Басюхой», «Крюгером», «Челентано» ... Он дрался каждый день целых два месяца, до тех пор, пока в школе попросту не осталось равных соперников.

— Завтра со мной махаться будешь, — сказал Серега.

— Все, мне надоело! — отрезал Володя.

На следующий день он не пришел в школу. Отец в это время работал на лесоповале, готовил лес для будущей кошары, мать лежала в районной больнице с младшим братом, у него обнаружили пневмонию. А старенькой бабушке было все равно, чем занят внук и почему он не ходит в школу.

Как-то копаясь в шкафу, он нашел новые, еще неношеные чешские сапоги мамы на тонких, длинных каблуках. План в его голове созрел быстро. Он продал сапоги соседке, рано утром пошел на автобус до райцентра, добрался до вокзала, сел на «Школьник», межпоселковую электричку, в Карымской купил билет до Тынды.

В Тынде кассир отказалась продавать ему билет по свидетельству о рождении, попросила подождать в зале ожидания. Пока Володя ждал, появился наряд милиции.

... - О, чморик очнулся, — отозвалась Баярма.

— Я тоже рад тебя видеть! — съязвил Володя.

— Чего звала?

— Попроси их выйти на веранду? — Раджана кивнула на парней.

— Подождите на веранде, — велела Баярма.

— А если сбежит? — возразил рослый. — Барнак с нас шкуры спустит.

— Скажете, я велела.

— Ладно, — рослый пригрозил кулаком. — Попробуешь сбежать, застрелим.

— Я не хочу сейчас, в рот не полезет, — Володя отвернулся от ложки с супом.

— Тебе надо поесть, — Раджана снова протянула ему ложку. — Немножечко совсем, хотя бы бульон выпей.

— Помощник, поди, алкаш какой-нибудь, — проворчал Володя. — Коров хорошо надо доить, иначе мастит будет. И пороссятам молоко надо давать, они привыкли к нему. Лошадь овес не ест если ей туда горсть дробленки не кинуть...

— Хороший помощник, дядя Ваня. Ты, кажется, знаешь его, — сказала Раджана.

— Не знаю я никакого дядю Ваню. Отпустите меня, пожалуйста? Мне надо на стоянку.

— Пусть валит, — отозвалась из другой комнаты Баярма. — С чмориками бесполезно нянчиться, их пинать надо, под зад. Только так понимают.

— Заткнись, а? — рявкнул Володя. — Без тебя башка раскалывается.

— А ты не ори на меня, — Баярма появилась в спальне. — Сейчас скажу парням чтобы

связали тебя и в сарай обратно бросили. Чморик!

— Чтоб один из них твоим мужем стал! — пожелал Володя. — А лучше сразу оба. Крестьянка чокнутая!

— Дай-ка я ему врежу, — вспыхнула Баярма и двинулась к кровати.

— Все, все, — Раджана встала перед Баярмой. — Посмотри лучше, чтобы они там веси суп не съели. Нам еще помощников кормить.

— Этого вообще не надо кормить, — дожимала Баярма. — Чмориков в этом доме не кормят. Его к баранам надо, или к свиньям лучше.

Баярма вышла из комнаты.

— Что вообще здесь происходит? — Володя поднялся с постели, вздохнул, взялся за виски, оцупал голову и вскрикнул, коснувшись темени. — Кто меня так? И за что?

— Пообещай, что не сбежишь? — Раджана присела рядом на корточки, глядя ему в глаза.

— Не могу обещать.

— Смотри мне в глаза, — взгляд Раджаны стал стеклянным.

— Зачем? — спросил Володя, но все же подчинился.

...Он вдруг оказался в Алмазном ущелье, у костра в палаточном лагере. В палатках еще спали Леха и Женька, и другие ребята из школьного туристического клуба.

Там, где виднелась Чарская пустыня и дальше, за пиками хребта Удокан по другую сторону Чарской долины едва брезжило утреннее солнце. Над ущельем возвышался пик Шаман. По дну этой впадины в горах хребта Кадар тянулась легкая дымка.

Руководитель клуба, Настя, старшая пионервожатая школы накануне вечером у костра рассказала старую эвенкийскую легенду о том, почему это ущелье стали называть Алмазным, и как появился пик Шаман. Однажды сюда забрел молодой охотник ороchon, и рано утром обратил внимание, что утренняя дымка тянется по ущелью будто живая. Охотник подошел к краю этой дымки, приподнял ее и увидел сказочную картину, склоны ущелья были усеяны зелеными алмазами, они переливались в бликах утреннего солнца, манили к себе волшебным сиянием.

Охотник хотел было набрать алмазов в свою охотничью сумку, но внезапно перед ним возникла сказочной красоты девушка. Ее звали Миснэ, она была одной из богинь, что охраняли сокровища хребта Кадар.

— Эти алмазы нельзя брать без спроса, — строго сказала Миснэ.

Но глядя на нее охотник уже не думал об алмазах. Он думал том, что еще никогда в своей жизни не видел столь прекрасной девушки.

— Мне не нужны эти алмазы, — сказал охотник. — Мне нужна только ты.

— Будь осторожен, — предупредила охотника Миснэ. — Если ты оказался здесь, я обязана исполнить одно твое желание.

— Так пусть же будет так, чтобы ты была моей! — сказал, не колеблясь, охотник.

— Да будет так! — ответила Миснэ. — Но я не смогу быть твоей сейчас, потому что жизнь твоя еще не окончена. А я не могу быть простым человеком. Ты придешь ко мне, когда закончится твой земной путь.

И в этот момент все исчезло. Только серое, мрачное ущелье дышало на него своим холодом. Тот охотник прожил долгую жизнь, но ее нельзя было назвать счастливой. Он никак не мог забыть ту богиню, Миснэ. И потому не женился, не завел детей.

Тем утром он обрел необычные способности, начал слышать и видеть лесных духов, мог

с их помощью лечить людей. Он стал шаманом-целителем, многим людям спас жизнь, много пользы принес своим соплеменникам. А когда настал последний день его земной жизни, он отправился к Алмазному ущелью, увидел дымку, приподнял ее, и увидел Миснэ.

Шаман исчез, будто и не было его. А в том ущелье изумленные люди однажды увидели новый пик. В бликах утреннего солнца скала была похожа на человека, что смотрит куда-то вдаль, ждет кого-то. Люди стали называть этот пик Шаман-горой.

Володя подошел к краю дымки, и коснулся ее. Она была осязаемой, как очень легкое пуховое покрывало. Он приподнял край этой дымки и увидел то, о чем рассказывала Настя, ущелье, усеянное зелеными алмазами. По дну ущелья журчал кристально чистый горный ручей.

Володя пошел вдоль ручья, усеянного алмазами, невольно любовался этой величественной картиной, и думал о том, какую прекрасную картину мог бы написать здесь его отец. Так он и брел, пока не увидел шатер из белоснежной бересты. Из шатра вышла прекрасная девушка, он не сразу узнал в ней свою одноклассницу Лиду Писарькову.

— Лидка, ты чего здесь делаешь? — воскликнул Володя.

Лида была из местных, коренных, ороحوнов, и самой красивой девочкой в классе. Многие парни, и сверстники из параллельных классов, и старшеклассники, заглядывались на нее, пытались за ней ухаживать. Но она замечала только Володю.

— Чего ты теряешься? — сказал ему тогда лучший друг Женька. — Такая деваха на тебя смотрит.

Но Володя стеснялся Лиды, ведь если он начнет дружить с ней, ему придется провождать ее до интерната, где жили дети ороحوнов. И тогда все будут думать, что и он орочон. А он ведь русский, хоть и бурят.

— Иди за мной, — шепнула Лида так, будто боялась разбудить кого-то.

Она завела его в шатер, достала из ларца белый алмаз.

— Держи, — велела она. — Крепко держи!

Володя взял камень, ощутил, что он невероятно тяжелый, и еще более невероятно холодный, настолько, что этот холод обжигал ладони.

— Держи, — повторяла Лида, глядя ему в глаза, — держи...

Руки Володи тряслись от невыносимой тяжести и жгучего холода, но он держал этот камень, до тех пор, пока не перестал что либо ощущать.

— Молодец! — сказала Лида, и коснулась губами мокрого лба Володи.

От холода прикосновения ее губ он проснулся, в палатке. Рядом безмятежно посапывали в своих спальнях мешках Женька и Леха. В лагере уже суежилась Настя, учила кого-то готовить походный завтрак.

— Какой сон, — подумал Володя и потянулся. — Вот бы оказалось так, что это был не сон?

Взгляд его замер на ладонях. Они были покрыты волдырями от ожогов.

... Раджана отпрянула от Володи и уткнулась лицом в ладони.

Спросить «что это было?» Володя не успел. У входа в спальню стоял Барнак, и внимательно смотрел на Раджану.

— Я разрешал перенести его в дом? — спросил этот хищник в человеческом облике.

— Нет, — робко ответила Раджана.

— Связать его! — приказал Барнак.

Крепкие парни ворвались в спальню и навалились на Володю. Барнак схватил за локоть

Раджану и выгацил ее из комнаты.

О чертовщине, что творилась в Усть-Нарине, Володе рассказала бабушка, как-то вечером. Володя пил чай, бабушка раскуривала трубку у печки. Новый участковый, молодой лейтенант, вошел без стука и сообщил, что дело об исчезновении дяди Дума, бывшего директора совхоза, закрыто.

— И этот савдачник, — сказала обычно молчаливая бабушка.

— А что такое савдачник? — спросил Володя.

— Видел, глаза у него какие? — бабушка затянулась крепким табаком и пустила облако сизого дыма. — Они такими становятся, когда савдака в себя впускают.

— А зачем они это делают?

— Силы хотят, много силы. И власти.

— А что такое савдак?

Рассказ бабушки был похож на жуткую сказку. Но рассказывала она так, будто все это видела своими глазами. Еще не так давно Усть-Нарин был самой красивой деревней Агинской Бурятии. Люди здесь жили в просторных, уютных коттеджах. Директор совхоза путем хозрасчета купил их где-то на Алтае.

Он мечтал превратить Усть-Нарин в маленький, уютный степной городок, где люди будут жить в благоустроенных двухэтажках. Но во времена Перестройки все внезапно стали очень умными, и свергли пусть и хозяйственного, но очень строгого директора. Выбрали они молодого, предприимчивого экономиста. Его на свою беду пригласил сам дядя Дум.

Спустя полгода новый директор отличился тем, что списал, а затем продал всю старую, но еще пригодную для работы технику. Куда девались деньги, селяне спросить постеснялись.

Дальше больше: все, что можно было списать, списывалось и продавалось. Деньги из бюджета совхоза вкладывались в какие-то непонятные фонды, обещавшие баснословные барыши. Фонды лопались, деньги исчезали. Директор разводил руками, сетуя на эпоху повального беззакония и, продолжал поиски новых возможностей заработать.

Так очень скоро в совхозе не осталось лишнего скота, лишних стройматериалов, лишних недостроенных зданий, лишних грузовиков и тракторов. Совхоз погряз в сомнительных кредитах и лизингах.

Все знали, что у молодого директора есть влиятельный родственник в Чите. Потому ни кляузы, ни анонимки, ни открытые жалобы не имели эффекта. Зато тех, кто жаловался, директор лишал буквально всего.

Люди боялись нового директора потому, что им некуда было бежать. Все что им оставалось, это молчать, и пить. Селяне стерпели, когда не стало зарплат. Промолчали они и тогда, когда директор распустил рабочие бригады. Всех, кто пытался зарабатывать самостоятельно, торгуя дешевой китайской одеждой и спиртом, он обложил данью. Люди платили, директор закрывал глаза на их спекуляции.

Однажды, во время одной из попоек кто-то убил сельского агронома Лещинского. Он был поляком по национальности, но предки его приехали в Агинскую Бурятию из Китая.

Люди не понимали, за что убили этого доброго, интеллигентного и одинокого человека. Похоронили Лещинского в райцентре, на кладбище для не установленных лиц. А затем по деревне поползли слухи о злом духе, мол, призрак Лещинского начал искать своих убийц.

Вскоре появилась и первая жертва Лещинского, молодой сторож зернотока.

Поговаривали, на самом деле этот сторож сошел с ума, выпив технического спирта. Но в бессмысленной болтовне обезумевшего кто-то слышал слово «Лещ».

Дух Лещинского изгнала из деревни Дора, некогда обычная чабанка, а теперь шаманка, стремительно разбогатевшая при новой власти. Она всю ночь разъезжала по деревне на стареньких «Жигулях», преследуя призрак несчастного агронома, пока тот не убрался восвояси. Люди с тех пор потянулись к ней гурьбой, все жаждали защиты от темных сил.

В деревне появлялись все новые призраки, один ужаснее другого, но ни один из них не мог противостоять Доре. Слухи о величии новоиспеченной шаманки очень скоро разлетелись по всему округу. И теперь уже со всего округа потянулись к ней желающие избавиться от своих страхов.

Затем появился Барнак, влиятельный адвокат из Читы. Оказалось, это он был тем самым родственником нового директора совхоза. Все в деревне гадали, что забыл столь богатый и столь влиятельный человек в этих богом забытых степях. Но в Усть-Нарин он стал наведываться все чаще и чаще. Гостил всегда у Доры.

— А за что у нас в деревне невзлюбили дядю Дума? — спросил у бабушки Володя.

— Его всегда не любили, с детства, — ответила бабушка. — И всех нас тоже не любили. И тебя не будут любить, никогда...

Мама Володи была родной сестрой дяди Дума. В семье мамы было пятнадцать детей. Отец семейства, дед Володи до революции был буддийским монахом. С приходом красных он стал писарем в ЧК. Бабушка рассказывала, что где-то далеко на Урале дед помог выследить и задержать опасного бандита, настоящего оборотня, и за это его приняли на службу.

После войны деда избрали председателем колхоза. Дети в его семье росли смышленными, самостоятельными. Самая старшая дочь, тетушка Володи, окончив школу уехала учиться в город, на учителя начальных классов, познакомилась там с молодым лейтенантом, недавним выпускником военного училища, собиралась выйти за него замуж.

Старший сын, окончив школу с отличием, ушел служить в элитные по тем временам ракетные войска стратегического назначения. В семье царила атмосфера состоятельности и заслуженного достатка. Все перечеркнул один день.

В тот день бабушка и дедушка Володи получили сразу две телеграммы, о том, что их старшая дочь лежит в больнице, в тяжелом состоянии, а старший сын в госпитале, в закрытой палате психоневрологического отделения. Обоих требовали срочно забрать.

Дедушка и бабушка выехали в один день. Бабушка привезла свою старшую дочь в фанерном гробу. Шея дочери была покрыта следами страшных укусов. Днем позже приехал дед (сын служил недалеко), привез старшего сына, живого, но со связанными за спиной руками. Колхозники с ужасом наблюдали за тем, как старый, изможденный председатель вел по улице своего сына, словно собаку, на поводке. Сын брел, глядя себе под ноги и повторял: бузур, бузур, бузур...

Дочь схоронили, сын прописался в психиатрической больнице. Жизнь вошла в прежнюю колею. Но покоя в душах стариков уже не было. И чем острее они ощущали страх за своих детей, тем неотвратимее становился рок, нависший над их семьей.

Проклятие проявилось снова спустя год. Один из сыновей, маленький Дум, едва тому исполнилось три года, пропал в степи. Он просто вышел за ограду, как это делал сотни раз на дню, и исчез. На поиски ребенка подняли даже солдат из стоявшего неподалеку военного хозяйства. Три дня селяне и солдаты прочесывали степь, безрезультатно.

Через две недели парторг колхоза, возвращаясь из райцентра, заметил странный силуэт у дороги, словно небольшой волк замер у трассы. Завидев автомобиль, волк метнулся в сторону и с большой скоростью припустил в сопку. Тут-то и понял парторг, что по склону бежит вовсе не волк, а существо, похожее на человека.

Парторг, в прошлом кадровый военный, свернул в степь и погнал машину вслед за странным существом, и успел заметить, что нечто юркнуло в старую волчью нору. Закупорив ее железным бидоном, что завалился в багажнике, парторг поспешил в колхоз, обо всем доложил председателю. Вскоре кряжистые мужики, опытные волчатники, уже разбирали по кускам волчье логово, в самой глубине которого и обнаружили пропавшего председательского сына. Мальчик скалил зубы и вовсе не желал, чтобы его забирали домой. Лишь через неделю мальчик вспомнил, как его зовут. Но еще долго с большой охотой ел сырое мясо, и охотился на кур во дворе.

Выжив непостижимым образом в степи, дядя Дум будто навлек на себя неведомый простому сознанию гнев. Далее злой рок семьи преследовал только его. Но Дум оказался на редкость изворотливым. Он тонул, срывался со скал, падал с лошадей, попадал под машины, но продолжал жить.

К десяти годам он стал неплохим охотником. Как-то наловив петлями лисиц, основательно и умело выделав шкуры, он продал их и на вырученные деньги купил ружье, курковую двустволку. Ружье это он прятал в степи, в той самой норе, где его когда-то обнаружил парторг.

В степи дядя Дум мог пропадать неделями, причем как летом, так и зимой. Он будто не ощущал холода и жары. На сельских праздниках ему не было равных в борьбе и стрельбе из лука. Это при том, что ни борьбой, ни стрельбой он не занимался. Многие известные тренеры пытались заполучить его в ученики. Но к спорту у дяди был исключительно рабочий интерес. За победу на празднике в честь посевной давали барана, а за выступления на ковре — медали и грамоты. Ни медали, ни грамоты дядю не вдохновляли.

Когда наступил черед служить в Армии, Дума призвали в воздушно-десантные войска. Полгода от него не было вестей. А затем прилетело письмо, одно единственное за всю его службу. Дядя писал из Грузии, где проходил подготовку в учебном центре.

Отслужил Дум три года, побывал на Кубе, затем оказался в Афганистане. Сослуживцы-земляки позже рассказывали о зверином чутье дяди: только он мог выследить в горах хитрющего афганского кабана, когда в рационе солдат не хватало мяса, умудрялся находить общий язык с местными жителями из племени хазарейцев, и буквально носом чуял приближение врага.

Он вернулся поздно ночью, неслышно вошел в дом, повесил у двери вещмешок, достал из холодильника кусок замороженной говядины, аккуратно настрогал ее стружками и, макая строганину в соль, с наслаждением съел весь кусок.

Старики, лежа в кровати, прислушивались к звукам на кухне, пытаясь понять, а их ли это сын вернулся? Стараясь не шуметь, дядя снял с вешалки старый полушубок, вышел за дверь и ушел спать в степь. Так родители поняли, что с войны вернулся именно их сын.

... За дверью сарая что-то щелкнуло, и этот сухой звук выдернул Володю из воспоминаний. В проеме двери появилась угловатая фигура Барнака. За ним стояли двое парней с карабинами на перевес.

— Не замерз? — спросил Барнак, присел рядом на старый скрипучий стульчак и достал из кармана дорогого стильного пальто пачку сигарет. — Куришь?

— Нет! — ответил Володя. — Развяжите меня, пожалуйста? Руки затекли.

— А это как договоримся, — Барнак прикурил сигарету.

— Может, расскажете наконец, что здесь происходит?

— Рано тебе еще знать, что здесь происходит. Не поймешь.

— Да уж постараюсь, семнадцать лет исполнилось недавно.

— Ого, — протянул Барнак. — В армию скоро?

— Жду не дожусь. Дядя Барнак, если вы меня отпустите, обещаю, молчать буду в тряпочку. Никому ничего не расскажу. Мне до армии надо дожить. А потом я сюда не вернусь, обещаю. Навсегда уеду.

— Обещаешь, говоришь? А бумажку, соответствующую подпишешь?

— Да все что угодно, если пообещаете, что отпустите.

— Обещаю, что отпущу. Раджана...

У входа в сарай появилась Раджана. В руках она держала свиток и перо. Барнак вынул золотую запонку из рукава рубахи. Лицо Раджаны будто вытянулось, взгляд ее онемел от ужаса.

— Раджана, будешь свидетелем, — Барнак криво усмехнулся. — Самые лучшие свидетели — это дарханы...

— Какие еще дарханы? — не понял Володя.

— Не важно, развяжите его, — Барнак кивнул парням.

Один из парней явно неохотно срезал с Володи путы. Второй поднял ружье на изготовку.

— А теперь дай сюда свой пальчик, — Барнак протянул сухощавую ладонь. В этот момент он был похож на тощего, подобравшегося для броска одичавшего кота.

— Зачем? — спросил Володя.

— Договор нужно подписать кровью.

— Ну вот еще? — заупрямился Володя, и убрал ладони за спину.

— Свяжите его, — кивнул Барнак.

— Подождите, — Володя выставил вперед ладони. — Давайте этот ваш договор.

Барнак нажал на палец Володи, кольнул острой запонкой, выдавил капельку крови и поднес свиток из хорошо выделанной кожи.

— Ткни пальцем здесь, внизу, — велел Барнак.

Володя послушно ткнул пальцем, оставив на свитке кровавый опечаток.

— Ну вот, — Барнак вернул свиток Раджане. — Запомнила?

— Запомнила, — отозвалась Раджана.

Лицо этой девушки стало таким же белым, как полотно кожного свитка.

Володю поселили в старом тепляке для помощников, на отшибе, за территорией стоянки. Он зачем-то осмотрел старую печку, присел на железную, скрипучую кровать, огляделся.

В дом вошла Баярма, поставила на стол мятую алюминиевую миску, битую эмалированную кружку и приборы, вилку, две ложки.

— Обед сам забирай, много чести жратву тебе сюда носить, — проворчала Баярма.

Когда-то она нравилась Володе, высокая, стройная, самая красивая девушка в классе, а может и во всей школе. Но ее выходки не раз обсуждали в учительской и в кабинете директора. Она дралась с парнями по любому поводу, отвечала всегда сухо, с нескрываемым

презрением. С одноклассницами не дружила, общалась только с братом Серегой и девушками из старших классов.

— Баярма, я всегда тебя уважал, несмотря на то что ты такая...

— Какая? — не поняла Баярма.

— Ладно, я не с того начал. Давай...

— Давай без давай? — прервала эта вредная степнячка.

— Короче, расскажи мне, что здесь происходит?

— А я знаю? — Баярма присела на скрипучий деревянный стул. — Я знаю, что ты чморик, школу бросил, драться с такими же как ты чмориками ссал.

— А ты видела, что я ссал? — взвился Володя.

— А почему ты с Серегой не стал драться?

— Потому что надоело! Я вам что, собака?

— Вот подрался бы с Серегой, и от тебя отстали бы. Но ты зассал. А потом школу бросил. Поэтому ты чморик, не мужик!

— Ты шла куда-то? — Володя махнул в сторону двери. — Иди!

— А ты мне не указывай, я здесь хозяйка, а не ты. Завтра коровники чистить пойдешь. Это все, на что ты способен. Чморик!

— Да ты достала уже? — Володя поднялся с кровати. — Помочь тебе выйти?

— О, с бабами герой ругаться, — Баярма вскочила со стула и вытянулась в полный рост перед Володей. — Ударить хочешь? Ну попробуй, ударь?

— Я с девушками не дерусь, вообще-то.

Баярма не ответила, зато отвесила звонкую пощечину. Володя машинально схватил ее за руки и согнулся, получив подлый удар коленом в пах. Баярма на кураже продолжила лупить сжатыми до бела сжатыми кулачками по спине и затылку. Володя зарычал, обхватил Баярму, повалил на кровать и навалился сверху.

— Слезь с меня! — велела Баярма и попыталась вырваться.

— Отпущу, когда успокоишься!

Ее чувственные, полные губы искривились в оскале, густые, длинные темно-русые волосы растрепались и веером разлетелись по грязной подушке. Она попыталась ударить его головой в нос, но Володя успел увернуться. Однако ее ровные, острые белые зубки сомкнулись на мочке его уха.

— Ай, больно, отпусти, — взмолился Володя. — Отпусти говорю.

— Ты меня отпусти! — пробурчала сквозь сомкнутые зубы Баярма.

— Да как я тебя отпущу если ты меня зубами держишь? — прорычал Володя.

Но Баярма сомкнула зубы еще сильнее, при этом слегка коснувшись языком мочки, словно пробуя ее на вкус.

— Что это вы делаете?

Баярма разомкнула зубы, и Володя вскочил, машинально поправляя на себе одежду. У входа стояла Дора и слегка сдвинув брови вопросительно смотрела на Володю и свою дочь.

— Мама, он меня изнасиловать хотел, — Баярма достала из-под стола резинку для волос, связала их пучком на затылке. — Вызывай участкового.

— Она врет! — возразил Володя. — Это не то, о чем вы подумали. Она сама...

— Там телятам молока надо налить, — сказала дочери Дора. — И помощники обедать хотят.

— Сами себя не накормят, что ли? — уперлась Баярма.

— Иди, говорю, — велела Дора.

Баярма бросила короткий, насмешливый взгляд на Володю и вышла из дома.

— Дора Матвеевна, я...

— Присядь, — Дора кивнула кровать.

Володя послушно присел на кровать.

— Барнак Баханович вчера виделся с твоим отцом, — начала Дора. — Он согласился, чтобы ты пожил и поработал у нас, на сакмане.

— А пусть мне папа сам это скажет?

— Вот договор, — Дора достала из кармана свернутый листок. — Аванс отдали твоему отцу. Он очень обрадовался. У него как раз денег не было на солярку. Остальное получишь на руки летом, когда сакман закончится.

— Летом? — Володя вскочил с кровати. — Да я не доживу здесь до лета. Мне нужно увидеться с отцом! Я требую!

— Твой отец сегодня утром уехал в лес. Придется подождать.

— Да вы издеваетесь...

Дора хлопнула ладонью по столу.

— Ты будешь работать у нас! — глаза Доры стали желтыми, как у хищника.

Володя сел на кровать, уткнулся лицом в ладони и заплакал. Он плакал долго, навзрыд. Все это время Дора сидела за столом и терпеливо ждала пока он проплачется.

— Все? — Дора протянула Володе носовой платок. — Можешь съездить до своей стоянки, за вещами. Заодно увидишь, что там все хорошо. Там дядя Ваня, помощник наш. Он умеет ходить за скотом.

— Спасибо, — выдал Володя тоном обреченного на казнь.

— У коновязи лошадь стоит под седлом. Сильно не гони. Она старая, просто бегать любит по привычке. К ужину ты должен быть здесь.

— Хорошо, — согласился Володя.

У коновязи стояли две лошади, старая кляча и упитанный мерин с коротким хвостом. Оба коня были под седлом. Недолго думая, Володя выбрал упитанного мерина.

— Ага, ждите меня к ужину, — выпалил он, и дал поводом лошади куда-то под хвост. — Тысячу лет, придурки. Всех, тварей, посажу!

Конь помчался по степи иноходью, так быстро, что встречный ветер едва не выбил Володю из седла. Он вдыхал силу этого ветра полной грудью и уже прикидывал в уме, что будет говорить участковому.

Вскоре Володя понял, что конь несет его куда-то не туда. Впереди маячила гора Хан-Уула, показалась гладь соленого озера у ее подножия, оно не замерзало даже зимой, в самые лютые морозы.

Видимо, по привычке конь нес его к стоянке на берегу этого озера. Володя попробовал повернуть коня в сторону пади Даржа, но тот закусил удила и помчался еще быстрее. Володя начал дергать уздцы в разные стороны, так сильно, что с губ коня полетела кровавая пена. Но иноходец не уступал, лишь всхрапывал в ответ.

Конь резко встал у коновязи, пошатнулся, упал и задергался в конвульсиях. Из ветхого домика выскочили парни, обступили коня со всех сторон. Среди них Володя узнал двоих, они охраняли его накануне, и парня по имени Бата.

— Ты дебил что ли? — выпалил Бата. — Знаешь, кого ты сейчас загнал? Это же Ураган.

— Да он сам побежал, — пролепетал Володя. — Удила закусил и все. Я губы ему все ободрал, а он все равно бежит и бежит.

— За Урагана ты попал, — вмешался худощавый плечистый парень, единственный русский среди всей этой бурятской компании. — Любимый конь Доры.

— Мне Дора и сказала бери коня и езжай на стоянку. Я смотрю две лошади стоят под седлом, ну этого и взял.

— Раджанка опять партизанит, — Бата нервно выдохнул.

— А зачем ей это делать? — спросил русский.

— Я откуда знаю? Что делать будем? Кишки надо выпускать, пока Дора приедет поздно будет.

— Давай я выпущу? — предложил русский. — Если что вали все на меня.

— Давай, — согласился Бата.

— Парни, мне на стоянку надо, — Володя виновато улыбнулся.

— Иди, кто тебя держит? — русский вынул нож из-за голенища сапога.

— Пешком что ли?

— А если сбежит? — засомневался один из парней, недавний конвоир Володи.

— Не сбежит, — Бата явно что-то "переваривал" в уме. — Нахер вообще эту Раджанку здесь держат? Сожгли бы уже давно в черной юрте...

— Тебе волю дай, ты тут всех сожжёшь, — усмехнулся русский.

— Его бы точно сжег, — Бата кивнул на Володю. — Чего встал? Вали отсюда!

Парни принялись разделять лошадь, а Володя побежал по узкой степной дороге в сторону пади Даржа. Правильно бегать он научился еще в Чаре, у отца Женьки, физрука и тренера по легкой атлетике. Володя был одним из лучших в своей группе на секции, и мог стать хорошим атлетом. Но отец Женьки время от времени уходил в запои. А когда началась

Перестройка, пил уже не просыхая, будто предчувствовал беду.

Они тогда пошли группой к скале «Медведь» и наткнулись на медведицу с двумя медвежатами. Юные туристы попытались бежать, но путь к отступлению им перекрыл довольно крупный задиристый пестун. Девчонки начали голосить, и медведица пошла в атаку.

И тогда Володя встал у нее на пути и замер. Замерла и медведица. Так они и стояли, минут десять, как показалось тогда Володе, может больше.

Девчонки быстро успокоились, начали наблюдать уже с любопытством, а Володя стоял на пути медведицы и, вроде бы даже рычал, совсем как собака. Ему показалось тогда что у него шерсть вздыбилась на загривке. Медведи ушли, а подростки припустили к поселку, передумали идти в поход.

Леха, стесняясь, попросил Володю и Женьку проводить его до дома. В целом Леха не был трусливым парнем, от драк по крайней мере не увиливал. Но была у него одна особенность, он боялся темноты. Вечно ему что-то в ней мерещилось. И если засветло не успевал уйти домой, всегда просил кого-нибудь проводить.

— Хотите смеяться, но я видел, что Вовка превратился в собаку, большую такую, лохматую, черную, — сказал Леха, когда они дошли до его дома.

— Я тоже видел, — сказал Женька.

Пожилой, сгорбленный мужичок сидел на крыльце и смолил самокрутку. Собаки у крыльца лакали из мисок парное молоко.

— А ты чего пешком? — спросил мужичок, и протянул суховатую, грубую ладонь.

Собаки, завидев хозяина радостно заплясали вокруг, пытаясь по очереди лизнуть его в лицо.

— Я лошадь нечаянно загнал, какого-то Урагана, — признался Володя и присел рядом с мужичком.

— Ну ты даешь, — мужичок покачал головой. — Дора тебе это точно не простит.

— Это вы дядя Ваня? — спросил Володя.

— А ты меня не помнишь, что ли? Хотя, ты же малой еще совсем был.

В доме было тщательно прибрано. На столе стояли банки с молоком.

— А пороссятам дали? — спросил Володя.

— Дал, полведра на брата, — дядя Ваня принялся резать хлеб. — Садись, жрать будем.

— Да мне обратно уже надо, вещи только собрать успею. Сказали к ужину быть.

— Ну раз сказали, — дядя Ваня вздохнул и устался в окно, будто ждал кого-то.

— Дядя Ваня, вы ведь хороший знакомый моей семьи? Я правильно понял?

— Ну, всех знаю. А что?

— Там что-то странное происходит, на стоянке у Доры, — Володя отломил кусочек от краюхи. — Судили меня как бандита, чуть в юрте не сожгли. Договор кровью подписать заставили. Вы можете вызвать участкового?

Дядя Ваня зашелся громким, каркающим смехом.

— Я что-то не то сказал? — растерялся Володя.

— Мой тебе совет, ты с ними не ругайся. И не дуркуй, делай все что тебе говорят. Понял?

— Понял.

— А участковый тебе не поможет. Не видишь, что ли, время какое? Это при Союзе

власть была властью. А сейчас такие как Дора и Барнак — власть.

— Может, расскажете тогда, чего они от меня хотят? Вы же знаете их? Чего я им плохого сделал? Папа что ли им чем-то насолил?

— Откуда я знаю что ты им сделал? Это ваши дела. Меня они не касаются.

— Я там в юрте старика видел, мертвого. Он, похоже, сгорел там. Это криминал.

— Это там, в деревне криминал, — дядя Ваня хмыкнул. — А здесь Дора всем заправляет. Как она скажет, так и будет. А если не понял, будешь разговаривать с Барнаком. А я тебе не советую с ним разговаривать. Держись от него подальше.

— А Раджана кто такая? Не скажете?

— Невестка Доры, жена ее сына. Он в армии сейчас служит.

— Сереги что ли? — Володя даже привстал от удивления.

— Его самого, — дядя Ваня направился к печке. — Может, пожрешь все-таки?

— Давайте, — Володя снял телогрейку. — Расскажите, что это за старик там был? Вы поймите меня, страшно же. Со мной никогда такого раньше не было.

— Рабжа это был. Да ты видел его, поди. Он тут шастал одно время по стоянкам.

— Рабжу помню, — согласился Володя. — Но там я его не узнал.

Рабжа был местным юродивым. Но непростым. Много страшных и не очень историй рассказывали о нем в деревне. Ходил он медленно, но всегда везде успевал. Его не кусали даже очень злые собаки. Местные чабаны считали большой удачей, если Рабжа у кого-то из них оставался зимовать. Дела в хозяйстве сразу шли в гору.

И зимой, и летом он носил на голове старую кожаную кепку, был одет в холщовый плащ, обувался в кирзовые сапоги. И не мерз, и жары будто не чувствовал. Как-то раз он остался на зимовку у Доры да так и прижился у нее. И Дора внезапно разбогатела.

— Он сам умер, от старости. Так что не бойся. Будешь все делать как сказали, никто тебя там не убьет. Еще денег заработаешь. Дора хорошо платит, сейчас в городе таких денег не платят.

— Но ведь что-то им от меня надо? — не унимался Володя.

— Женить тебя, поди, хотят, на Баярмухе, — дядя Ваня снова прокаркал прокуренным смехом. — А что, красивая деваха. Школу бросила. Что ей еще делать то? Только замуж.

— Не, только не Баярма, — Володя замотал головой.

— Малой ты еще, не понимаешь ничего в бабах, — дядя Ваня придвинул Володе тарелку с супом. — Баярмуха она в мать, поколотит тебя для порядка, а потом помоеет, накормит и спать уложит. Мало сейчас таких баб. Все какие-то задумчивые стали, как эта Раджанка Серегина. Баба не должна думать, ее дело пожрать сварить и сыновей родить, чтобы опора была под старость лет.

— А у вас есть дети?

Володя замер, ощутив на себе цепкий, тяжелый взгляд. Глаза у дяди Вани были черными как два уголька.

«Надо же, — подумал Володя. — Мужик вроде русский, а глаза черные, как у бурята».

— Что-то ты разболтался. Давай, жри и бегом назад.

— Карюху могу забрать? — Володя осмотрелся в поисках седла.

— Пешком дойдешь. Тут напрямую не далеко. За мыском сразу.

— Ладно, что-то расхотелось мне есть, — Володя отодвинул тарелку с супом. — Пойду я.

— Вещи-то хоть забери? — насторожился дядя Ваня.

— Там что-нибудь найду, если понадобится, — Володя махнул рукой. — Или пусть покупают. Зря работать буду что ли?

Володя накинул телогрейку и вышел на улицу.

— Видишь эту гору? По правую сторону ее держись все время, — наставил дядя Ваня. — Поднимешься на мыс, увидишь огни на стоянке, не заплутаешь.

— Спасибо! — Володя кивнул и направился в сторону Удокана. Собаки какое-то время шли за ним, но затем отстали, воспитаны были так, не уходить далеко от стоянки, если не позовут.

Володя спустился в овраг, осмотрелся, убедился, что дядя Ваня за ним не следит и припустил к сеннику, где закрывали но ночь молодую кобылу по кличке Карюха. Собаки видимо узнали силуэт хозяина и не стали лаять, побежали к нему радостно поскуливая.

Перебравшись через забор из жердей, Володя нашел брошенную в углу сенника старую узду, обуздал лошадь, вывел ее за ограду, отвел подальше чтобы дядя Ваня не слушал топот копыт.

— Ну давай, выручай родная, — сказал Володя и пустил кобылу в сторону деревни легкой рысью.

Сидя на ровной, мягкой спине Карюхи он еще какое-то время вел рысью, то и дело оглядываясь, а затем слегка чмокнул губами и лошадь перешла на галоп. Володя почувствовал, что у него кружится голова.

— От сотряса, наверное, — подумал он, но сбавлять на рысь не стал.

Лошадь начала волноваться, прядать ушами. Где-то сбоку мелькнули две тени. Уже наступила ночь, но Володя их видел отчетливо, рослую, сухопарую рысь и хищника чуть поменьше и коренастее. Володе доводилось видеть таких в Чаре, это была росомаха.

— Глюки, что ли? — заволновался он.

Хищники еще какое-то время бежали рядом, затем послышался зловещий женский смех. Володя дал пятками по бокам лошади и погнал ее во весь опор.

Он вздохнул с облегчением, когда увидел окраину деревни. Голова сильно кружилась, кровь била в виски, а руки и ноги стали будто ватными. Он с трудом доехал до дома, постучался в дверь, но ему никто не открыл. Такое бывало, когда бабушка дома оставалась одна. Под старость она совсем оглохла, и хоть окна выбивай, ничего бы не услышала.

— Ладно, участковый точно услышит, — подумал Володя, и направился верхом к дому участкового.

— Ты чего так поздно? — проворчал участковый, открыв дверь.

— Я хочу написать заявление, — перешел сразу к делу Володя. — Меня хотели убить.

— Заходи, — участковый пропустил Володю в дом. — Присаживайся.

Володя уселся на стул у печки на кухне.

— Кто тебя хотел убить?

— Дора Матвеевна. А еще там Барнак был, дядька такой, худой и мерзкий, похожий на облезлую кошку. Они, кстати, старика сожгли. Помните Рабжу? Он умер, и они его сожгли. Они его убили, я в этом уверен.

— Вот как? — участковый задумался на мгновение, затем ушел в спальню. Вышел одетым в форму.

— А давай-ка съездим туда, — сказал он, проверив обойму пистолета.

— А вы справитесь один-то? — спросил Володя. — Может, подмогу вызвать?

— Справимся! — участковый подмигнул. — Я и не таких брал.

— Там парни, косоглазые такие, много парней.

— Я отчитываюсь каждое утро по телефону. Если не выйду на связь, уже завтра утром сюда приедет наряд милиции. Твоя Дора Матвеевна и облезлый кот знают об этом. Так что не волнуйся. Хочешь, записку на столе оставлю, где нас искать если что?

— Да, оставьте, — согласился Володя.

Все дорогу, пока они ехали на стареньком пикапе до стоянки Доры Володя в красках рассказывал, что с ним приключилось за эти два дня. Даже про то, как с Баярмой дрался рассказал на всякий случай.

— Вот сволочи, — негодовал участковый, крепко сжимая руль. — Всех посадим, они за все ответят!

— Может, дубинку мне дадите? — спросил Володя, когда пикап остановился у крыльца дома Доры.

— Тебе нельзя, ты несовершеннолетний, — сказал милиционер. — Постой здесь, я тебе крикну, когда всех повяжу.

— Договорились! — кивнул Володя.

Около получаса он крутился под окнами, заглядывал на кухню, в спальню, все ждал сигнала. Но видел лишь плотные шторы и слышал смех Доры.

— Что же делать то? — подумал Володя. — Может бежать, пока не поздно? А куда бежать то?

— Руки подними? — услышал он.

Володя поднял руки, оглянулся, увидел парней со стоянки у озера. Они наставили на него ружья. Среди них стоял, глядя исподлобья — Бата.

— В дом заходи! — скомандовал Бата. — И давай, без шуток.

— Там участковый если что, — сказал Володя.

— Да знаю я. Заходи давай.

Участковый, Дора и Барнак пили чай и громко смеялись.

— Он под окнами крутился, подслушивал, — сказал Бата и кивнул на Володю.

— Может, наручниками его сковать? — спросил участковый у Барнака. — Из наручников точно не вырвется.

— Ах вы, мент поганый? — воскликнул Володя.

Дора и Барнак снова громко засмеялись. Участковый просмотрел на Володю с укоризной, но как-то наигранно. Взгляд у него был таким же, как и у парней, подручных Доры, воловатым и раскосым.

— Ай, как же я сразу-то не разглядел, — выдал Володя с досадой в голосе. — Темно было. То-то думаю, чего вы от меня все время отворачиваетесь? Сволочи! Я все равно сбегу! И вы за все ответите!

— Запомните, молодой человек, далеко отсюда вам все равно уйти не удастся! — Барнак достал из-за пазухи свиток и потряс им как конфеткой, которую обещают ребенку, но не дают, и не собираются давать.

— Володя, будь мужчиной! — добавила Дора. — Ты сам согласился у нас поработать. Ты обещал, что не сбежишь. Мы ничего плохого тебе не сделаем если будешь работать на совесть. Отработаешь до лета, и мы тебя отпустим. Хотя нет, теперь не до лета. До осени.

— Это почему еще?

— Потому что ты загнал нашу лучшую лошадь.

— Вы же сами сказали бери лошадь под седлом? Там стояли две лошади, я подумал раз две — можно выбирать.

— Ты выяснил кто оседлал Урагана? — спросила Дора у Баты.

— Раджанка это. Запах на седле ее был.

— Вот дура, — усмехнулась Дора.

— Все дарханы дураки, — Барнак презрительно скривил губы.

— Уведите его в тепляк, — приказала Дора. — Охрану можете не выставлять. Никуда не денется.

Парни взяли Володю под руки и вывели из дома. В тепляк его закинули будто в темницу.

— Козлы! — процедил Володя в приоткрытую дверь, хлопнул ее и закрыл на крючок.

Всю эту ночь Володя лежал на грязном матрасе, в одежде, только обувь скинул ради приличия. В тепляке было сильно натоплено и от духоты у него снова закружилось в голове. А еще ему казалось, что под окнами кто-то ходит, едва слышно. Он даже увидел силуэт в окне, с большими ушами торчком, как у волка.

Проснулся Володя от стука в дверь, открыл дверь и увидел Баярму.

— Чего дрыхнешь? — проворчала она. — Тут тебе не курорт. Иди жрать, сегодня работы много.

Завтракали работяги на веранде, за большим столом. Это были в общем-то еще не старые, но какие-то замученные, сморщенные мужички. Они ели кашу из сечки, явно без аппетита.

— Я не люблю сечку, — сказал Володя.

— Жри что дают, — осекла Баярма.

— Чаю просто выпью, — Володя отодвинул тарелку.

Из дома вышла Раджана, увидев Володю вздрогнула.

— Может постельное мне дадите? — спросил Володя. — Я же не скот какой-нибудь спать на грязном матрасе.

— Сейчас застелю, — сказала Раджана. — Баня если что в кошаре есть, не горячая, но всегда топлена. Можешь вечером сполоснуться после работы.

— Я сама постель застелю, — вмешалась Баярма. — В бане лавки сполоснуть не забудь, с хозяйственным мылом. Эти вечно грязные как чушки.

Баярма кивнула на работяг.

После завтрака помощники потянулись к кошаре. Это каменное строение, похожее на казарму было разбито на маленькие загоны, в которых топтались овцематки. Гвалт здесь стоял невероятный: блеяли овцы, ягнята, громко орали работяги стараясь перекрыть друг друга. Они принимали роды у овец, едва успевали помочь окотиться одной овце, как тут же бежали к следующему загону.

По коридору пробежала Баярма. В руках она держала целую охапку только что народившихся ягнят.

— Ты чего стоишь? Давай за мной, — крикнула она.

Володя послушно побежал к ней.

— Неси их туда, увидишь там отдельный загон для ягнят. Бегом давай.

Баярма вручила ему охапку ягнят, и Володя побежал в конец кошары. В большом загоне скакали и блеяли около двух десятков ягнят. Всей толпой они напирали на перегородку, за которой стояла Раджана. У ее ног стояло ведро и целая батарея бутылок с молоком, на

которые она надевала резиновые соски.

Володя аккуратно опустил всю охапку ягнят в загон. Маленькие барашки тут же бросились туда, где толпились их собратья.

— Бутылки бери, — сказала Раджана. — Давай полбутылки на брата. Дашь больше, издохнут. Смотри не перепутай.

Схватив пару бутылок, Володя сунул их ягням, однако отследить какой из них сколько успел высосать, оказалось весьма непросто.

— Червонец минус за каждого издохшего, — злорадно процедила Баярма, заметив, как Володя пытается не запутаться в ягнях.

Теперь он мог внимательнее присмотреться к Раджане. Она была весьма недурна собой, невысокая, ладная, обаятельная «травоядная», чем-то похожая на его одноклассницу, Лидку Писарькову. Отец Володи говорил о таких: «смотришь, и глаза отдыхают».

— Чего замер? — рядом стояла Баярма.

— Да так, задумался, — ответил Володя.

— Ты на Раджану не заглядывайся, она замужем, — предупредила Баярма и пошла дальше по своим делам.

Полдня в кошаре пролетели как один час. За обедом Володя присел рядом с Раджаной, и заметил, что Баярма бросила на них злой, оценивающий взгляд. Раджана засмушалась, встала из-за стола и ушла в дом.

Работяги снова ели молча, неохотно, без аппетита. Володя ощутил, что рядом с ними и ему есть расхотелось.

На улице послышался хруст колес, залаяла Чапа, маленькая сторожевая собака — звонок, на веранду зашел Барнак, с огромным букетом белых роз в руках. Одет он был как всегда с иголочки, стильно и дорого. И все равно был похож на облезлого кота из мультика о котенке Гав.

— Баярма, это тебе! — произнес слегка гнусавым голосом Барнак, протянул букет и противно, хищно улыбнулся.

— Барнак Баханович, я маме все расскажу, — протянула усталым тоном Баярма.

— Ну я же приятно тебе сделать хочу? — прогнусавил Барнак.

— А мне неприятно! — отрезала Баярма.

— А тебя никто не спрашивает! — вдруг разозлился Барнак. — Я здесь решаю, кому приятно, а кому нет.

— Мужчина, — Володя встал из-за стола и вытянулся в полный рост перед Барнаком. — Вам же сказали, девушке неприятно ваше внимание.

Володя стоял перед этим тощим, уже возрастным хлыщом и сам не верил, что позволил себе такое. Это произошло как-то внезапно, спонтанно, если бы он задумался хоть на секунду чуть раньше, стоит так поступать или не стоит, точно не стал бы этого делать. Баярма между тем изменилась в лице. Было видно, что поступок Володи она оценила.

— Что ты сказал? — Барнак слегка наклонил голову вбок.

— Что слышали! — огрызнулся Володя.

Барнак замахнулся букетом, но Володя успел увернуться, а затем свалил оппонента с ног ударом ладони. Этот удар у него сложился в те дни, когда он занимался легкой атлетикой у отца Женьки, между запоями тот пытался воспитать в нем метателя молота.

Барнак приподнялся и зашипел, в точь как обозленная кошка, его глаза стали желтыми. Но за дверью на улице послышались шаги и на веранду вошла Дора.

— Что здесь происходит? — Дора посмотрела на букет, затем на Володю и Барнака.

— Этот старый котяра клеится к вашей дочери, когда вас нет дома! — сказал Володя.

— Ты опять?

Работяги помогли Барнаку подняться с пола.

— Я просто хотел ей сделать приятное, — фыркнул Барнак. — Кто еще здесь подарит ей настоящие розы? Этот что ли?

Барнак кивнул на Володю.

— Пойдем-ка, поговорим, — Дора вцепилась в рукав плаща Барнака и вытянула его на улицу. Там они начали ругаться на бурятском.

После обеда Баярма уже не задирала Володю, наоборот, старалась ему помочь, и смущалась всякий раз, когда он смотрел ей в глаза. Она разливала последнее ведро молока по бутылкам, когда Володя подошел к ней и присел рядом на маленький деревянный стульчак.

— Спасибо, мне было приятно, — сказала Баярма.

— Да ладно, — отмахнулся Володя. — Я же знаю, что нравлюсь тебе...

Баярма замерла на мгновение, а затем надела на голову Володи ведро с остатками молока.

— Сдурела что ли? — Володя скинул с головы ведро, приподнялся, снял с себя мгновенно промокшую шапку и смахнул с лица теплое, склизкое молоко.

Легкой, быстрой походкой Баярма пошла прочь из кошары. Володя бросился следом и настиг ее на улице. Она резко обернулась, обвила его шею своими сильными, цепкими руками. Он ощутил вкус ее губ, и сразу обмяк.

Мимо протарахтел небольшой китайский трактор. Володя даже не увидел, почувствовал, что за рулем трактора Раджана. И она видит их. Но Баярма еще долго не выпускала его из своих объятий, а он не пытался из них вырваться.

— Ягнят с телеги заберите, пока не замерзли, — сказала Раджана.

Не оглядываясь, она пошла к дому. Глаза Баярмы блеснули хищным огоньком. У дома стояли и наблюдали Дора и Барнак. Смахнув с щеки капли молока, Баярма слегка коснулась губами кончика носа Володи и побежала вслед за Раджаной. Трактор с телегой, за бортами которой плакали родившиеся в степи ягнята, надсадно гудел, будто предупреждал о новой опасности. Барнак смотрел на Володю с нескрываемой ненавистью. Затем провел пальцем по горлу.

После той встречи с семьей медведей Леха и Женька поначалу отстранились от Володи, долго боялись начать общаться с ним вновь. Первым не выдержал Женька.

— Я точно это видел, как ты в собаку превратился, — Женька швырнул молот как-то вяло, тренировка у него в этот день не шла.

— И я видел, — рядом пристроился Леха, явно с опаской поглядывая на Володю.

— Ну не может же быть, чтобы нам обоим это показалось? — Женька почесал затылок. — Другие, правда, не видели ничего. Но им просто страшно было, не туда смотрели. Ну скажи, что это было?

— Пожалуйста? — добавил Леха.

И Володя рассказал, как все это началось, об алмазном ущелье, зеленых алмазах, и Миснэ в облике Лидки Писарьковой.

— Лидка, кстати, уехала, — встрепенулся Леха. — Типа, ее забрали в какую-то школу для одаренных детей Севера на Ямале. Но кто ее знает-то на самом деле? Может, она там сейчас сидит, в этом ущелье?

— А давайте проверим? — предложил Женька.

— Не знаю, — засомневался Володя. — Не нравится мне эта идея. Что-то вот тут холодит как подумаю об этом.

Володя нажал себе на грудь.

— Деловой ты, — возмутился Леха. — Ты-то видел, а мы нет. Я тоже хочу на эти алмазы посмотреть.

— Я где-то читал, там, где уран добывают — алмазы зеленые встречаются, изумруды, — добавил Женька. — А в Алмазном ущелье уран добывали, еще при Сталине, это я точно знаю. Геологи пошли туда проверить, может и вправду алмазы там есть? А нашли уран. Так что, на правду похоже.

— Если что я не виноват! — сдался Володя.

Уже к вечеру следующего дня они были в ущелье, разбили лагерь, приготовили ужин, поели и легли спать. Но сон не шел. Так они и просидели до самого утра у костра, в ожидании рассвета.

— Смотри, ты об этом говорил? — оживился Леха, и показал на дымку, что ползла по ущелью от пика Шаман.

— Да, об этом, — сказал Володя.

— Ну давай, показывай, — Женька сунул нож в ножны и закинул за плечо пневматическую винтовку.

— Что-то мне страшно стало, — Леха смотрел на дымку как замороженный. — Может ну ее? Холодно как-то, нехорошо...

— Раз пришли, пойдем, — отрезал Женька. — Или здесь оставайся. Пожрать приготовишь.

— Нет, пойду, — сказал Леха.

Минут пять они шли по мари у врат в ущелье, пока дымка не стала густой и осязаемой.

— А теперь смотрите, — Володя взялся за края дымки и приподнял ее как легкое покрывало.

Они увидели узкую, разбитую колесами грузовиков таежную дорогу, большие

деревянные ворота лагеря, и вышки с охранниками. Ворота открылись, из лагеря выехал грузовик с ящиками в кузове. Где-то в глубине лагеря, в проеме ворот сновали туда-сюда заключенные в черных робах, лаяли собаки, что-то кричали охранники.

Володя, Леха и Женька стояли у кладбища, у свежих могил с табличками. Рядом двое заключенных под присмотром конвоира копали новую могилу. Конвоир увидел троих подростков, открыл рот от удивления, затем стянул с плеча автомат...

Володя бросил на землю вуаль дымки и бросился к лагерю, вслед за Лехой и Женькой, они уже улепетывали во все лопатки.

— Это что было? — пролепетал Леха, уперевшись ладонями в колени.

Женька схватил котелок с чаем, вылил содержимое на костер, срезал ножом крепления палатки, спешно запихал ее в чехол.

— Бежим отсюда, — скомандовал он, закинул рюкзак и винтовку за спину и бросился бежать по узкой, таежной тропе.

Они бежали так до самой Чары. Даже брод через бурный и в любую погоду опасный Апсат преодолели бегом.

— Я думал ты врешь, не верил тебе, — признался Женька, когда они присели на скамью у заправки на окраине Чары. Где-то вдаль, уже в сумерках виднелся пик горы Шаман.

— Может, ко мне ночевать пойдём? — предложил Леха. — Мне страшно до сих пор. Я точно сегодня не усну.

— Забыли! — приказал Женька. — Никому не рассказывай, скажут «чокнутые».

— Забудешь такое, — заныл Леха.

Спустя месяц Леха и Женька заболели. Их сначала лечили в районной больнице, до тех пор, пока у них не начали выпадать волосы. Специальным бортом обоих увезли в Читу, и по поселку поползли слухи, что Леха и Женька заразились лучевой болезнью.

Володю вызвали в райотдел, там его долго допрашивали двое оперативников, добрый и злой. Он рассказал им как все было, про дымку, лагерь, заключенных, могилы и конвоира с автоматом.

Его увели в больницу, к психиатру. Врач направил его в Читу, на обследование. Там ничего серьезного не обнаружили, сказали «расстройство на фоне стресса».

Но отношение в поселке к Володе с тех пор изменилось. Одноклассники перестали с ним общаться. После похорон Лехи его мать выследила Володю у школы.

— Рассказывай, что там было? — процедила она.

— Я не знаю, как это рассказать, не поверите, — признался Володя.

— А ты расскажи! — не отставала женщина.

— Я не знаю, как это рассказать, — Володя заплакал.

— Почему они заболели, а ты ходишь здоровый? — прокричала мать Лехи, и начала бить его ладонями по лицу.

Именно тогда отец Володи принял решение перебраться на родину супруги. Союз начал распадаться, и люди без всяких жутких историй стали покидать Чару, потянулись в родные края.

... Володя лежал в постели и вспоминал тот злополучный поход. В общем-то, ничего особенно не изменилось в его жизни после той встречи с Миснэ в Алмазном ущелье. Даже в тот день, когда они отправились туда с Лехой и Женькой, он не был до конца уверен, что все это ему не приснилось.

Мало ли что привиделось друзьям? Ну, собак перестал бояться вдруг, угадывать начал

что они сказать хотят, молот на тренировке кинул в два раза дальше, чем прежде кидал. Все это выглядело как-то естественно. А чудеса, если верить сказкам, это когда загадал «хочу мороженку», и она появилась у тебя в руках. А она не появлялась.

Дверь тихо открылась и в дом вошла Лидка Писарькова в облике Миснэ. Володя открыл рот от изумления и приподнялся в постели.

— Ты как здесь оказалась? — прошептал Володя.

Долго рассказывать, — Лидка приложила палец к губам. — Слушай меня внимательно. Этот дом окружили савдаки.

— Какие еще савдаки? — испугался Володя.

— Волки такие, сам увидишь сейчас. Будет страшно. Но тебе придется перебороть свой страх. Иначе они заберут все твои жизни. А у тебя их пока не так много.

— Погоди, какие жизни, о чем ты?

— Если будешь бояться, один савдак заберет одну твою жизнь. Заберут все жизни, и ты станешь как те помощники на этой стоянке, молодым стариком. Поэтому не бойся. Убьешь савдака, заберешь его жизнь. Но тогда ты вступишь его в себя, и он будет изводить тебя изнутри. Не бойся, и не убивай. Подчиняйся. Все, пора. Вылей на меня воды. Быстрее...

— Я не буду ничего выливать.

— Быстрее!

За дверью что-то заклокотало. Володя схватил из-под стола ведро с водой и вылил все на голову Лидки. Она мгновенно растворилась. Пол в доме стал ледяным.

В дом ворвался тощий монстр, рослый, поджарый, облезлый волк. В проеме выбитой им двери столпились еще с десятков таких же монстров. Все они рвались в дом, но, что-то их сдерживало. Тот волк, что сумел-таки прорваться, заскользил по льду, его лапы разъехались в разные стороны и он растянулся на брюхе.

Володя занял позицию в крохотном закутке за печкой, там, где не было льда. Машинально он вытянул вперед руки и увидел лапы, покрытые густой черной шерстью. Из горла его вырвался грозный рык.

Волк, клацающая огромными желтыми клыками, брызжа густой, зловонной слюной добрался с трудом до закутка, и вцепился в лапу Володи, будто стальными тисками. Хищник ловко перевернул Володю на спину и потянулся к его глотке.

С выдохом Володя отшвырнул от себя волка всеми четырьмя лапами, вскочил и упал снова. Волк знал свое дело и не прощал ни малейшей ошибки. Бесчисленное количество раз острые клыки монстра клацали у глотки Володи, у яремной вены на шее, но всякий раз он умудрялся извернуться. И снова волк валил его на спину, терзал неумолимо и безжалостно, то и дело выплевывая клочья густой черной шерсти...

Проснулся он с стука в дверь. В доме творился невообразимый бардак, все здесь было перевернуто кверху дном, помято, разбито. Но ведро стояло под столом, и вода в нем была очень холодной, будто из проруби ее набрали только что. За дверью стояла Баярма.

— Может, будильник тебе подарить? — съязвила Баярма и замерла, увидев, что творится в доме.

Затем она коснулась шеи Володи, задрала край его футболки и, то ли всхлипнула, то ли выдохнула так.

— Кто это сделал?

— Спал плохо, — ответил Володя.

— Одевайся и бегом в дом, — процедила Баярма и вышла за дверь.

Володя с трудом оделся, любое движение доставляло ему невыносимые страдания. Он с трудом добрал до дома Доры, вошел на веранду и услышал крики. Баярма в доме яростно спорила со своей матерью.

— Да не знаю я кто это сделал, — оправдывалась Дора.

— Это твой Барнак, козел старый. Сколько мы его еще терпеть будем? — распаялась Баярма. — Совсем уже обнаглел этот котяра. Гони его отсюда, не нужны нам его деньги.

Баярма вся в слезах выбежала на веранду, схватила Володю за руку и завела в дом.

— Вот, смотри, — Барма начала срывать с Володи одежду. — Что это? Что, я спрашиваю?

— Ой, — протянула Дора.

Она пошла к Володе и ощупала синяки и ссадины на его теле.

— Бата? — спросила Дора.

— Нет!

— Понятно. Зря ты Барнака ударил.

— Может, объясните, что это было? — Володя произнес это буднично, без надежды на ответ.

— Тебе нужно извиниться. И не просто так. Встань перед ним на колени, попроси прощения и поцелуй ему руку. И он простит, вот увидишь.

— Что? — вспыхнула Баярма. — Только попробуй это сделать!

— Не буду я извиняться! — подтвердил Володя.

— Тогда терпи, — Дора пожалала плечами. — И работай.

— Мама, какая работа? Ты посмотри на него? — Баярма снова заплакала. — Он еле ходит. Ну что с тобой, мама? Как ты стала такой? Если этот урод Барнак не отстанет от него, я сама его застрелю!

— Давай, кушай, и работать, — Дора смотрела на Володю устало, с сочувствием.

— Мама! — уже рявкнула Баярма.

— Все, не надо кричать, — перебил ее Володя. — Я буду работать. Все со мной хорошо.

Баярма выбежала из дома. Володя так и не притронулся к вилке, от вида жареной картошки в сковороде его начало тошнить. Работяги ели молча, не обращая внимания на все то, что происходило в доме.

Весь день Володя еле передвигал ноги, но работал. Время от времени он видел Раджану, она носилась по степи на тракторе с телегой и свозила к стоянке новорожденных ягнят.

— Воду не забывай пить, — шепнула она Володе, когда тот подошел к телеге за ягнятами.

— Мне так-то врач нужен, — возразил Володя.

Но Раджана сделала вид, что не услышала его. Помощники, хоть и казались потухшими как угольки в сыром кострище, всякий раз оживали, когда Володя подходил к трактору.

— Тетя Дора, может я с помощниками сегодня посплю в кошаре? — спросил Володя за ужином.

— Нет! — отрезала Дора. — Там все битком.

Володя добрал до бани, кое-как помылся и направился к тепляку. На крыльце его ждала Баярма. В руке она сжимала новое топорище.

— Я сегодня буду спать с тобой! — сказала она. — Если они придут, будем драться вместе!

— Нет! — возразил Володя.

— Да!

— Я справлюсь.

— Ты не знаешь этих уродов, — Баярма тяжело задышала. — Бараны и те умнее. Они все делают так, как этот Барнак им скажет.

— Пойдем, — Володя махнул рукой, приглашая Баярму в дом.

Баярма присела на кровать. Володя взял кружку, набрал воды из ведра, выпил и ощутил, что вода по-прежнему очень холодная.

— Расскажи мне кто такой Барнак?

— Я не знаю кто он. Маме он хорошо помог, мы с ним богатыми стали. Но, мама с ним стала какой-то другой, я не узнаю ее. А еще он привел этих помощников. Все какие-то косые, тупые, ведут себя как бродячие собаки. Им человека убить, все равно что барана на мясо зарезать. Мне бы лета дожидаться, в город уеду, в колледж буду поступать. Поехали со мной?

— Я бы с радостью, — Володя присел рядом.

— Так поехали. Барнак мне зарплату платит, как помощнику, каждый месяц, типа на приданное. Я много накопила. На год нам хватит. А потом работать будем.

— Давно к тебе этот Барнак клеится?

— Да как только появился здесь. Ждет пока я совершеннолетней стану. А мне он противен, похож на драную кошку.

— Я тоже это заметил, — усмехнулся Володя.

Володя вдруг ощутил, что боль покидает тело, а мышцы наливаются силой. Баярма прислонилась головой к его плечу, и он ощутил запах ее волос. Сердце в его груди гулко застучало.

— Я слышу, как бьется твое сердце, — проворковала Баярма и потянулась к нему. — Ты такой славный был, когда на линейку пришел. Я тогда подумала «все, мой будет» ...

— Вот за это меня точно убьют!

— Не убьют!

Она уселась к нему на колени и прильнула к его губам. Но неведомый голос в голове Володи вдруг зачастил: «нельзя, нельзя, нельзя».

— Нельзя сейчас! — Володя отстранился от Баярмы.

— Почему?

— Я не могу тебе это объяснить, сам еще не разобрался...

— К Раджане надеешься подкатить? — пальцы Баярмы впились в робу. — А что, вы бы хорошо смотрелись рядом. Она дура странная, и ты такой чморик!

— Ты не поняла меня, — Володя попытался ее обнять.

— Руки убери! — Баярма грубо толкнула Володю и пошла к двери. — Сегодня они тебя точно прибьют. А я потом еще попрошу, чтобы добавили, от меня!

Баярма громко хлопнула дверью. Володя тут же закрылся на крючок.

За дверью снова что-то забулькало, заклокотало. И этот звук стал сигналом, по полу в доме пошла легкая дымка, старые, скрипучие, давно некрашенные доски покрылись коркой льда.

Володя выставил вперед ладони и увидел лапы, покрытые густой, темной шерстью. Легкой тенью он рванул в закуток за печкой и тощий, поджарый волк плюхнулся на его кровать. Хищник встал на изготовку, выгнув спину, вздыбил шерсть на загривке, оскалил желтые клыки и бросился на Володю словно стрела, пущенная из монгольского лука.

Володя встретил его ударом лап, попытался вцепиться в загривок. Но волк извернулся, повалил противника на спину, клацнул клыками, вырвал из шеи клочок свалывшейся в плотный войлок шерсти. В проеме двери, взвизгивая от нетерпения бесновались другие волки. Но что-то их сдерживало, в дом они могли войти только по одному.

Волк был крупнее, сильнее, быстрее Володи. Он и на волка то особо не был похож, скорее на тощую гиену с вытянутой мордой. И, угадывалось в облике этого безумного хищника нечто знакомое, будто человеком он был когда-то, не сразу стал зверем.

— Так, я в отличие от него могу думать, рассуждать, — мелькнуло в уме Володи.

Он снова упал на спину, волк снова метил ему в глотку, но Володя хоть и с трудом, уже сдерживал его всеми четырьмя лапами.

Волк попытался укунить Володю за лапу и подставил загривок. Клыки Володи сомкнулись на шейных позвонках монстра, тот на мгновение обмяк. Одним рывком Володя подмял под себя хищника, позвонки в пасти хрустнули. Всего одно движение, и волку конец.

— Не убивай, подчиняй, — мелькнуло в уме напутствие Лидки Писарьковой.

Он слегка ослабил хватку и швырнул волка словно мешок с опилками. Зверь захрипел, забился в судорогах и окончательно не обмяк. Володя склонился над ним, громогласно зарычал. Волк лежал на спине поджав лапы и плакал, словно маленький ребенок.

Володя вновь оказался за печкой и встал в стойку. Волк, поджав хвост выбежал их дома и на смену ему явился еще более жуткий монстр, косматый как медведь, куда более крупный, а значит и куда более сильный.

Однако оказавшись в доме он тоже заскользил лапами и неуклюже повалился на брюхо. Клыки Володи сомкнулись на загривке хищника, так сильно что волк издал звук, похожий на пожарную сирену.

Этот зверь, несмотря на боль, не думал сдаваться. Он рванул всем телом, и Володя едва успел упереться лапами в печку. Волк швырял его по дому, смял им кровать, разрушил печь, лед на полу пошел трещинами. Но Володя сжимал пасть все крепче и крепче, и Косматый начал сдавать. Он лежал на полу и хрипел, но все еще боролся, ждал удобного момента.

— Этого придется убить, — подумал Володя и сжал челюсти так, что за ушами у него что-то захрустело.

Косматый задрожал всем телом и, вильнул хвостом. Затем он начал вилять все быстрее и быстрее. Володя разжал свои тиски и навалился на монстра, подмял под себя. Волк лежал съезжившись, и уже не казался большим.

Взобравшись на груды кирпичей Володя увидел волка, которого в уме тут же окрестил Заморышем. Хищник был заметно мельче предыдущих, и явно не планировал драться. Наоборот, с первой секунды, как только оказался в доме, показался очень даже

дружелюбным. Он завил хвостом, припал на бок, изображая полную покорность, потянулся к Володе ластиться.

Удар он нанес снизу, когда Володя уже хотел было нависнуть над ним. Заморышу не хватило упора для полноценной внезапной атаки, и какой-то доли миллиметра чтобы не прокусить глотку. Задние лапы волка расползлись и клыки Володи сомкнулись на загривке коварного противника. Володя трепал его долго, до тех пор, пока тот не забился в судорогах.

Швырнув к выходу почти бездыханное тело, он встал посреди руин, обломков былой обстановки в доме, и решил не прятаться. Теперь ему хотелось биться со всеми разом.

... В дверь стучали очень настойчиво. Володя открыл глаза, поднялся с пола, огляделся. Все что можно было разрушить в этом доме, было разрушено, смято, раскурочено.

Он поднял с пола кружку, сунул ее ведро, увидел, что воды осталось немного, она еле покрывала дно.

— Ты у меня без расчета останешься! — процедила Дора, когда Володя открыл дверь.

Заглянув в дом, она обомлела, замерла как статуя из мрамора. Чуть поодаль за ней стояла Баярма. Лицо ее выражало и тревогу, и ненависть, и что-то еще, этакий винегрет из всех видов чувств.

— Зовите еще, — прохрипел злорадно Володя. — Мне это начинает нравиться!

Баярма ворвалась в дом и бросилась на шею Володе.

— За печку удержу из твоего расчета! — проворчала Дора. — И за кровать, и вообще за все что ты тут поломал.

Весь этот день Володя не просто работал, носился по стоянке словно молодой, полный сил пес, мчался по степи навстречу зимнему ветру и не ощущал холода.

— Чего как дурак-то себя ведешь? — возмутилась Баярма, когда Володя вернулся с охапкой новорожденных ягнят.

— Мне просто весело, — Володя поцеловал Баярму в нос.

— Я не хочу, чтобы мой парень вел себя как собака! Обед готов!

За обедом он дважды попросил добавки и заметил, что Раджана едва заметно улыбается. Баярма сидела рядом и смотрела на невестку с откровенной неприязнью.

— Не выходи из дома, ни в коем случае, — шепнула Раджана, когда Володя начал обуваться.

— Ты знаешь, что происходит? — Володя вскочил и схватил Раджану за плечи.

— Что вы делаете, отпустите меня, я замужем, — пролепетала она в тот момент, когда из дома вышла Дора.

— Ты, я смотрю, совсем обнаглел? — глаза Доры стали желтыми.

— Я спросить хотел, — огрызнулся Володя и вышел за дверь.

— Мама разрешила тебе сегодня спать в доме, в зале, — шепнула вечером Баярма. — Соглашайся. Я приду к тебе, когда все уснут.

— Прости, не могу, — ответил Володя.

— С помощниками что ли будешь спать?

— Нет, у себя, в тепляке.

— Чокнулся что ли? Там же холодно?

— Ничего, матрац постелю не замерзну.

— Ну и дурак!

Волки, как и прежде, врывались по очереди, и уже не валились неуклюже на льду, он был слишком тонким. Всякий раз они были непохожими друг на друга по своим повадкам и

умению биться. Но Володя был полон сил, решимости, и с каждой новой схваткой становился лишь сильнее. Он даже увидел себя со стороны, огромного, мощного пса черной масти с двумя белыми точками на надбровьях. Последние три волка сдались без боя, заползали и начинали лебезить.

Остались двое, мощный, черной масти, похожий на помесь гиены и канадского волка, и гончий, короткошерстный, с обрубок вместо хвоста. Гончий вильнул пару раз обрубок и ушел, не стал заходить в дом. У входа стоял Черный, и явно всем своим видом предлагал выйти на улицу. Но Володя стоял на месте, глядя ему в глаза, и даже повиливал своим хвостом, в знак пренебрежения.

Они стояли так долго, в игре «кто кого пересмотрит». Черный не боялся Володю, но заходить не спешил, очевидно, потому что у него был план. Володя же всем своим видом давал понять, что чхать хотел на чужие планы.

Лишь когда забрезжили первые лучи солнца где-то на востоке за сопками, Черный исчез. Володя вышел на крыльцо, вдохнул запахи предрассветной степи и завыл, громко, протяжно. Но не от тоски, а от чувства восторга, что переполняло его новую, полную невероятной силы оболочку.

Барнак приехал к обеду. Он еле вылез из своего огромного, размером со средний грузовик джипа, по бокам его тут же подхватили охранники. В дом они его занесли буквально на руках. И без того худой, он совсем отощал, лицо "котяры" стало землистым, глаза впали, тонкие губы побелели.

— Что с вами? — всплеснула руками Дора.

— Надо поговорить, — пробормотал Барнак.

Охранники завели его в дом, Дора вошла следом и закрыла за собой дверь.

— Так ему и надо, — шепнула Баярма, и прильнула носом к макушке Володи. — Не засиживайся, жду тебя в подсобке.

Баярма бросила короткий неприязненный взгляд на Раджану и вышла на улицу.

— Тебя сейчас отправят на заимку, — выдохнула Раджана.

Руки ее дрожали, она не находила себе места.

— Ну и пусть отправляют, — Володя усмехнулся.

— Там есть Коля, держись рядом с ним, — Раджана налила два стакана чая с молоком, и унесла их на подносе в дом.

Володя спешно оделся и направился к кошаре, миновал загон с ягнятами и прошел в подсобку. Баярма лежала на кровати и листала «Анатомию для художников» Ене Барчаи. Постель на этой кровати была застелена свежим бельем. На спинке кровати висело чистое полотенце, рядом, на табурете стоял таз с теплой водой.

— Ты умеешь рисовать? — просила она.

— Пока нет, — ответил Володя.

— Закрой дверь.

Володя закрыл дверь на крючок.

— Давай, ты научишься рисовать, как твой отец, и нарисуешь меня так? — она показала картинку с изображением полубнаженной девицы.

— Давай, — согласился Володя.

— У кого спина красивее, у нее, или у меня?

— Не знаю, я пока не видел тебя... со спины.

Она поднялась с кровати, повернулась к нему спиной и начала раздеваться.

— А если мама твоя придет?

— Не придет. Она сейчас Барнака лечить будет. Это надолго. — Она сняла с себя все, а затем накинула на бедра простыню. — Видишь?

— Вижу! — Володя ощутил, как кровь в нем начала вскипать, ударила в виски, а затем побежала по всему телу, словно пар в паровом двигателе.

— Эта девушка на картинке недоразумение по сравнению с тобой! — пробормотал Володя.

— Честно?

— Говорю, как есть.

— Ты умеешь красиво говорить, все наши девчонки это заметили, — она начала поворачиваться к нему, медленно, картинно, как в кино.

От стука в дверь Баярма вздрогнула, уронила простыню.

— Чего надо? — крикнула она грубо в дверь.

— Там Дора новенького зовет, — прохрипел помощник.

— Скажи через час придет.

— Сказала сейчас надо. Или сама придет.

— Ненавижу все это! — она ударила ногой по тазу. — Сейчас оденусь и можешь идти.

Одевалась она нервно, спешно, то и дело путаясь в одежде.

— Если ты еще не передумала, я готов бежать с тобой в город, — Володя подошел к Баярме и обнял ее.

— Обещаешь?

— Обещаю!

Она прильнула к его губам, а затем слегка толкнула в грудь: «все, беги. Если мама увидит нас тут, меня в деревню отправит».

Володя вышел из кошары и увидел, что джип Барнака мчится по степной дороге в сторону заимки, где обитали Бата и его подручные. Дора сидела за столом на веранде и потягивала чай из кружки.

— У нас тут заимка есть недалеко, там помощники нужны, — начала она. — Мы переводим тебя туда. Ненадолго, до весны. Сейчас чай допью и поедем.

— Хорошо, как скажете, — согласился Володя.

На заимку они выехали на новеньком «Белорусе» с большой кабиной. Дора вела технику быстро, умело, и всю дорогу смотрела в одну точку, явно думала о чем-то таком, о чем ей не очень-то приятно было думать. Где-то впереди маячила гора Хан-Уула, издавека она была похожа на огромного хищника, что прилег отдохнуть после ночной охоты. У коновязи перед домом стоял Бата, явно ждал их.

— Барнак уехал уже? — спросила Дора.

— Только что, через Военхоз поехали, — ответил Бата.

— Сильно не шумите, — Дора посмотрела на Володю так, будто видит его в последний раз, и погнала трактор обратно на стоянку.

— Будешь работать в конюшне, и за собаками смотреть, — сказал Бата. — Жрать будешь потом, когда все поедят. Спать будешь с собаками, в подсобке.

— Не согласен! — возразил Володя. — Я работник, а не раб!

— Будешь рабом! — Бата криво усмехнулся.

— Тебе надо ты и будь! — усмехнулся в ответ Володя, и едва успел уклониться от удара.

Пудовый кулак Баты просвистел у самого носа. В ответ он ударил ладонью, как хлопущей для мух. Удар получился хлестким, сочным, Бата не упал, но пошатнулся.

Затем Володя взлетел как простыня, когда ее вытряхивают, и плюхнулся на мерзлую землю. Бата навалился сверху и принялся мутузить наотмашь, будто молотком, или кувалдой. Но и тут Володя не растерялся, завертелся как волчок в поисках той мертвой зоны в драке, где удары не причинят ему вреда, и бил в ответ так, что лицо степняка быстро покрылось маленькими шишками.

— Эй, завязывайте, — услышал Володя.

К ним бежали парни с соловыми глазами, очевидно, увидели драку в окно и выбежали. Плечистый русский парень с трудом оттянул Бату за плечи. Тот резко отмахнулся, но драку продолжать не стал.

— Он все равно не жилец! — прохрипел Бата.

— Не нам это решать! — возразил русский.

— Не указывай что мне делать, кровосос! — Бата толкнул парня плечом и направился к дому. Русский помог Володе подняться с земли.

— Ловко ты его. Каратэ что ли занимался?

— Ты Коля? — спросил Володя.

— Да, я.

— Раджана посоветовала мне держаться рядом с тобой.

Коля сказал что-то парням на бурятском и те тоже потянулись в дому.

— Ты держись рядом, но делай вид что сам по себе, — Коля заботливо отряхнул Володе спину.

— Запутался я уже, крыша едет в этой степи...

— Не переживай, разберешься, — Коля подмигнул.

В доме пахло нестиранной одеждой и псиной. Парни жили в гостиной и не особо следили за порядком. И только в отдельной спальне за покрывалом вместо двери было чисто и уютно. Жили в этой спальне Коля и Бата.

— Может, я в подсобке жить буду? — Володя окинул глазами стол, заваленный немойтой посудой.

— Зачем в подсобке? В спальне третья койка есть, — Коля откинул покрывало и жестом пригласил пройти. — Обувь снимай, здесь только в тапочках.

— Зачем ты его сюда завел? — Бата приподнялся со своей койки и отложил газету. — Пусть в подсобку идет.

— Там сыро, — возразил Коля. — В конце концов, ты сам сказал — не жилец. Пусть хоть напоследок поживет как человек.

— О чем это вы? — не понял Володя.

— Да так, юмор у нас такой, — Коля снова подмигнул.

— Покажи ему что в конюшне делать. И как корм собакам варить.

Бата смешно дернул носом, и снова уткнулся в газету.

Конюшня располагалась на приличном отдалении от дома, потому Володя сразу ее не увидел. В стойлах этого строения скучали примерно два десятка скакунов, все как один похожих на того Урагана, загнанного нечаянно Володей.

Чуть дальше за конюшней была псарня. В вольерах громко завывали маленькие, тощие шавки с вытянутыми мордами. Увидев Володю, они нервно заскулили.

— В общем, в подсобке за вольерами мы варим жратву для собак, — пояснил Коля. — Там не трудно, мясо нарубил, с овсянкой заложил, помешал полчаса и все, уже не пригорит. Пусть ночь томится. В вольерах убираемся утром, и только после того, как с лошадьми разобрался. Лошадям утром сено, на ночь овес. Навоз лошадиный в телегу, собачий в яму, она там, за псарней, найдешь.

— Коля, может объяснишь, что здесь происходит? — Володя воровато оглянулся.

— А что здесь происходит?

— Ну, много чего так-то. И все это похоже на галлюцинации. Или страшный сон.

— Ну раз похоже значит галлюцинации, — Коля похлопал Володю по плечу. — Тут в степи как, показал себя мужиком, будешь жить как мужик. Показал себя бараном, и жить как баран будешь, пока не зарежут. Все просто.

— То есть, ты хочешь сказать, что я еще не показал себя?

— Молодец! — Коля одобрительно кивнул.

— А как мне себя показать?

— Можешь ковыряться здесь в дерьме по-тихому и ждать. Как смогу прикрою, но не факт, что смогу. А можешь вызов Батухе кинуть.

— Это как?

— Все просто, — Коля покосился в сторону дома. — За ужином, при всех, скажешь: «Батуха, я бросаю тебе вызов».

— Драться надо что ли?

— Он сам выберет как. Это его право. Но я точно знаю, что он погонит тебя на гору.

— И что это за ответ такой?

— Увидишь! — Коля мрачно улыбнулся.

Володя подметил про себя что взгляд Коли в отличие от остальных на этой заимке не кажется соловым.

В доме тем временем парни успели прибраться и помыть посуду. Ужинали работяги китайской лапшой быстрого приготовления.

— Я бросаю тебе вызов! — выдавил из себя Володя, когда Бата закончил трапезу и налил себе чаю с молоком.

— А ты знаешь, как это делается?

— Просветили, — ответил Володя.

Парни заволновались, начали переговариваться на бурятском языке. Бата покосился на Колю.

— Все правильно, Батуха, месяц после серебряной луны, — сказал Коля.

— Не называй меня Батухой! — Батуха поиграл желваками, и посмотрел на Володю. — Сегодня после двенадцати пойдешь на гору. Коля объяснит, что надо делать.

Он взял кружку с чаем и ушел в спальню.

— Короче, в полночь тебе надо будет раздеться, — Коля смолил сигарету, сидя на крыльце. — Побежишь отсюда.

— Куда? — Володя ощутил холодок в груди.

— На самую макушку горы Хан-Уула, — ответил Коля.

— Голым что ли?

— А ты как думал?

— Холодно же? Видишь, поди, морозы какие стоят?

— Если ты тот, о ком я думаю, одежда тебе не понадобится, — Коля сплюнул

стружкой. — А если не тот, и мне кирдык.

— Да ты сдурел? — Володя вскочил и вытянулся перед Колей в полный рост. — Бежать голышом по степи в тридцатиградусный мороз?! Ты сам себя слышишь вообще?

— Повторяю, для особо одаренных. Если ты тот, о ком я думаю...

— Да мало ли о ком ты думаешь? — взвизгнул Володя. — Ты за дурака меня держишь что ли? Бежать голым в мороз, по степи? Убить меня хотите? Так убейте! А за дурака меня держать не надо!

— Закрой глаза! — Коля ехидно улыбнулся.

— Зачем?

— Закрой глаза я сказал!

Володя закрыл глаза.

— А теперь открой!

Володя открыл глаза, увидел большого волка с обрубок вместо хвоста, попятился, упал.

— Закрой глаза! — прорычал волк.

Володя послушно закрыл глаза.

— Открой!

Володя открыл глаза и снова увидел Колю, в прежнем обличье.

— Если ты тот, о ком я думаю, ты дойдешь до вершины горы Хан-Уула!

— Ой, — Володя взялся за голову. — Короче, я сплю. Ну не может быть все это в реальности. Вот сейчас проснусь у себя в тепляке на стоянке, собак накормлю, поросят, коров подою, на водопой их сгоняю, в стайках приберусь, сена дам...

— Не ной, а? — взгляд Коли помутнел. — Смотреть противно. Можешь поспать если хочешь. Но обычно не спят, не спится. Посоветовать не могу, не был я там, вызов Батухе не бросал. Верь в себя, все что могу сказать.

Коля бросил окурок в ведро и зашел в дом. До полуночи Володя сидел на кухне, за столом, и пил чай, кружку за кружкой. Парни валялись на своих кроватях в просторной гостиной и смотрели телевизор, «Поле чудес». Время от времени один из них выглядывал, смотрел, не сбежал ли новичок. Коля и Бата о чем-то тихо и сдержанно спорили в спальне.

— Все, пора! — Коля вышел из спальни.

Было видно, что он волнуется.

— Раздевайся! — скомандовал Бата.

— Ты тоже раздевайся! — добавил Коля.

— Он не дойдет! — возразил Бата.

— А если дойдет?

Бата не ответил.

Володя разделся, и встал у выхода, не находя себе место от стыда. Рядом встал тоже совершенно голый Бата.

— Смотрите на небо, — скомандовал Коля. — Бегите на звезду. Удачи.

Володя и Бата вышли из дома, за ограду, и побежали. Вслед им громко заулюлюкали парни. Холод мгновенно сковал тело Володи, вонзил в него тысячи острых как иглы клыков. Казалось, еще немного, и этот холод начнет рвать его на куски, как голодный зверь тушу издыхающей добычи.

Бата сразу же оторвался от него, умчался вперед. Узкая степная дорога, покрытая укатанным в лед снегом, начала цепляться за стопы, Володе даже показалось, что кожа с его стоп начала отваливаться маленькими кусочками. И наверняка за ним уже тянется кровавый

след.

— А если волки появятся? — подумал Володя. — Ну козлиная же ты, Коля? А Раджана — коза драная! Ну удружили. Все за одно, оказывается. А может назад повернуть? Скажу, хватит разводить этот балаган? И будь что будет? Хоть убивают пусть? Какая разница как подышать, от холода или от ножа?

Он задрал голову и увидел звезду, что висела одна одинешенька в темном, густом небе.

— На звезду так на звезду, — успокоил он себя, и прибавил ходу.

У озера он уже не ощущал своего тела, окончательно сковал холод, но бежать все еще мог. Звезда стала светить чуть ярче и в ее свете он даже увидел очертания горы Хан-Уула. Он зачем-то побежал по льду озера и провалился. Благо было не глубоко, он сумел выбраться на берег, но холод принялся терзать его с особым остервенением. Ему показалось, что плоть его начала отваливаться сначала маленькими кусочками, а затем и целыми кусками.

У подножия горы испытанием стал глубокий, скованный холодом снег. Эта корка терзала его ноги, пробивала плоть до кости. Где-то сбоку он услышал чье-то дыхание, повернул голову и увидел силуэт волка. Чуть дальше мелькнули еще несколько силуэтов. Хищники не торопились, ждали пока добыча сама не упадет.

Володя закричал от ужаса, но из легких вырвался вой, тоскливый, полный ужаса. Он прибавил ходу и бежал не ощущая боли, сжав зубы, к своей цели. Споткнувшись об наст, он упал и дальше пополз на четвереньках, все еще упорно, выплевывая на снег странные, противные на вкус сгустки. Волки кружили рядом, наблюдали, приноживались.

— Ну все, приполз, — подумал он, уткнувшись лицом в снег, и ощутил, как острые клыки сомкнулись на его шее. Но, он сумел извернуться и ответил ударом ладони.

Волки начали нападать со всех сторон, по очереди, отхватывая куски плоти, и тут же отходили, клацая зубами. А он из последних сил вертелся, отбивался, отпугивал. И рычал.

— Вперед, звезда, — закрутилась в его голове шальная мысль, такая же косая и непослушная, как глаза этих парней на заимке. — Вперед, звезда...

Он пополз вперед, глядя на звезду, и вдруг ощутил, что она отвечает ему, даже силой будто питает. Он повалил очередного волка, впился ему в глотку и ощутил вкус крови, горячей и живительной. Хищник выл, рвался, его собратья терзали тело Володи, а он упорно держал свою жертву, сосал кровь. Затем он схватил второго волка, третьего...

Чуть в стороне полз по снегу Бата. Силы покинули его, он поднимался на ноги, падал, снова поднимался, пока не замер и не начал биться в судорогах. Володя припустил к макушке горы галопом, видел ее отчетливо, будто раздвигал силой взгляда кромешную темноту. И никто его уже не преследовал. Он взобрался на эту макушку и огляделся. Перед ним раскинулась чудесная степная долина, озеро виднелось где-то внизу, заимка, стоянка Доры, гора Шаман и падь Даржа за ней. Весь мир был перед ним как на ладони.

Володя набрал полные легкие морозного воздуха и завыл, сладко, торжественно. И тысячи волчьих глоток вдруг ответили ему со всех сторон, приветствуя нового властелина.

Володя проснулся, а точнее пришел в себя от шума. Он открыл глаза, приподнялся с постели и услышал хрип. На полу у кровати лежал Бата. Рядом с ним сидели на корточках трое парней.

— Вы чего это? — спросил Володя.

— Он хотел вас убить, хозяин, — сказал один из парней. — Ножом хотел вас зарезать пока вы спали.

— Да какой я тебе хозяин?

— Хозяин! — парень вытянулся по стойке «смирно». — Меня зовут Бодон. Я готов вам служить.

— Ой, — Володя махнул рукой.

Он не ощущал ни страха, ни волнения, вообще ничего. Спокойно и безучастно Володя оглядел останки Баты, затем осмотрелся в поисках одежды. Один из парней принес ему новенькую робу, за ним в комнату вошел Коля.

— Очнулся?

— Хорошо бы, — Володя начал одеваться. — Мне такое снилось сейчас. Но это конечно же не сон.

— Наверное, — Коля почесал затылок. — Я Дору на всякий случай вызвал. Чтобы вопросов потом не было.

— А что случилось?

— Зарезать тебя хотел, пока ты спал. Похоже, Барнак ему велел.

— Знать бы еще, что я ему сделал?

— Скоро узнаешь, — Коля дал команду парням на бурятском языке.

Парни обернули останки в одеяло и вынесли из комнаты.

— Эти парни савдачники, — Коля кивнул вслед парням. — Ты не спрашивай меня сейчас, я тебе ничего не скажу, права не имею. Но теперь ты вожак стаи. Как хочешь, так и понимай. Они теперь только тебя слушаться будут. Ты их вчера сильно удивил. Пятеро вызов Батухе кидали. Никто не выжил. А парни крепкие были, ты на их фоне щенок, с виду.

— Я помню только, что был на горе как собака, — Володя размял шею. — А потом все, как отрезало.

— Короче, были среди нас такие, кому удавалось на эту гору забежать, — Коля присел рядом на койку. — Батуха это делал, например. В полнолуние эта гора особую силу имеет. А после серебряной луны она убивает всех, кто к ней подойдет. Поэтому Батуха не добежал. Но, было пророчество, что придет волк, который сможет взять эту гору после серебряной луны. Это повелитель всех волков, Банхар. Он приходит раз в тысячу лет. Вот, похоже, ты тот самый Банхар.

— Это же порода такая?

— А слышал, как она произошла?

— Нет.

— Был такой лунный волк, оборотень, повелитель всех савдаков. Он странствовал между мирами, и никто не мог его остановить. Говорят, он стал таким потому, что в одиночку растерзал тысячу самых сильных, черных савдаков в Мертвой пустыне, и забрал их силу. Он умел питаться не только страхом, но и ненавистью еще.

А еще есть такие демоны, барнаки, повелители Мертвой пустыни. Они одолели лунного волка, поработили, и пообещали ему безграничную свободу, и много жизней, если тот выследит и убьет Драгоценного. Лунный волк выследил Драгоценного, но убить не смог. Драгоценный приручил его, и доверил ему миссию. Какую именно, я не в курсе.

— Красивая сказка.

— Я не знаю, что Дора сейчас скажет, но мы здесь с одной целью, патрулировать волчьи тропы. По ним приводят в этот мир новых савдаков.

— Может, объяснишь мне, кто такие савдаки? Я недопонял.

— Падшие. Когда-то они были обычными людьми, но выбрали не тот путь и стали духами Мертвой пустыни. Смотрел видики про зомби?

— Да, смотрел.

— Вот, сначала они такие. Потом постепенно превращаются в савдаков, бродячих духов. Это вроде еще люди, но внешне они уже как волки, только облезлые, мерзкие. Обычную еду они есть не могут, поэтому питаются страхом. Самый сочный и сытный страх у людей с этого мира. Но в Мертвой пустыне людей нет. Поэтому они все время рвутся сюда. Но там их контролируют сарты, их еще называют Черными всадниками. Они стоят заставами на границе миров и никого не пропускают в мир людей.

Но есть волчьи тропы, по которым савдаки все-таки проскакивают сюда. А такие как Барнак находят для них оболочки, людей. Видел глаза у них какие? Вот, увидишь такие глаза — знай, перед тобой савдачник.

— У тебя нормальные глаза, — Володя почему-то в этот момент сильно трясло, будто от холода несмотря на то, что в доме было хорошо натоплено.

— Своего савдака я приручил. Я сам из Миасса, есть такой город в Челябинской области. Но дед мой, говорят, был бурятом, с этих мест. Не знаю как, но видимо от него мне что-то предалось. Короче в детстве я видел этих савдаков. Они тупые, не соображают вообще, но приручаются. Я своего год окучивал. Хвост ему оторвал пока воспитывал. Прожорливый, гад. Мне кровь приходится пить чтобы накормить его.

— Это поэтому Бата кровососом тебя называл?

— Я по чуть-чуть, не больше стакана в день, и только лошадиную. Она даже лучше человеческой...

— Ты и человеческую пробовал?

— Зачем? — Коля растерялся, но тут же взял себя в руки. — Просто знаю. Короче, он бегать меня по степи заставляет, тесно ему, видите ли, во мне. Воду еще любит, с источника, свежую обязательно. Но так зверь забавный. Ластится даже иногда. И не тупой, в отличие от остальных. Я прямо чувствую, что мы сливаемся с ним постепенно. Только не пойму кто кого поглощает, я его или он меня. Не очень-то мне хочется быть савдаком. Обычным точно быть не хочу. А вот если мозговитость моя останется — почему нет. Только не знаю, как это сделать. Раджанка говорила надо принести клятву Банхару. И тогда я стану первым мозговитым савдаком, ну, после Банхара конечно.

— Расскажи мне, кто такая Раджана? И что это за Драгоценные?

— А вот тут, паря, ничем помочь не могу! — Коля хлопнул Володю по колену. — Ну так что, примешь у меня клятву?

— Знать бы, как это делается?

— Что-то ты долго зреешь, — Коля нервно выдохнул. — А еще, мне очень интересно что они делать будут? Я имею виду Дору и Барнака. Ты же Банхар. Волчьи тропы ты точно

искать не будешь. А стая тебя вожаком признала. Так что ждем, самому интересно.

Дора появилась к обеду. На поводке она вела Чапу, маленькую собачонку, что служила на ее стоянке «звонком». Молча и невозмутимо Дора осмотрела останки Баты и велела их захоронить в овраге, поглубже, чтобы звери не раскопали.

— Коля, — сказала Дора. — Барнак звонил, сказал, груз пришел из Китая, «Золотой дракон». Надо срочно забрать, сегодня же ночью.

— А поведет? — спросил Коля.

— Ты за старшего.

— Я тебе не сказал сразу, стая его вожаком приняла, — Коля кивнул на Володю. — Меня они не будут слушаться.

— Тогда командуй через него. Забрать нужно весь вагон, все под чистую. Поэтому пойдете все.

— А перевал где будет? — спросил Коля.

— У Цыбена.

— В полосе, значит? Но я там не был еще. Туда Батуха только ходил. И собак у нас таких нет.

— Она поведет, — Дора кивнула на Чапу.

Собачонка смотрела на Володю с ненавистью, соловыми, раскосыми человеческими глазами.

— Предупреждаю, пойдет что-то не так, мы сразу уйдем! — предупредил Коля.

— Хорошо, — Дора улыбнулась. — Но тогда на ваше место придут другие. И вожак будет другой. И савдака, которого ты приручил, придется вернуть. Неужели ты думал, что мы не видим ничего?

— Ладно, сделаем все как надо, — согласился Коля.

— В спальню не заходите, мне поспать надо, устала я, — Дора скинула с себя бушлат и ушла в спальню.

Весь тот день парни тоже спали, а Володя и Коля возились в конюшне.

— Хочешь крови попробовать? — спросил Коля.

— Да как-то не очень, — ответил Володя.

— Значит, хочешь.

Коля взял длинную иглу из кастрюли на печке, ввел ее в шею одной из лошадей и подставил граненый стакан. Кровь полилась тонкой струйкой.

— Они даже не чувствуют ничего, — Коля зализал языком ранку на шее лошади. — На, попробуй. Если ты Банхар, тебе должно понравиться.

Володя принялся.

— Прости, я пас.

Коля выпил кровь залпом, с наслаждением.

— Это особые лошади, — Коля похлопал по шее коренастого мерина. — Они дикие, и поэтому видят волчьи тропы, могут по ним ходить. Собаки обучены как поводыри, они тоже савдачники. Одну собаку хватает на один поход. Потом она издыхает. Обычно мы ходим в Забайкальск, на вагоны из Китая. Это наша дополнительная обязанность. Так Барнак и разбогател. «Золотой дракон» — такая настойка для потенции. Чиновники ее шибко уважают, особенно старые. У Барнака она как валюта, ну или как золотой ключик от всех дверей, типа того.

— А сами вы не можете ходить, без собак и лошадей? — спросил Володя.

— Раньше ходили, но савдаки без оболочки совсем тупыми становятся, корову могут подрать по пути, или человека. Вопросов много будет. Поэтому ходим так. Три похода и нужна новая оболочка. Видел этих доходяг на стоянке? Отработанные оболочки. Тут их столько было, из стариков только мы с Батухой остались. Я, потому что приручил своего, а в Батухе особый савдак был, черный, который ненавистью питаться умеет. Этот савдак силой делиться может, у него ее вагон. Видел бы ты как мы кончали его сегодня ночью? Батуху я имею ввиду. Савдака заодно хотели грохнуть. Не вышло, ушел.

Дора вышла из спальни ближе к полуночи. В костюме шамана Володя не сразу ее узнал. На ней был черный балахон, шлем с рогами, в руках она держала бубен.

Во дворе парни разожгли огромный костер и выстроились вокруг него в полной готовности. Дора начала обряд. Она долго била в бубен и плясала вокруг костра, затем оцепенела и заголосила нечеловеческим голосом в небо. Парни тут же завыли в такт ей.

Дора плясала вокруг костра и голосила, а парни выли до тех пор, пока в небе не вспыхнула крохотная звезда красного цвета. Володе показалось что это даже не звезда, а чей-то глаз, налитый огнем.

— Все, пора, — Дора без сил опустилась на землю.

Парни бросились к коновязи, у которой их уже ждали оседланные лошади. Володе достался мерин, из которого Коля цедил кровь. Чапа с воем бросилась в ночную степь, всадники помчались за ней, так быстро, что реальность этого мира почти сразу смешалась с другой реальностью, где был лишь холод, и покрытые льдом камни.

Часов пять, может чуть больше отряд всадников мчался в тумане, вслед за Чапой. Володя то и дело оглядывался по сторонам, но не видел ничего, одну лишь мглу, густую как та дымка, которую он поднял в Алмазном ущелье. Вот только мгла эта была неосязаемой.

Внезапно где-то впереди раздался крик. Всадник, что мчался первым в колонне, слетел с седла и растворился во мгле. Затем также внезапно исчез парень, замыкавший колонну.

— Ходу! — прорычал Коля, и лошади помчались еще быстрее.

Однако нечто было куда быстрее лошадей, и атаковало на выбор, очевидно, все ближе и ближе подбираясь к Коле и Володе в центре колонны. Коля вынул из голенища сапога нож, когда нечто утатило всадника, шедшего перед ним, и приготовился обороняться. Но мгла внезапно расступилась и отряд, изрядно поредевший, оказался в степной долине.

— Что это было? — спросил Володя.

— Кто бы знал? — лицо Коли побелело. — Не успел разглядеть. Но такое впервые с нами. Не нравится мне это.

Вскоре показалась чабанская стоянка. Из дома вышел сухощавый, пожилой бурят и начал обнимать парней так, будто это его лучшие друзья.

— Коля, хитрый ты гунн, — пропел степняк и раскинул руки для объятий. — Наконец-то и ты ко мне приехал.

— Херня какая-то появилась на тропе, — перебил Коля. — Можешь позвонить Барнаку? Разобраться бы надо. Я пятерых сейчас потерял.

— Ой, — простонал степняк. — Плохо, плохо. Как вы обратно то добираться будете? А позвонить не могу. Телефон сломался.

— Цыбен, вот хрен поверю, что ты и без связи, — начал злиться Коля. — Звони давай.

— Не могу, — Цыбен изобразил скорбь на лице. — Сейчас не могу. Но сегодня вечером приедет один китаец, он обещал посмотреть. Он сделает, я знаю. Телефон-то китайский.

Давайте чай пить. Устали поди с дороги?

Цыбен угощал всадников чаем с молоком, старыми лепешками и прогорклым маслом.

— Знал бы что придете, барана зарезал бы, — сетовал Цыбен накрывая на стол, и качал головой. — Вот как плохо-то без телефона. И пограничники эти достали. Спрашивают все время, где взял спутник, не положено в полосе. Тяжело здесь жить. Очень тяжело. Все время один.

Цыбен покосился на Володю соловым, слегка раскосым взглядом.

— Когда поедем? — спросил Коля. — У нас времени мало.

— Так сейчас и ездуйте?

Все вышли на улицу. Коля потянул носом, окинул округу тяжелым взглядом.

— Видите две вышки? Между ними увидите ворота, там сортировочная. Охранники в курсе, вопросов не будет. Груз, кажется, в первом вагоне.

— Кажется, или в первом? — насторожился Коля.

— В первом, в первом, — Цыбен нервно захихикал и закачал головой.

— По коням, — скомандовал Коля, и повел отряд к сортировочной станции.

Вышки у ворот пустовали. Ворота стояли открытыми настежь.

— У меня плохое предчувствие, — сказал Володя.

— У меня тоже, — Коля огляделся.

— Может, назад поедем? — спросил один из всадников. — Скажем, не было ничего?

— Короче, идем к первому вагону, открываем, берем груз в руки кто сколько сможет и выходим к воротам по двое. Все поняли?

Никто из парней не ответил.

Отряд разбился на пары и пошел к вагонам растянутой цепью. Но никто их не встречал. Все здания вокруг смотрели на них пустыми окнами без стекол. На станции стояло несколько составов.

— И какой из них наш? — растерялся Коля.

Он подъехал к первому вагону самого ближнего состава, достал из чехла на седле кусачки, сорвал пломбу, и оттянул стальную дверь. Выгон был пуст.

— Заманили как козлов, — Коля резко стянул с седла Володю.

По вагону ударили пули, очередью. Парни засуетились, начали разворачивать лошадей в сторону ворот, но стрелки из окон били по секторам, и выкосили весь отряд в считанные секунды.

Коля тем временем закинул оцепеневшего от страха Володю на шпалы под вагоном и рывкнул: «ползи». Володя пополз как ящерица, в сторону ворот. Коля пополз следом. Стрелки били по ним скопом, очередями, но стальные колеса вагонов всякий раз спасали их от пуль.

Из-под вагона Коля выскочил поджарым волком с обрубком вместо хвоста. Володя бросился следом черной лохматой собакой. Охранник в пятнистой форме, с автоматом на плече начал закрывать задвижные ворота. Увидев волка и собаку в человеческих одеждах, он открыл рот от удивления, затем вскинул автомат, но замешкал, забыл снять оружие с предохранителя. Коля с прыжка подмял под себя охранника, перекусил ему правую руку и бросился в степь. Володя помчался следом.

Цыбен сидел на крыльце и смолит папиросу. Увидев Колю и Володю, оцепенел на мгновение, а затем изобразил удивление: «А чего это вы без обуви? Холодно же? Случилось что?»

Коля хватил Цыбена за грудки, прижал к стене дома, но сказать ничего не успел. Появилась маленькая Чапа, громко завывала, и Цыбен тут же обратился в волка. Володя узнал его, это был тот самый Заморыш, что пытался вцепиться ему в глотку исподтишка. Все произошло так быстро, что Коля обратился на мгновение позже, и Заморыш вцепился ему в глотку. Володя бросился ему на помощь, но ощутил острую боль, Чапа мертвой хваткой вцепилась в его хвост.

Володя закружил волчком, пытаясь сбросить Чапу, а Коля при всем старании никак не мог вырваться из тисков Заморыша, тот крепко держал его за горло. Извернувшись, Володя шлепнул Чапу об угол дома. Собачка взвизгнула и разжала свою пасть. Володя схватил ее за загривок, рванул, и ощутил, что шея Чапы хрустнула.

В следующее мгновение он будто попал под большую машину. От неожиданного удара он подлетел и ударился о стену дома. Перед ним стоял огромный черный косматый волк. По глазам этого хищника Володя понял, что перед ним савдак Баты.

Волк пошел нахрапом, с абсолютной уверенностью в собственном превосходстве. И Володя ощутил, что и вправду мало что может противопоставить этому гиганту. Заморыш тем временем добивал Колю, терзал его с упоением, не жалея сил.

Черный савдак хоть и был черным, по манере сражаться мало чем отличался от других савдаков. Он, как и все прочие ему подобные, метил в шею. А шея у Володи в этом обличье была покрыта плотным войлоком свалывшейся шерсти. Волк поймал его за шею, рванул и замер с куском войлока в пасти. Володя в ответной атаке схватил савдака за нос.

Волк заметался в попытке скинуть противника, несколько раз ударил им по дому так, что строение закрипело как старый корабль от удара большой волной. Но Володя сжимал свои челюсти все крепче и крепче, до тех пор, пока савдак не вытянулся и не забился в агонии.

Володя атаковал Заморыша сзади, поймал того за корешок хвоста и рванул слегка в сторону. Заморыш взвизгнул, упал на спину и сложил лапы в позе «сдаюсь». Одним ударом Володя перебил ему глотку и бросился к Коле. Обращался тот медленно, с трудом, болезненно, но все еще дышал.

— Долго ты, — Коля сказал так, будто подул в трубу.

— Этот черный здоровым оказался, — Володя виновато улыбнулся. — Скажи, что делать? Я не знаю, опыта нет.

— А ничего не сделаешь уже. Савдак мой подыхает. Добей меня, пожалуйста? Не хочу быть как те, на стоянке.

— Я не смогу.

— Я тогда, когда про вызов тебе сказал, наврал тебе. Главного не сказал, — лицо Коли начало покрываться глубокими морщинами. — Я, Батуху извести хотел. О тебе не думал. А Батуха понял все. Ты мог не дойти. Но я тебе не сказал...

— Да ладно тебе, — Володя подстелил под голову Коли старый сапог. — Я не в обиде, дошел же. Значит, так надо было.

— Добей, если простили...

Володя почему-то не ощутил при этих словах ни страха, ни волнения. Он достал нож, и ввел его туда, где все еще билось сердце выжатого как лимон Коли. Тот вытянулся и затих, с легкой улыбкой благодарности на лице.

Здрав голову, Володя завыл, громко, протяжно, скорбно. У крыльца, вздрогнув пару раз, очнулась Чапа. Володя подошел к ней, поднял ее за горло, и прохрипел: «Веди меня

обратно, тварь!».

Чапа бежала то и дело озираясь. Она явно что-то замышляла, но ее скудного савдачьего мышления не хватало для того, чтобы перехитрить Банхара. Володя время от времени подгонял ее, покусывал сзади чтобы бежала быстрее. Чапа скалила крохотные клыки, огрызалась.

Вдруг где-то впереди Володя увидел тени. Несколько весьма крупных савдаков мчались за такой же Чапой. Рядом с ними бежало нечто, похожее на рослого, атлетично сложенного человека. Только кожа у этого человека была почему-то синего цвета.

Володя схватил Чапу за спину, рванул пару раз и отпустил. Она гортанно зарычала и засемила передними лапами. Задние ее лапы теперь волочились как две узкие кухонные тряпки.

Синий не ожидал нападения. Володя схватил его за шею и рванул. Бежавшая впереди группы Чапа громко завывала. Савдаки, что шли за ней, развернулись и кинулись на Володю.

Синий человек оказался нечеловечески сильным, и Володе понадобилось время, чтобы расправиться с ним, а заодно потерпеть весьма ощутимые укусы савдаков, атаковавших его со всех сторон.

Он отпустил Синего только тогда, когда тот вытянулся и забился в судорогах. Буквально на глазах он начал каменеть. Володя поймал некрупного, но жилистого савдака бурой масти и свернул ему шею. Савдак тут же превратился в горстку пепла. Затем был черед Чапы, Володя сорвал ее со своей шеи и прибил ударом лапы. Остальные савдаки кинулись наутек в обратном направлении, туда, откуда пришли.

Володя отыскал среди покрытых льдом камней свою Чапу, взял ее за загривок и помчался дальше. По пути он разогнал еще два отряда савдаков, и убил их Чап-следопытов.

Когда, наконец, слева от него показался силуэт горы Хан Уула, Володя свернул Чапе шею, машинально обратился и побрел к заимке, дрожа от холода и кутаясь в обрывки одежды.

В доме было тщательно прибрано, всю старую одежду убрали, кровати в два яруса были застелены свежим бельем, будто и не жил здесь никто.

— Руки за голову, — услышал Володя. — Без шуток, давай.

Володя сложил руки за головой и ощутил, как на его кистях защёлкнулись наручники. Обернувшись, Володя увидел холодный зрачок дула пистолета.

— Что-то ты разгулялся, — участковый криво усмехнулся. — На выход!

Участковый вез его в деревню, мимо стоянки Доры, его родной стоянки в пади Даржа. Собаки, увидев незнакомую машину, гулко залаяли. Из окна тепляка брезжил тусклый свет керосиновой лампы. Дядя Вася не спал, наверное, читал книгу.

— Застрелишь меня? — спросил Володя.

— Хотел бы застрелить, там бы тебя и порешил.

Кабинет участкового располагался на втором этаже администрации. Володя вошел в тесную клетку, и за ним тут же щёлкнул замок.

— Короче, нам лучше договориться, — участковый уселся за стол напротив клетки. — Если договоримся, с твоими близкими ничего не случится. Не договоримся — надеюсь, ты уже понял, что с Барнаком шутки плохи.

— Что мне нужно сделать?

Участковый вынул из сейфа автомат с коротким стволом.

— Ты левша или правша?

— Левша! — ответил Володя.

— Давай, будь молодцом, сожми левой ладонью рукоять, — участковый просунул сквозь прутья автомат рукоятью вперед. — Только без фокусов, автомат не заряжен.

— Парней повесить на меня хочешь?

— Мы не договорились?

Володя сжал левой ладонью рукоять автомата.

— Так, а теперь правой ладонью сожми магазин.

Володя сжал правую ладонь.

— Молодец! — участковый убрал автомат в сейф.

— Вопросов много будет, — Володя усмехнулся. — Мне семнадцать лет всего, а я и то понимаю.

— Это лет десять назад были бы вопросы, — участковый хитро подмигнул. — А сейчас наше время. И ты не на нашей стороне. Так, надо еще водочки тебе выпить, для порядка.

— Я не пью! — отрезал Володя.

— Ладно, утром выпьешь, — участковый посмотрел в окно. — Дурак ты. Такие возможности у тебя были. А ты все профукал.

— Что профукал? — не понял Володя.

— Я высшую школу милиции окончил. Следователем мечтал стать. А меня к вам баранам отправили, участковым. Сказали других вакансий нет. А однокурсника моего сразу взяли следователем в Чите, потому что папочка у него в управлении полковником. А я вот, скоро уже — генералом стану, без всяких папочек. Я стометровку в школе милиции на три сдал. А недавно на области лучшим стал. В школе я десять страниц УПК зазубрить наизусть не мог. А сейчас за полчаса всю книгу могу запомнить. Чуешь?

— Ты шел куда-то? — Володя зевнул.

— Ведро под нарами, — участковый фыркнул, вышел в коридор и запер дверь с другой стороны.

Володя прислонился головой к прутьям стальной двери. Участковый забыл задвинуть шторы, и теперь в окне была видна объездная дорога на окраине деревни. Жизнь здесь шла своим чередом, и, селяне конечно же не подозревали о том, что творится у них под боком, совсем недалеко, в пади Даржа. А даже если и узнают, вряд ли поверят. Володя точно не поверил бы, еще каких-то пару недель назад.

По дороге медленно прополз трактор, он тянул телегу с бревнами. Володе показалось, что это трактор его отца.

Глава 8

Женька пришел во сне. Володя накануне подрался с Чемпиончиком, школьной знаменитостью, победителем первенства Европы и Мира по стрельбе из лука. Его тоже звали Володей. И он был выше, крупнее, сильнее.

В школьных драках Чемпиончик обычно не участвовал, считал, что выше всего этого. Но ему нравилась Баярма. А Баярме, хоть она и скрывала это, нравился другой Володя новенький.

Драки проходили в овраге за школьной кочегаркой, там была ровная площадка на дне рытвины с ровными краями, похожая на ринг. В такие дни вся школа собиралась посмотреть на поединки, зрители еле умещались на склонах оврага. Поговаривали, даже учителя издали наблюдали, им тоже было интересно кто кого победит.

Чемпиончик сам напросился, знал, что Баярма придет, показать хотел кто здесь настоящий мужчина, достойный ее внимания. Шел он к оврагу высоко подняв голову, в дорогом спортивном костюме, и улыбался. Своими ручищами Чемпиончик размахивал как кувалдами, первым же ударом посадил Володе шишку на темени. И два раза пнул в пах.

— Не честно! — возмутился Володя, и услышал дружный хохот.

— Все, я не буду драться! — Володя уселся на свой дипломат.

— Будешь! — Володя увидел новенькие китайские кроссовки на ногах Сереги, брата Баярмы.

— Не буду! — отрезал Володя.

— Ссышь, что ли? — Чемпиончик криво усмехнулся.

— Не ссу! Просто я привык драться честно!

В Чаре его бы поняли. Здесь же все хором завопили: «ссышь». Даже Баярма что-то крикнула.

— Идите все в зад, крестьяне несчастные! — крикнул Володя.

И наступила гробовая тишина.

Володю впервые били толпой, все кому не лень. Даже девчонки маленькие подходили и пинали, не сильно, но самолюбию хватило.

Домой Володя пришел весь грязный, с огромным лиловым синяком под глазом. Родителей дома не было, они уехали в райцентр, собирали документы, оформляли фермерство.

— Что это с тобой? — спросила бабушка.

— Толпой избили, козлы, — процедил Володя.

— А ну ка сядь, — бабушка усадила Володю на табурет и начала мять его голову.

Тошнота из-за пропущенных ударов по голове к вечеру прошла. Обида же, особенно на родителей за все эти страдания — только выросла. А ночью пришел Женька. Он стоял у окна и что-то там выглядывал.

— Женька, ты что ли? — удивился Володя.

— Как видишь, — улыбнулся Женька.

— Но ты же умер?

— Как бы, не совсем.

Володя угостил его чаем с молоком, творогом, сметаной, но к еде Женька не притронулся. Затем они вышли на улицу, прогуляться, и вдруг оказались на поляне у

таежного озера, недалеко от Алмазного ущелья. Там их ждал Леха, готовил на костре их любимый суп из пакетиков.

— Леха? — обомлел Володя. — Хотя, понятно, что я сплю. Но как будто не сплю, так по-настоящему все...

Леха обнял Володю, приподнял слегка. Он был какой-то невероятно сильный, Володя чуть не задохнулся в его объятьях.

— Ты чего такой сильный? — спросил Володя.

— Мы янтру изучаем, — похвастался Леха. — Это такое единоборство, типа каратэ, боевое искусство айнов, хранителей библиотеки.

— Какой еще библиотеки? — не понял Володя.

— Так вот же она, — Леха кивнул в сторону ущелья.

— Ты не грузи его пока, — осадил Женька. — Все равно ни хрена не поймет сейчас. Короче, Вовка, нас Лидка Писарькова к тебе отправила, сказала научить тебя янтре.

— Она что, тоже умерла?

— Как бы — нет. Привет тебе большой передавала.

Потом Володя пытался посчитать в уме, сколько именно дней Женька и Леха учили его этой янтре. Помнил только, что долго, месяца три если не больше. Они жили в палатке на берегу озера, и тренировались днями напролет. А вечерами, искупавшись в озере, рассказывали друг другу у костра разные истории.

— Я разведчиком хочу быть, — сказал Леха. — В пустыню буду ходить. Поэтому травы разные изучаю, чтобы самому лечиться от болезней пустыни.

— Какие там болезни то? — Володя покосился в ту сторону, где должна была быть Чарская пустыня, но не увидел ее.

— А это, смотри, лук сартов и онгонов, — Леха показал витиевато изогнутый лук. — Таких больше нигде нет, только у нас. Их делают из особого дерева — дерева из Чистых земель. Видишь, какой прут? Он скручен так, что большое дерево стало маленьким. Бьет как винтовка.

Леха приложил стрелу, натянул лук и пальнул в небо.

— А если там тас сейчас летит? — возмутился Женька. — Их и так очень мало осталось.

Леха покраснел и виновато улыбнулся.

«Сарты, онгоны, чистые земли, тасы, лук из большого дерева, которое почему-то маленькое? Сказка какая-то, — подумал Володя. — Ай, это же сон».

Поначалу Володя сильно отставал от Лехи и Женьки, они уже были мастерами, как те монахи из китайских боевиков про монастырь Шао Линь, даже круче. Но затем стал подтягиваться, получалось у него все лучше и лучше.

— Ладно, пока хватит, — сказал, наконец, Женька.

— Вот бы еще в жизни все это было по-настоящему, — Володя вздохнул. — Я бы всех этих деревенщин отдубасил. Достали они меня уже.

— Так отдубась, — Леха хитро улыбнулся и покосился на Женьку.

— Вовка, ты же понимаешь, что все это сон? — сказал загадочным тоном Женька.

— Конечно понимаю, — кивнул Володя. — Что, просыпаться пора?

— Еще нет. У Лидки есть для нас подарок.

— Интересно...

— Мы сейчас в Чару пойдем. Но при одном условии. Раз ты понимаешь, что все это сон

— делай вид, что не понимаешь. Делай вид, будто все это по настоящему. Понял?

— Понял! — согласился Володя.

И они отправились в Чару, как в той, настоящей жизни, после похода. Сидя на лавочке у заправки они долго болтали ни о чем, делились впечатлениями от пережитого похода, сплетничали о девчонках. Уже в сумерках разбрелись по домам. Мама сидела на кухне и читала книгу.

— Позы варила? — Володя потянул носом и ощутил, что страшно голоден после похода.

Мама поцеловала его в лоб и наложила ему полную тарелку пельменей, вареных на пару.

— А папа где? — спросил Володя.

— На работе еще, — ответила мама.

— Вот проснусь, и всего этого уже не будет, — подумал Володя, лежа в постели и стараясь отогнать сон.

Но утром он проснулся в своей спальне. На кухне шумел братишка, не хотел идти в детсад, о чем-то переговаривались родители.

— Сам проснулся? — удивился отец, увидев заспанного сына.

— Как хорошо, что это не сон, — Володя сладко потянулся.

— Дрова надо сложить в поленницу, хотя бы охапок десять, — сказал отец. — Я опять допоздна на работе, не успею.

— Хорошо, сделаю, — кивнул Володя.

В школу он бежал как на праздник, и со всеми встречными здоровался так, будто не видел их очень давно. Они улыбались удивленно и шли дальше.

В классе за партой сидела Лидка Писарькова, заполняла дневник. Володя уселся рядом с ней.

— Эй, я же здесь сижу? — возмутился одноклассник Вадик Вербицкий.

— Сядь с Лехой? — попросил Володя.

— Ладно, — не стал возражать Вадик.

Лидка загадочно улыбнулась и уставилась на классную доску.

Все эти дни во сне ощущались удивительно отчетливо, будто и не сон это был. Но и для реальной жизни все здесь шло как-то уж слишком хорошо. Володя хорошо учился, показывал результаты в спорте, ездил на соревнования. И отец Женьки не пил, тренировал на совесть, ему даже за это грамоты и медали вручали.

Володя окончил седьмой класс, восьмой, девятый, десятый, до одиннадцатого дело дошло. Он не стеснялся провожать Лидку до интерната, дрался с парнями интернатовскими, не боялся их, и уже начал забывать, что это сон, так долго он длился. А потом был выпускной. И Лидка была самой красивой девушкой на балу.

— А теперь, дамы приглашают кавалеров, — произнесла в микрофон со сцены старшая пионервожатая. Лидка подошла к Володе и, стесняясь, произнесла: «можно тебя на танец?»

Они танцевали долго, даже под ритмичную музыку, и он никак не хотел выпускать ее из своих объятий.

— Знаешь, мне такой сон странный приснился, — начал, наконец, Володя.

— Это не сон! — Лидка как-то необычно, по-взрослому улыбнулась, и положила руки ему на плечи. — Вот и все, пора просыпаться...

Она наклонилась к нему и робко, по девичьи неуверенно поцеловала в щеку, крепко обняла. Когда она отстранилась, глаза ее были зелеными, как те алмазы в ущелье...

... Володя открыл глаза. Грязная подушка без наволочки под его головой была мокрой от слез. На кухне громко шаркала ногами бабушка.

— Все-таки сон, — выдохнул Володя, и заплакал.

Проплакавшись, он нехотя поднялся с кровати, нащупал ногами тапочки, и пошел на кухню. По пути он краем глаза увидел свое отражение в зеркале трельяжи и обомлел. На него смотрел другой Володя, атлетично сложенный, уверенный в себе.

В школе он сам подошел к Чемпиончику и вызвал на бой.

— Тебе мало вчера было? — усмехнулся тот.

— Вчера было вчера! — ответил Володя.

Он отлупил Чемпиончика и еще много кого в тот день. И на следующий день он всех лупил, и на третий день тоже. На уроках он отвечал без подготовки и неизменно получал пятерки. Отношение к нему в школе быстро изменилось, Баярма уже не смотрела на него с презрением и откровенно искала повода заговорить. Но Володя не хотел говорить с ней, он думал только о Лидке Писарьковой...

... Дверь открылась, вошел участковый. Он молча отомкнул клетку, выпустил Володю, приковал себя к нарам наручниками и произнес каким-то чужим, почти гробовым голосом: «иди, там тебя ждут».

Володя прошел к выходу, спустится по лестнице и увидел волка с обрубок вместо хвоста. Увидев его, волк завилял обрубком.

— Ну здорово, брат! — произнес волк голосом Коли.

— Это что, твоих рук дело? — Володя кивнул на здание администрации. — Лап, точнее?

— В нем слабенький савдак сидит, до утра как шелковый будет.

— Но, я же убил тебя?

— И освободил. Сработала клятва Банхару. Клятва Барнаку кровью больше не действует на меня, чему я очень рад.

— А на меня, действует эта клятва?

— Вот этого не знаю. Но, наверное, вряд ли. Ты же Банхар. Хочешь, проверим?

— Как?

— Погнали, увидим.

Они помчались по улицам Усть-Нарина, наводя ужас на дворовых собак и случайных, загулявшихся прохожих. Коля пронзительно завыл, Володя ответил восторженным лаем.

— Можно, я на минуту домой забегу?

— Боюсь, тебя не узнают, — усмехнулся Коля.

— Просто в окно посмотрю, — сказал Володя. — Соскучился.

Дворовый Бобик, увидев Володю и Колю умчался с визгом. Володя перемахнул через забор и прокрался к окну на кухню. Мама, отец, младший брат и бабушка сидели за столом. Отец что-то рассказывал им, остальные слушали без особого интереса. Володе показалось, что бабушка заметила его силуэт в окне, и загадочно улыбнулась.

— Ну все, погнали, — поторопил Коля.

Они выбежали на окраину деревни и помчались по степи в сторону пади Даржа. В какой-то момент Коля прибавил ходу и поймал за загривок маленькую собачку, Чапу. Она яростно рвалась из пасти Коли и клацала маленькими, острыми как иглы клыками. Коля тряхнул собачку, и та обмякла, повисла тряпкой.

— Шпионы барнаковские, — проворчал Коля. — Он уже в курсе куда мы идем. Если что будь готов, придется биться. Надо продержаться до рассвета.

Они влетели на вершину горы Шаман и встали спина к спине, готовые к схватке. Но никто не появился.

— Странно, — удивился Коля. — По любому что-то замышляют. Что Миснэ скажет, интересно?

— Ты знаешь Миснэ? — встрепнулся Володя.

— Она теперь моя хозяйка, — Коля важно вытянул шею. — А я уже не просто савдак, охраняю библиотеку.

— Библиотеку? Слышал я... А я ведь тогда подумал, что это сон...

— И кентов твоих видел, Леху и Женьку...

— Где они? — Володя подпрыгнул от радости.

— Да не кипишуй ты? Сейчас, рассвета дождемся и все увидишь.

— Скорее бы? — Володя тяжело задышал.

— Мне показалось, бабка твоя тебя заметила, — сменил тему Коля. — Непростая, похоже, у тебя бабка. Интересно, кто она? Наша, или их?

— Мне всегда казалось, что она чуток «ку-ку», — Володя вздохнул. — Чтобы не происходило с нами, его пофиг, броня. У меня братишка был, двоюродный, сын сестры мамы. Ну как был? Есть он так-то, но не с нами, в приюте сейчас. Говорят, у бурят чужих детей не бывает, папа так всегда говорил, когда в Чаре жили. А как в Усть-Нарин перебрались, оказалось, бывает.

В первый раз я увидел его в окне, на руках у моей тетушки. Я так и запомнил его, в окне, такой, пухлощекий, ангелочек, всегда улыбался. Лето такое классное было. Мы тогда с моими братьями с сестрами двоюродными считали за счастье подержать его на руках. Самые счастливые каникулы моего детства.

А потом тетушка сошла с ума. Мама предупредила меня об этом, когда мы паковали вещи, готовились к переезду. Помню, за неделю до отъезда на похоронах был, Женьку хоронили. Нам запретили подходить к нему близко. Весь наш класс стоял на большом расстоянии от гроба. Женька в этом гробу не был похож на себя, и мне все время казалось, что это розыгрыш, или плохой сон.

Я думал, приеду в деревню, увижу своего братика, и все забудется. Буду носить его целыми днями на руках, и радоваться этой встрече. А братику было уже два года. И он уже не был ангелом.

Я увидел их из окна. Они шли по улице. От той тетушки, которую я помнил, остались одни воспоминания. Моя самая любимая, самая добрая и ласковая тетя превратилась в ведьму. И также же мрачно рядом с ней выглядел и мой братик.

Я подслушивал разговоры взрослых, и никак не мог понять, как можно было бросить такую женщину, как моя тетушка? И почему обязательно нужно было сходить с ума из-за того, что тебя бросил муж?

Первые два месяца мы их терпели. Но времена уже другие были. Народ в деревне вроде не голодал, скот был, запасы зерна. Но люди как-то быстро озверели. И тетушка моя с сыном превратились в зверей. Еду воровали постоянно, запасы делали на зиму.

А мы с братишкой моим родным начали лупить этого братика, когда не видели взрослые. Но он такой злой был, пофигу было, бьют не бьют, главное еду своровать. Мы ненавидели его. Он ненавидел нас.

Его в другую семью пытались забрать, где не было детей. Но тетушка как волчица его защищала, никто не мог к нему подступиться. Закончилось все тем, что тетушку увезли в психушку, а братика — в приют. И вот тогда мне вдруг поплохело.

Я не хотел видеть, как его увозят, случайно увидел, и потом бил себя по башке за то, что увидел это. Прикинь, тетка чужая взяла его на руки, что-то шептать ему начала, и он снова стал ребенком, улыбаться начал как раньше. Она целовала его щечки, и они снова стали такие, розовенькие. Я увидел, как возвращается ангел...

— Мрак, — отозвался Коля. — Хотя, знакомая история. Я без отца вырос. Нормальные то люди разве окажутся здесь? Не поверишь, всегда мечтал стать волком, ну или собакой большой, и жить свободным, в степи. Сбылась мечта идиота...

— Так вот, бабка смотрела на все это, и, броня...

— Это Барнака проделки. Ему выгодно, чтобы люди друг друга жрали. Из таких савдачников и шлепают. Все хотят быть сильными, сильнее и страшнее соседей. Но, видишь, в чем беда: чем больше здесь савдачников, тем меньше сартов в Мглистых горах. Вот такая шляпа. Сам увидишь, сартов очень мало. Зато савдаки прут со всех щелей как крысы.

— Я не запомнил, видимо? Напомни, кто такие сарты?

— Сейчас, увидишь. Хотя ладно, ночь длинная, расскажу. Короче, сарты — это черные всадники, они охраняют границы. Живут в долине, службу несут в Мглистых горах. Эти горы как крепость. За горами начинается Мертвая пустыня, место, где савдаки и барнаки обитают. Еще есть онгоны, белые всадники, они стоят по ту сторону пустыни, за хребтом Меру, охраняют всех нас от максаров. Они типа полубоги, такие, синие.

— Да, видел, — поддержал Володя.

— Дальше, за страной максаров страна асуров, они тоже полубоги, но рангом повыше. Кожа у них голубого цвета. Ну а дальше, за ними — страна аватаров, это типа боги. Но и они не высшие. Высшие — это Драгоценные, они живут в Чистых землях. Вот такая география вкратце. Все что от мира людей и до страны аватаров — Срединные земли. Это Миснэ рассказывала, сам не видел. Могу наврать.

— А чего ни все так рвутся к нам?

— Тут-то осязаемо все. Взял булку — это булка. Пива выпил — реально придавило. А там, по-другому все, неосяземо. Тут даже страх, неосяземый вроде, а раз поел хорошо, на год хватает. А постоянно его жрать будешь, здоровый станешь, сильный как медведь. Есть черные савдаки, они как барнаки, ненавистью питаться могут. Ненависть, говорят, на вкус горькая, приторная, но сил дает раз в сто больше, чем страх. У них вкусно невкусно, такого нет. Главное, чтобы сытно было. Максары и асуры — те вкус славы любят, она для них как наркотик. Есть нормальные максары и асуры, понимают все. А есть бараны, им только жрать подавай. Вот они-то и мутят.

— Барнаки, я так понимаю, это те, кто рулят в пустыне?

— Ага. Демоны. У них война постоянная с черными савдаками. Но барнаки умнее. Они вообще умные как максары и асуры. Тут видишь, в чем дело? Вот все мы, люди, сарты, онгоны, савдаки, барнаки, максары, асуры, все — живем по законам Драгоценных. Я не знаю почему так, но это так. Но законы же обновлять надо? Вот, раз в сто лет приходит очередной Драгоценный, чтобы обновить законы. Почему-то всегда к концу столетия все эти темные шалить начинают, законы ослабевают. Новые законы запускаются с мира людей, и они потом отсюда идут дальше, по остальным мирам. Походу, Барнак и прочие ему подобные решили Драгоценному дорогу спутать, чтобы не пришел. Ладно, что-то я много тебе

рассказал. Странно так, рассвет скоро, а эти даже не чешутся? Знают же, что мы здесь? Что-то не нравится мне это. Этот Барнак умный демон, очень умный. Ладно, пошли, рассвет начинается.

Они спустились в низину, и увидели белую пелену, что ползла по дну пади. Володя подошел к краю этой пелены, взялся пастью за край и тряхнул словно покрывало. Коля юркнул в образовавшийся проем. Володя бросился следом.

— Это же Чарская долина? — воскликнул Володя.

— Это Долина сартов, — поправил Коля. — Здесь города Черных всадников.

В свете серебристой луны Володя увидел безбрежную тайгу, что упиралась в хребет Кадар, скалу «Медведь» и пик Шаман над Алмазным ущельем.

— Луна-то как светит? Будто день сейчас, — Володя потянул носом, пытаясь уловить столь любимые им когда-то запахи тайги. Но ничего не учуял.

— А здесь всегда так, — Коля почесал задней лапой за ухом. — Здесь всегда ночь, брат. Лунная ночь. На самом деле все это не то, о чем ты думаешь.

— Ну да, пустыни не видно, — согласился Володя.

Коля порылся между камней и откопал два серебряных ошейника.

— Это надо надеть, чтобы не подстрелили, — сказал Коля.

— Вот уже не думал, что буду носить ошейник, — усмехнулся Володя.

— Ну что, погнали? — Коля тряхнул башкой и припустил волчьим галопом в сторону Алмазного ущелья.

Они мчались по тайге, освещенной серебристой луной. И снова Коля выл от восторга, а Володя лаял, точнее взлаивал. Первый город на пути они обошли стороной, еще не все сарты знали, что теперь им служат савдаки. У города поменьше их задержал конный патруль из пяти всадников, вооруженных пиками и луками.

Всадники уже натянули было луки, но один из них, явно умудрённый опытом воин с длинной седой бородой, увидев Володю, радостно воскликнул, спешил и присел на колено, почтительно склонив голову. Остальные последовали его примеру.

Следующий город был разрушен почти до основания.

— Здесь что, война идет? — Володя замер, замороженно глядя на обломки стен и жилищ.

— Это до меня было, — поведал Коля. — Новые гохаи тут прошли, их боевой дебют. Прокопали хребет и вышли на этот гарнизон. Всех перебили. Сейчас их меньше стало, уже не копают, разведчики стараются. Леха, друган твой, лучший охотник на гохаев в долине.

— Ну дела, — Володя покачал башкой. — Когда успел то? Вот же недавно его видел, во сне?

— Тут другое время. Оно и быстрее здесь бежит, и медленнее. Короче, привыкнешь.

Среди обломков Володя увидел каменные статуи, воинов, женщин, стариков, даже детей.

— Сарты, когда погибают, превращаются в камни. Видишь этот хребет? — Коля кивнул на хребет Кадар. — Это Мглистые горы. И всё это сарты, погибшие в боях с савдаками и барнаками. Умерли давно, а продолжают защищать.

— А эта гора как появилась? — Володя кивнул на гору, которую помнил с детства как скалу «Медведь».

— А это гора банхаров. На ее вершине рождаются Драгоценные. Это тоже все погибшие, только банхары. Много банхаров было до тебя. Ну или после тебя. Все погибли.

Недалеко от ворот в Алмазное ущелье им встретился дозорный патруль. Двое конных сартов держали на поводках савдаков с серебряными ошейниками. Володя заметил, что хвосты у этих хищников обрублены так же, как и у Коли. Савдаки хрипели, клацали

кльками, рвались с поводков на стацию огромного существа, похожего на божество из мифов о Древней Греции. У ног статуи лежала секира.

— О, Колян, ты как всегда вовремя.

Предводитель отряда снял шлем, и Володя узнал в нем Леху.

— Лехааа, — провыл Володя и бросился к другу детства.

— Эй, эй, аккуратнее, — удивился Леха, с трудом сдерживая напор мощного, мохнатого пса. — Да прекращай ты меня лизать...

— Это я, Вовка, — пролаял Володя. — Не узнаешь, что ли?

— Вовка? Блин, Вовка! — Леха крепко обхватил шею пса. — Ну ты, блин, даешь?

Хорошо выглядишь, дружище.

Сарты, наблюдавшие с недоумением за этой картиной, громко засмеялись.

— А где остальные гаврики? — Коля осмотрелся по стонам, пытаясь узреть остальных савдаков.

— Шастают где-то, — ответил Леха. — Достали уже если честно, вся долина на ушах из-за них.

Савдаки, виляя обрубками хвостов, теперь рвались с поводков к Володе.

— Видал? — Леха кивнул на стацию. — Это вам не барнак, и не максар. Асур. Совсем обнаглели, уже под самым носом тропы свои прокладывают.

— Долго сопротивлялся? — спросил Коля.

— Врасплох взяли гада, не успел никого из наших зацепить, спасибо этим Бобикам, — Леха кивнул на савдаков. — Коля, давайте, шуруйте в крепость, расскажите Миснэ об этой гадине. И это передай.

Коля бросил к ногам Коли ожерелье.

— Красивое, — заметил Володя. — И явно очень дорогое.

— Мы до Восточного, — продолжил Леха. — Что-то молчат они, не нравится мне это. Ну все, Вовка, вернись, поболтаем.

Леха запрыгнул на коня и припустил в сторону горы банхаров. Отряд двинулся за ним.

— Видал кучи какие? — Коля повел носом, принюхиваясь к статуе. — Большой отряд был. Повезло, что не ожидали.

Вокруг статуи лежали кучи пепла.

Увидев Миснэ Коля бросился к ней, прижался мордой к ее ногам, а затем запрыгал вокруг словно огромный, глупый игривый щенок. Володя тоже готов был плясать вокруг и целовать ее так, как это умеют делать только собаки. Но он сдержал этот порыв.

Она стояла в окружении стройных, красивых девушек в легких серебристых доспехах. Она и сама была облачена в эту диковинную броню, и смотрела на Володю сдержанно, строго. И только в глазах ее, где-то в самой их глубине угадывалась та загадочная смешинка Лидки Писарьковой.

— С возвращением, Банхар! — произнесла она, присела на колени и протянула руки.

Володя бросился с ней и позволил себя обнять.

— Ху, ху, ху, — пронеслось громогласное по склонам ущелья. Володя увидел воинов в черных доспехах и плащах. Они стояли у склона, в идеально ровной коробке и, выкрикивая, били мечами по щитам.

— Ну иди, поздороваемся, что ли?

Володя вскочил, услышав знакомый голос. К нему шел Женька. Точнее, это был

могучий воин в черных доспехах, вроде все тот же Женька, коренастый весельчак, первый качок в школе, и в то же время совсем другой, взрослый, мужественный, умудрённый опытом. Лицо Женьки пересекали борозды страшных, недавно заживших шрамов. Он крепко обхватил Володю и слегка приподнял.

— Леху видел сейчас, — сказал Володя, слегка отстранившись после крепких дружеских объятий. — Не узнать его.

— Ты тоже изменился, — усмехнулся Женька.

Склоны ущелья переливались мягким, зеленым цветом. Володя заметил, что алмазы на этих склонах разложены в строгом порядке, словно книги в библиотеке.

Вдоль этих рядов сновали девушки в серебристых доспехах, переставляли алмазы, протирали их шелковыми платками. Здесь же стояли статуи девушек, много статуй.

— Это айны, — сказал Женька. — Хранители библиотеки.

— Алмазы — это книги? — удивился Володя.

— Книги для Драгоценных, — Женька улыбнулся. — Тут весь их опыт, все их знания. Там, за хребтом Меру и другие библиотеки есть, красные, синие, белые. Здесь изумрудная, знания для людей.

— Обалдеть? — воскликнул Володя.

Вдоль горного ручья, что журчал по дну ущелья, стояли шатры. Володя услышал стоны.

— Там раненные, — Женька поправил доспех на груди. — Видишь, в доспехах все? Сейчас постоянно воюем, каждый день появляются. Три форпоста недавно разрушили, а новые строить не успеваем, сил мало, пополнения нет.

Луга вдоль ущелья представляли собой единый военный лагерь, с шатрами, конюшнями, площадками для тренировок. Но все эти луга сейчас пустовали. Один отряд воинов укреплял стену, которая тянулась от одного склона к другому, второй — отработывал коробку.

— Ну ладно, — сказал Женька. — Поболтаем еще. Хорошо, что ты здесь. Видишь, как зашевелились все? Тебя увидели.

— Интересно, что я могу сделать для них? — удивился Володя.

— Скоро узнаешь, — Женька потрепал Володю по голове и твердым шагом направился к воинам у стены.

«Неужели это не сон?» — подумал Володя.

— Смена! — крикнул Женька.

Воины со стены спустились на площадку, взяли оружие с пирамид и быстро выстроились в коробку. Те, что отработывали коробку — начали подниматься на стену.

Володя вспомнил, как в четвёртом классе Женька увлекся историей Древнего Рима, знал наизусть биографии римских военачальников и детали всех битв с их участием. Все его игры в итоге сводились к отработке тактики и стратегии римских легионеров.

— Тебя Миснэ зовет, — рядом стоял Коля.

Коля привел его к шатру у подножия пика Шаман. Две девушки в доспехах у входа почтительно расступились, пропуская Володю, и тут же преградили путь Коле.

— Он тоже пусть войдет, — велела Миснэ.

Она стояла у мраморного стола в центре шатра и не сводила глаз с макета явно какой-то местности. Перед ней на столе лежали свиток, ожерелье асура и зеленый алмаз величиной с кулак.

— Так непривычно видеть тебя таким, — она снова присела на колени и протянула

руки.

— Сам в шоке, — Володя лизнул ее щеку. — Честно говоря, не очень-то и нравится мне быть собакой.

— Может, я позже зайду? — вмешался Коля.

— Прости, Коля, — Миснэ отстранилась от Володи и подошла к столу. — Вчера твои савдаки гоняли табун у Восточного форпоста. Почти у всех лошадей были ранки, будто кровь у них кто-то сосал.

— Так жрать то нечего, — проворчал Коля. — Не убили же никого? Ну не могут они жрать эту зелень. Природа у них другая. Им страх нужен. Ну или что-то типа того.

— Ты говорил, им достаточно воды из горных источников.

— Теперь недостаточно, реальную еду расчихали. Он же появился, — Коля кивнул на Володю. — С ним, думаю, быстрее дело пойдет.

— Как долго ты воспитывал своего савдака?

— Полгода примерно, это по тому времени.

— Столько времени у нас нет, — она задумалась. — Спасибо, Коля, ты свободен.

Коля кивнул и вышел из шатра.

— Видишь эти горы? — Миснэ показала на макет горы. — Это хребет Меру, по ту сторону Мертвой пустыни. Мертвая пустыня — это...

— Я уже в курсе здешней географии. Коля рассказал, пока ждали рассвета.

— И никто на вас не напал?

— Нет.

Миснэ задумалась.

— Две луны назад мы отправили к Меру последнего таса. Он не вернулся. А потом дозорные увидели над Восточным форпостом крылатых существ, их было много, целая стая. Думаю, барнаки создали крылатых савдаков. И они перехватывают наших тасов. Они стали умными, Володя, очень умными. И их очень много.

— Можно ближе к делу? — Володя машинально почесал задней лапой за ухом. — Прости.

— Мы потеряли связь с Меру. Очень давно. Мы не знаем, что с Модэ, повелителем онгонов, белых всадников. Барнаки уже во всем лучше нас. Зато теперь мы знаем, что им помогают не только максары, но и асуры. Коля рассказал тебе, что это за сущности?

— Да, рассказал.

Миснэ взяла со стола свиток.

— Я тебе сейчас прочитаю один текст. А ты слушай, внимательно слушай.

— Хорошо! — согласился Володя.

— Древо Прибежища стоит до тех пор, пока есть Закон Драгоценных. Все живые существа живы потому, что стоит это древо. В мире людей начинается оно, и в Чистые земли упирается кроной.

Мертвая пустыня — почва для древа. Все тёмное очищается там. Бузуры правили этим миром, чтили Закон. Гласом Закона в Мертвой пустыне был верховный жрец бузуров, Харан.

Но однажды барнаки, слуги бузуров, пошли войной на своих повелителей, и одержали победу. Харан, не желая погибать, нарушил Закон, открыл тайную тропу и бежал в мир людей.

Пошли по его следам сущности Мертвой пустыни, так страшная угроза нависла над Древом Прибежища. И тогда один из Драгоценных сумел приручить непобедимого монстра

Мертвой пустыни, черного савдака. Так появился Банхар, жуткий зверь по природе своей, но защитник по сути...

— Это обо мне, я так понимаю? — догадался Володя.

— Очень давно был такой максар, Хухэ. Он убил библиотекаря, выкрал свитки и флакон с водой из Вечного источника, и бежал в Мертвую пустыню. Максары не могут жить там долго, у них та же природа, что и у сартов и онгонов. Но он там прижился, и спровоцировал войну между бузурами и барнаками. Бузуры не были нашими союзниками, но они чтити Закон Драгоценных. Их верховным жрецом был Харан, библиотекарь Мертвой пустыни. Когда барнаки победили бузуров, Харан воспользовался своими знаниями, открыл Волчью тропу и бежал в мир людей.

Хухэ проник в мир людей по следам Харана. Он знал, что библиотекари могут открывать тропы в мир людей. А потом он нашел Харана в мире людей, и получил источник ненависти.

— Почему ненависти?

— Тропы открывают безграничные чувства. Это либо очень большая любовь, либо бездонная ненависть, либо бесконечный страх. Хухэ не знает, что такое любовь. Теперь мы понимаем: все это он спланировал ради того, чтобы уничтожить одно из воплощений Драгоценного. Вот для чего он создал свое первое чудовище, повелителя черных савдаков. Но этот савдак вышел из-под контроля и убил его самого. Очень большая любовь заставила перевоплотиться безжалостного монстра Мертвой пустыни. Так появился ты, первый Банхар.

— Почему я не помню об этом? — Володя слегка склонил голову на бок.

— Мы думали, ты убил Хухэ. Но он выжил. И добился своего, прервал воплощение предыдущего Драгоценного. Так барнаки стали еще сильнее, а мы — слабее.

— Что я должен сделать? Выследить и убить Хухэ?

— Не все так просто. Нам нужно найти источник, и закрыть тропу. Поэтому аватары выпустили тебя, первого Банхара. Но ты все еще спишь. Нам нужно провести тебя через Мертвую пустыню к Модэ. В последнем воплощении в мире людей его убили. Если его убил барнак, или максар, то Модэ скорее всего превратился в камень.

— Это почему так? — не понял Володя.

— Потому что с ними Модэ будет сражаться как онгон, а не как человек. Сарты, онгоны, максары, асуры аватары и мы, айны, погибая, превращаемся в камни. Если Модэ погиб, тебе обязан помочь Далэ, библиотекарь онгонов.

— А почему я должен идти так далеко?

— Потому что тебя посвятил Драгоценный, и твой алмаз находится в библиотеке аватаров. Ты должен увидеть свое отражение в этом камне. Вот, посмотри, — она протянула Володе зеленый алмаз. — Что ты видишь?

Володя увидел в зеркале драгоценного камня отражение собаки с двумя белыми точками на надбровьях.

— Собаку вижу, — ответил Володя.

— В отражении своего алмаза ты увидишь Банхара.

— А нельзя пройти туда по этим тропам савдаков?

— Мы думали об этом, — Миснэ взяла со стола ожерелье, добытое в бою Лехой. — Это ожерелье асура. Савдаки помогают нам находить волчьи тропы. Леша разгромил караван, в котором шел асур. И это очень плохая новость для нас. Волчьи тропы уже ведут в страну

асуров. Тебя там будут ждать. Весь твой путь будет полон опасностей. Никто из нас не сможет пойти с тобой. Мы надеялись, что пройти пустыню тебе помогут савдаки...

— Но вы не доверяете вы Коле?

— Мои айны проверили его. Он не тот, за кого себя выдает. Все указывает на то, что он — бузур.

— Кто такие бузуры?

— Вампиры, разновидность барнака. Эти сущности умеют притворяться. Но они не умеют сливаться с другими савдаками. Это под силу только людям. Получается, Коля и бузур, и человек.

— Так? — Володя задумался. — Ты хочешь сказать, что Коля, возможно...

— Возможно, он порождение Харана, черный принц.

— Черный принц?

— Нам удалось выяснить, что Максар создавал повелителя в мире людей, сущность, способную читать чужие мысли и повелевать ими. И для этого он использовал Харана. Ни одна сущность из Мертвой пустыни не способна повелевать мыслями людей. Но Максар не теряет надежды ее создать.

— Вот же гад?

— Осталось выяснить, поддерживает ли Коля связь с Хараном. Бузуры создают крепкие пары и очень привязаны к своему потомству. В этом их сила, и слабость в то же время. У меня была сестра, Анки, охотница. Однажды она сообщила, что выследила интересную особь бузура, полукровку. На совете Анки выпросила разрешение проследить за этой особью, так она решила попробовать выйти на Харана. А потом мы нашли ее статую, здесь, в мире людей. Это значит, что ее убил человек. Или полукровка.

— Задача... — Володе показалось, что у входа в шатер мелькнула тень.

— Волчьи тропы тянутся к источнику. Этот источник находится где-то недалеко от стоянки Доры. Но мы никак не можем его найти. Любой источник имеет естественную природу. Поэтому савдачник, человек, впустивший в себя савдака, не может быть источником. Им может быть только естественная сущность...

Миснэ прислушалась. Где-то вдалеке послышался звук горна.

— Это тревога... — Она вынула из-под стола шлем, щит и длинный тонкий меч. — Что бы сейчас не происходило, не теряй меня.

— Понял! — ответил Володя.

Легкой тенью она выпорхнула из шатра. Володя с громким лаем бросился следом.

Сарты лучники уже приготовились к стрельбе на стене. У стены выстроились в две коробки пехотинцы. Женька метался вдоль рядов своих воинов и что-то громко говорил им. Вторым фронтом за сартами замерли шеренги девушек-айнов.

Воин на склоне увидев Миснэ затрубил в огромный сигнальный горн. Звуки горна словно стаи птиц полетели по долине.

— Дай сигнал! — Коля, как всегда, возник где-то сбоку внезапно.

— Какой сигнал? — не понял Володя.

— Вой как можешь, громко вой, — рявкнул Коля.

Володя завыл что есть мочи.

— Еще! — скомандовал Коля. — Еще...

— Наши, — крикнули со стены.

— Открыть ворота! — скомандовал Женька.

Ворота открылись с тяжелым скрипом и в крепость влетел отряд всадников во главе с Лехой. Многие из всадников держали в руках раненных сартов. Леха спрыгнул с седла и преклонил колено перед Миснэ.

— Восточный форт разгромлен. Сюда идет целая армия. Их много. И с ними максары.

— Плохо! — Миснэ надела шлем. — Помощи не будет. Леша, твои на фланг. Жди команду. Коля, Володя, вы с ними.

Леха кивнул, запрыгнул в седло и повел своих всадников к краю ущелья. Володя и Коля помчались вслед за всадниками.

Лучники дали залп. Послышался пронзительный визг, затем грохот. Что-то очень мощное ударило тараном по воротам. Несколько лучников от этого удара сорвались со стены. Коробки сартов выставили щиты в черепахи и ощерились пиками. Миснэ что-то пронзительно прокричала своим айнам, и те встали на изготовку, обнажив тонкие длинные мечи.

Лучники били стрелами быстро, словно из пулеметов строчили. За стеной после их залпов всякий раз раздавался истошный визг, густые клубы пепла потянулись к серебристой луне. Но время от времени неведомое чудовище прорывалось к воротам и стены снова и снова сотрясались от страшных ударов. Затем с той стороны полетели копья, и на землю посыпались каменеющие на лету останки лучников.

— Сейчас, повеселимся, — Коля клацал клыками то ли от нетерпения, то ли от ужаса, пристально наблюдая со склона ущелья за тем, как развиваются события у ворот.

Володя встал рядом с лошадью Лехи.

— Все плохо? — гавкнул Володя.

— Хуже не бывает!

Леха улыбнулся одними губами.

Ворота отлетели, и в крепость ворвался огромный монстр, похожий на гигантского кабана из фильма ужасов. За ним второй, третий...

— Гохай, — выдохнул Леха.

Монстры бросились на ряды сартов и тут же пали, сраженные ударами пик. Следом ворвались всадники, существа, похожие на чертей с кошачьими мордами верхом на гохаях. Первая волна этих всадников, поджимаемая следующими волнами, накатила на коробки и

тоже пала под ударами сартов. Черные густые клубы пепла начали застилать защитников ущелья. Но они стояли, хоть и видно было со склона как нелегко им сейчас.

— Сигнал, сигнал, — хрипел Леха, то и дело поглядывая в сторону замерших словно статуи айнов.

Пронзительный визг разнесся снова над ущельем. В крепость ворвалась стая черных савдаков, а следом — отряд максаров верхом на гохаях. Савдакам удалось смять первые ряды защитников, огромные секиры максаров обрушились на щиты сартов. Женька, стоявший в первых рядах, бросил на землю обломок пики, вынул меч, сразил черного савдака и еле устоял от удара секирой по щиту. Максар замахнулся во второй раз и упал сраженный ударом тонкого меча девушки — айна. Первая шеренга хранителей библиотеки обрушилась на максаров сверху, используя коробки как трамплин. Сарты бросили пики и втянулись в ближний бой не меняя порядков, орудуя мечами.

— Воздух, — завыл Коля.

Он первым заметил точки в небе, что стремительно приближались и росли в размерах со стороны пика Шаман. В лапах безобразных существ с перепончатыми крыльями извивались бурые савдаки. Десантниками они стали явно не по своей воле.

Всадники по команде натянули луки и дали залп, затем второй, третий. Стрелы из их луков летели словно пули, почти также быстро и точно. Под градом стрел крылатые монстры заметались, савдаки, сброшенные ими раньше времени, почти все упали и разбились об алмазы и статуи библиотеки. Черные клубы пепла потянулись к рядам защитников ущелья.

Максары, которые поначалу явно замешкали с непривычки воевать в одних рядах с неуправляемыми дикарями, постепенно взяли битву под свой контроль и начали теснить сартов. Но Миснэ стояла на своей поляне невозмутимо будто скала, все еще выжидая.

— Пора уже, — нервничал Леха, видя бреши в рядах максаров.

Послышался звук горна.

— Помощь подошла, — просиял Леха. — Успели...

В крепость ворвался отряд воинов, похожих на максаров, но с кожей более светлой, голубого оттенка.

— Асуры, — простонал Леха.

— Вот теперь нам конец, — прохрипел Коля.

Миснэ взмахнула мечом и повела в бой оставшихся айнов. Леха вынул меч и громко свистнул, всадники понеслись небольшой, но смертоносной лавиной во фланг асурам. На встречу им уже мчались всадники, похожие на чертей, верхом на черных савдаках, они ворвались в ущелье вслед за асурами.

— Барнаки, — успел крикнуть Коля, и тут же сцепился с огромным черным савдаком, оставшимся без седока.

На Володю несся всадник барнак. Из пасти черного савдака под этим чудищем валила густая грязная пена. Володя встретил лапами савдака и покатился по камням, барнак вцепился в него своими несуразными как у орангутанга лапами и заклацал кошачьей пастью, пытаясь дотянуться до шеи. В следующее мгновение барнак обратился в кучу пепла, и Володя зачихал, ощутив в пасти и в носу отвратительный привкус падали.

Леха бил из лука как из пулемета, то и дело озираясь на поле битвы, где асуры и прочее темное воинство начали теснить защитников ущелья. Асуры и максары действовали слаженно, по науке. Уцелевшие барнаки невольно сбились вокруг них.

Разогнав отряд барнаков, Леха повел свой отряд во фланг асурам и максарам. Навстречу им полетели копыя. Отряд Лехи заметно поредел, но все же вклинился в ряды неприятеля. Огромный асур выбил Леху из седла, занес над ним секиру и упал, сраженный сзади Женькой. Где-то сбоку кувыркался Коля в неравной схватке с двумя черными савдаками.

Из толпы сражающихся вырвался плотный, коренастый асур, оттянулся слегка назад и швырнул в Володю копые. Со страшным свистом копые пролетело мимо, задев кончик собачьего уха. Володя бросился на него в лоб, без разведки. Огромные ручищи асура сомкнулись на загривке Володи. Развернувшись, асур снова бросился толпу, размахивая Володей как живой, увесистой мокрой тряпкой.

На пути у него возникла Миснэ. Ей неудобно было сражаться с асуром, поскольку тот и прикрывался Володей как щитом, и бил им как дубиной. Володя хрипел, пытался вырваться и дотянуться клыками до лап асура. Но это существо было в разы сильнее любого черного савдака, барнака или максара.

Извернувшись, Володя полоснул асура по животу когтями задних лап. Асур вздрогнул, и его голова окаменела на лету. В это же мгновение другой асур задел Миснэ своей секирой.

Стая бурых савдаков с диким воем ворвалась через ворота в ущелье.

«Ну все, теперь точно конец!» — подумал Володя.

Стая в мгновение ока разорвала на мелкие кусочки черных савдаков, которые уже добивали Колю, и бросилась в гущу битвы, стараясь первым делом достать асуров.

Атакующие дрогнули. Первыми побежали черные савдаки и барнаки. Следом бросились наутек максары. Асуры, сбившись в круг все еще оборонялись. Но под ливнем стрел все до единого быстро обратились в статуи.

— Вся вторая коробка, все до единого, — Женька смотрел пустым взглядом на статуи воинов, они все еще стояли, сжимая щиты и мечи. — Пепел.

— Если бы не они, порешали бы нас всех как котят, — Леха хлопнул друга по плечу. — Ты асуров остановил, брат. Теперь тебя услышат.

— Коробки не спасут нас от пепла.

— Пойдем, там Миснэ...

Она лежала в шатре, на ложе из трав. Вокруг нее суетились айны, пытались остановить окаменение омовением и мазями. Но ее ноги уже стали каменными.

У входа стояли офицеры, прибывшие во главе сильно припоздавшего подкрепления, Женька, Леха, Володя и Коля.

— Женя, — прошептала Миснэ побелевшими губами.

Женька подошел к ее ложу и присел на колени. Она протянула ему свиток.

— Теперь ты сможешь создать пехоту.

Женька принял свиток обеими руками и отошел в сторону.

— Леха, — у края ложа присел Леха. — Тебе дадут усиление с западного форта. Помнишь наш разговор? Они копают под Шамана. Пусть копают. Нам нужно время.

— Понял! — ответил Леха.

— Много не можем дать, — вмешался седовласый сарт, командир отряда подкрепления. — Форты тоже нужно оборонять.

— Это моя последняя воля! — Миснэ посмотрела на Женьку. — Он был прав. Форты нужно оборонять изнутри, пехотой.

— Я же говорил, они еще не скоро освоят осаду, — заволновался Женька. — Асуры —

это исключение...

— Нужно сегодня же начать эвакуацию библиотеки, в западный форт, — продолжила Миснэ. — Это нужно сделать как можно быстрее.

— Сделаем, — кивнул седовласый сарт.

Миснэ вздрогнула. Каменный тлен тянулся от ее ног к голове все быстрее и быстрее.

— Володя, черный принц...

Глаза Миснэ остекленели. Коля громко, тоскливо завыл и пополз к своей хозяйке. Но его остановила одна из айнов.

— Вам нельзя присутствовать на обряде, — произнесла девушка. — Прошу всех покинуть шатер.

Кабала все еще стояла, но те луга, что когда-то цвели вокруг этой скалы, теперь зияли темными пятнами, их засыпало пеплом. Стая гохаев, нервно похрюкивая, копала под скалу со стороны пустыни. Лишь один из этой стаи, тощий, облезлый вепрь величиной с белого носорога стоял в стороне и внимательно озирает окрестность.

— Видал? — шепнул Леха. — Часовых выставляют. Когда такое было раньше? Если увидят нас, драпанут. Раньше в атаку шли, теперь убегают. Знают, гады, что долго мы здесь все равно не сможем их караулить.

Леха, Коля и Володя наблюдали за гохаями из-за обломков скалы. Этими обломками были усеяны все пустыри вокруг Кабалы.

Скала дрогнула, и огромный кусок породы обрушился на гохаев-копателей. Пепел потянулся в разные стороны смертоносными клубами. Леха машинально натянул на лицо платок-маску.

Когда пыль, наконец, улеглась, гохай-часовой отряхнулся, осмотрел обломки скалы, пристроился боком к каменному останцу и начал тереться, похрюкивая от удовольствия. Огромные, как рога буйвола клыки торчали из его пасти, пятак монстра был похож ковш бульдозера. Он так увлекся процедурой, что не заметил, как к нему подкрался Коля.

Клыки Коли прошили кожу у глотки гохая и завязли в складках. Одним точным ударом монстр отбросил от себя савдака, повернулся к нему, встал на изготовку и, хрюкнув, превратился в кучу пепла.

— Прости, Коля, биться с гохаями это не твое, — Леха подобрал почерневшую стрелу, отряхнул ее и вернул в колчан.

— Я все равно буду их убивать, — Коля тяжело дышал, вывалив язык.

— А так ты скоро превратишься в обычного савдака.

— Плевать! Сдохну, но за хозяйку отомщу!

— Еще пара лун, и будет обычный камень, — перчаткой Леха смахнул пепел с останца. — Мой первый командир, как отец мне был.

Присмотревшись, Володя заметил, что останец представлял собой две статуи, они сцепились в последней, смертельной для обоих схватке.

— Наш первый максар, — Леха вздохнул. — Подошел, сказал, что с посланием прибыл, и начал рубить всех направо и налево. Пепла много, дышать нечем.

— Странно, но я ничего не чувствую, — Володя повел носом.

— Потому что по природе ты черный савдак, — Леха снял платок, отряхнул его и снова натянул на лицо. — И это хорошо, для нас.

— А почему эту скалу называют Кабала? — спросил Володя.

— Раньше девицы сартов принимали здесь дохов, — ответил Леха. — Нашим девицам, чтобы родить, сначала нужно принять доха, сущность младенца. Вот, здесь и принимали, у этой скалы. Ветер особый их сюда приносил. Я пока об этом мало что знаю, могу наврать.

— А сейчас где принимают?

— Нигде. Давно уже пополнения нет. Ну что, пора?

Леха быстро поднялся вверх по горной тропе, взобрался на большой камень, приложил стрелу к тетиве и приготовился к стрельбе.

— Еще идут? — спросил Коля и оскалился. — А ты чего это в меня-то целишься, Леха?

— Поверь, Коля, он не промахнется! — Володя тоже встал на изготовку.

— Вы чего, пепла надышались? — Коля изобразил искреннее недоумение.

— Мы знаем, что ты — бузур! А бузуры — большие мастера притворяться.

— Понятно! — Коля присел и почесал за ухом.

— Коля, мы не хотим тебя убивать!

— Оно и видно, — Коля покосился наверх, туда, где сидел Леха.

— Коля, во-первых, нам нужен источник ненависти!

— Замечательно. А я тут причем?

— Мы знаем, что ты — дитя Харана. Ты — черный принц!

— Чего? — Коля широко разинул пасть. — Еще кем меня назовете?

— Нам не до шуток, Коля!

— А я не шучу, не смешно, — Коля задумался. — Скажи, Вован, Миснэ тоже так думала?

— От нее я узнал кто ты.

— А вот это обидно! Тебе сколько лет, Володя?

— В той жизни семнадцать.

— А мне двадцать семь. Я понятия не имею, о каком черном принце ты тут мне втираешь, вот честно не врубаюсь. А бузур, чтобы ты понимал — это такая зверюга, очень злая. Ему никого не жаль, иначе он с голоду подохнет. В Мертвой пустыне он жрет ненависть. А у людей сосет кровь, жизнью людской питается. А теперь подумай: может такая тварь дать клятву верности Банхару? И еще, какого хрена я савдак? А не человек, например? Я вообще-то человеком хотел стать, вернуться в исходное состояние! Это, мать твою за ногу — мечта моя золотая! Я только этого и хотел! Только на это и надеялся! А тут херак — и савдак!? Так-то это ты меня сюда запулил. А может, это ты черный принц?

— Я вообще-то банхар.

— Уверен? Что-то не видно по тебе пока.

— Мы просто хотим понять кто ты.

— Да неважно кто я. Важно, что я чувствую. Врубаешься?

— Не убедил!

— Ладно! — Коля повернулся в сторону Лехи. — Если ты выстрелишь в меня, мои гаврики разорвут тебя на куски!

Леху со всех сторон обступили савдаки.

— Что? Съели? — Коля оскалил клыки. — И ты, Володя, пока не Банхар. Так что, кто из нас кого — еще посмотреть надо.

— Значит, ты все-таки черный принц, — Володя изготовился к прыжку.

— Да отстань ты уже от меня с этим принцем. Я савдак, но с душой человека. Бывает такое, оказывается. Кем я был до этого? Да хрен его знает. Это только в кино, укусил вампир

человека, и тот тоже вампиром стал. Когда бузур кусает — это другое. Он травит тебя сначала своей слюной как змея, а когда кровь сосет, остановиться не может. Леха, уж ты то должен это знать.

— Да, это так, — подтвердил Леха.

— Тогда почему ты убил Анки, сестру Миснэ?

Глаза Коли стали красными как два раскаленных уголька.

— Молодец, хорошо подготовился!

— Коля, давай так: ты нам говоришь, где источник, и мы отпустим тебя в пустыню.

— Обрадовал. Счастье то какое, в пустыню они меня отпустят. — Коля присел на задние лапы и тяжело выдохнул. — Леха, стреляй! Гаврики не тронут тебя, обещаю!

— Скажи, где источник!

— Да откуда я знаю где? Знал бы, поверьте, сам бы его и прихлопнул. Почему? Потому что знаю, кто он, этот Харан. Есть смысл рассказывать вам кто я? Или и так и будете играть в хороших разведчиков?

— Рассказывай!

— Да, это я убил Анки. В той жизни я был обычным пацаном. Не без греха, конечно, в колонии сидел детской, за грабеж, инкассатора бомбанул. Мечтал, чтобы мамка моя ни в чем не нуждалась, не мыла полы с утра до вечера, а со мной только была. И вот, начали у нас пацаны исчезать один за другим. И пропадать начали тогда, когда кум новый появился, начальник колонии. И все ему с рук сходило, сверху его кто-то крышевал.

А я тогда знаете, о чем мечтал? О том, что выйду с чистой совестью, в техникум поступлю, человеком хорошим стану и женюсь. Была у нас в колонии учительница истории, Анна Сергеевна. Я любил ее. И знал: она меня тоже любит! Видел это, чувствовал! Все изменилось, когда она пришла к нам. Я учиться стал на пятерки, от понятий отказался, книжки начал читать, в актив вступил чтобы пораньше выйти.

И вот просыпаюсь как-то ночью от боли. Глаза открываю, пошевелиться не могу. Тварь какая-то кровь у меня сосет из шеи. И вдруг кто-то напал на эту тварь. В себя прихожу, вижу — Анна Сергеевна, наш учитель истории, только какая-то другая, на себя не похожая, такая, как амазонка, я о них в книжках читал. И кум наш у ног ее лежит корчится. Он корчился, пока на глазах у меня не превратился в мумию.

Она склонилась надо мной и сказала: «с тобой будет тоже самое». Потом сделала надрез на руке, кровь выступила какая-то не красная совсем, скорее голубая. И я начал сосать эту кровь. Она сохла у меня на глазах, а я все сосал и сосал, остановиться не мог. Когда я пришел в себя, она почти окаменела. Но успела сказать: «запомни, я Анки», и превратилась в статую. Я плакал над ней до утра, а потом вышел на территорию, прошел на КП, один забор перепрыгнул, как кенгуру, второй, и ходу. И никто меня догнать не мог.

Где я только не мотался, чего только не пережил. Пока не встретил эту тварь Барнака. Он сказал мне, что может помочь все забыть, отключить все чувства. Я согласился. Только ни хрена он мне не помог. Чувства остались. И чем старше становлюсь, тем сильнее они становятся. Вот такая шляпа. Так что, не надо меня отпускать, пацаны. Лучше убейте. Так всем проще будет. Только гавриков моих не бросайте. Об этом только прошу.

— Вовка, похоже, он не врет, — Леха убрал стрелу в колчан. — Я в свитках читал, была война между барнаками и бузурами. Барнаки победили. Один бузур спасаясь от барнаков как-то проник в мир людей. Айны искали его, но не нашли, затерялся. Похоже, его и кокнула эта Анки.

— Не его, — Коля горько усмехнулся. — Бузуры могут плодиться, используя людей как оболочки. Анки убила полукровку, одного из них. Но их было двое, они были братьями. Одного убили после войны, Великой Отечественной. Второго Анки убила. Значит, есть еще один, их папаня. Точнее, он точно есть.

— Ты откуда об этом знаешь? — насторожился Володя.

— Раджанка просветила. Ты не смотри что она вся такая тихая. Она много чего знает.

— Если я правильно понял о ком речь, эта Раджанка — дархан, — добавил Леха. — А дарханы видят кто есть кто.

— Вот именно, — Коля вильнул хвостом. — А дальше по логике: зачем меня Барнак нашел? Кому-то я нужен, значит. А кому я нужен? Надо полагать, папане этого полукровки, который думает, что это я убил его дитя. Не факт, конечно. Но докопаться до сути не успел, убрали.

— Володя, все, не могу, задыхаюсь, — Леха поднял над головой лук. — Удачи вам!

Леха побежал по горной тропе и вскоре исчез. Савдаки стояли на склоне и скалились, виляли обрубками хвостов.

— Все, гаврики, домой, — Коля оскалили клыки.

Но савдаки виляя хвостами поползли вниз, к Коле и Володе. Они падали на спины, вывалив языки, поджав лапы и виновато виляя хвостами, пытались лизнуть Колю в нос, когда тот весьма ощутимо кусал их, взвизгивали. Но никто из них не думал уходить.

— Мы с ними как шапито теперь, — Коля в ярости продолжал покусывать савдаков. — Дудок с барабанами не хватает.

— Запутался я, — Володя присел и посмотрел в сторону дюн Мертвой пустыни. — А мне еще эту пустыню надо пройти.

— Нам! — поправил Коля.

— Ты хоть раз был там?

— Ни разу, ну в смысле, в этом варианте. Но память осталась. Я так понимаю, плана у тебя нет?

— План? — Володя клацнул клыками.

— Ну да. Какие могут быть планы в пустыне, когда рядом с тобой бузур? Что-то мне страшно стало.

— А эти гаврики как ты говоришь, могут нам чем-то помочь? — Володя кивнул на савдаков.

— Спалить могут. На большее у них ума не хватит.

— Мы можем помочь!

Коля, разинув пасть, уставился на одного из савдаков.

— Вы не помните меня, хозяин? Я Бодон.

Один из савдаков подполз к Володе.

— Ты чего это, пустыню почуял что ли? — теперь Коля смотрел на этого савдака с явным недоверием.

— Мы все можем говорить, — Бодон покосился на своих товарищей. — Но мы притворяемся дикими, чтобы нас не убили.

— Вот засранцы...

— погоди, Коля, — Володя уставился на Бодона. — Чем вы можете нам помочь?

— В пустыне есть тропы, их создал Максар. По ним воздух поступает. Максар может жить в пустыне, но, чтобы не одичать, ему нужен чистый воздух. Мы дышали этим воздухом,

когда никто не видел, он голод утоляет, и стали такими.

— Обалдеть, — Коля замотал головой.

— И куда ведут эти тропы? — спросил Володя.

— К границам страны онгонов. Мы ходили туда, по этим тропам, подышать водой из ручьев. Пить ее нельзя, убьет сразу. А вот подышать, чуть-чуть, можно. Поэтому мы такие сильные, вдвоем черного савдака можем разорвать.

— Я с вами поговорю, когда все закончится, — пообещал Коля. — Хорошо поговорю!

— Да, главный слуга хозяина, — ответил Бодон с едва заметной ехидцей.

— Я тебе сейчас дам слугу...

— Это ваш савдак нашел первым эти тропы. И он научил нас дышать водой. Он был самым умным среди нас, — Бодон лизнул Колю в нос.

— Ну так, — растаял Коля.

— Так, парни, хватит болтать, — Володя вскочил и отряхнулся. — Ведите нас к этим тропам.

Тропа вентиляции тянулась вдоль дюн пустыни будто мыльный пузырь, вытянутый искусным фокусником. Она оказалась очень узкой, савдаки еле умещались в ней и потому бежали цепочкой. Бодон долго не мог ее найти, пустыня изменилась, дюны сдвинулись к Мглистым горам. Когда все уже отчаялись, легкий ветерок пробился к ним сквозь завесу густого запаха тлена. Они пошли на этот запах, и увидели Чапу. Она юркнула в норку у подножия дюны, но Коля успел поймать ее за хвост.

— Не отставай, — хрипел время от времени Коля.

Бежали они довольно долго, по меркам мира людей дня три, может даже больше, и все время быстрым галопом, без передышек. И никто их не видел, никто не пытался им помешать. Воздух, что шел по тропам, явно придавал савдакам сил.

— Меру, — передал по цепочке Бодон.

Володя присмотрелся и увидел белые пики, они уже виднелись где-то впереди.

— Всегда бы так, — подумал Володя, и ощутил, как пепел под его лапами слегка задрожал.

— Быстрее, это Хорхой, — крикнул Бодон.

Савдаки побежали еще быстрее, но и пепел уже не просто дрожал, сотрясался. Слипшийся под воздействием воздуха в корку, он начал рассыпаться в пыль.

Нечто огромное, похожее на исполинского червя вырвалось из пепла под самым носом Володи. Коля, бежавший впереди, подлетел как пушинка и приземлился на вершину дюны. Володя попытался вцепиться в чудовище клыками, но будто дерево укусил. В следующее мгновение он взмыл над пустыней и увидел отряд всадников, это были сущности с огромными клювами на мордах. С таким же клювами были и сущности под ними, которых они использовали как лошадей. Увидев Володю странный отряд перешел в галоп.

Володя упал прямо в пасть чудовища, огромные челюсти сомкнулись, и дальше он ощущал только крошечную темноту, и чудовищный гул, будто ехал во тьме на грузовом поезде со скоростью самолета.

Чудовище выплюнуло его как крошку, застрявшую в горле. Володя прокатился кубарем по полу, устланному каменными плитами, вскочил на лапы, и упал снова. Со всех сторон на него навалились барнаки, спутали ему лапы толстыми веревками.

Он оказался в зале подземного замка, освещенной фонарями из чего-то, похожего на фосфор. Холодный свет от этих фонарей был похож на излучение бактерицидных ламп в больнице. Даже запах от них исходил примерно такой же.

В свете этих фонарей Володя увидел огромный монумент, изображающий максара на каменном троне, каменные колонны вокруг и множество статуй. У трона стояло большое зеркало.

— Здравствуй, Володя!

В отражении зеркала Володя разглядел сущность с синей кожей, похожую на исполинов из книги «Герои Эллады», в богатой мантии и с короной на голове.

— Здоровее видали, — огрызнулся Володя.

— Вот мы и встретились! — Максар в изображении присел на трон. — Мне кажется, или раньше ты был крупнее?

— Я не разговариваю с отражениями! — съехидничал Володя.

— Нет, ты еще не Банхар.

— Вы тоже не царь, так, пустое отражение. Не впечатляет.

— Отпустите его.

Барнаки распутали лапы Володи и отступили, склонив головы. Они явно мучились, свет ламп постепенно лишал их сил.

— Можете идти, — Максар махнул рукой.

Барнаков словно ветром сдуло.

— Не боитесь? — Володя пригнулся для прыжка.

— А чего мне бояться?

Володя прыгнул на зеркало, отлетел как футбольный мяч от хорошего удара, прилип к каменной стене и сполз по ней как мокрая тряпка.

— Ты уже не повелитель черных савдаков, — Максар хрипло засмеялся. — Что они сделали с тобой? Лучшее мое творение, великого монстра превратили в шавку. Ты голоден, кстати?

Максар хлопнул в ладони. Жирный барнак с поварским колпаком на башке занес в зал блюдо, на котором извивался детеныш с кожей синего цвета.

— Угощайся.

Володя потянул носом, заглянул в полные ужаса глаза младенца.

— Издеваетесь?

— Унеси, — Максар махнул ладонью, и барнак убежал, смешно шлепая лапами. — А мне нравится твое нынешнее состояние. С тобой можно говорить. Как монстр ты тоже был неплох, но думал только о жратве, и не всякой, гурманом был, младенцев тебе подавай.

— Хорошо, что я не помню об этом, — перебил Володя.

— Вспомнишь. И когда это произойдет, ты будешь мечтать о том, чтобы снова превратиться в бездушного монстра. Поверь, я знаю, о чем говорю.

— Да что вы знаете? Кто вы вообще?

— Хочешь расскажу, почему тебя заключили в камень? Ах да, ты же не помнишь ничего. Я тебе расскажу. Когда ты стал Банхаром, память черного савдака начала выжигать тебя изнутри. Чем больше деяний ты совершал, тем сильнее жгла память. И ничем невозможно было эту боль унять. Просто представь себе, ты сейчас вдруг вспомнил о том, как пожирал младенцев? А ты их очень много съел. Представил?

— Воображения не хватает.

Ты не выдержал, и Драгоценный из сострадания заключил тебя в камень. Ах, какой сострадательный Драгоценный. Да, он заключил тебя в алмаз. Но, алмаз — это камень. А потом тебя выкинули из него, как младенца из утробы, и отправили искать то, что снова заставит тебя — страдать! Поверь, ты не хотел покидать этот камень. Но кто тебя об этом спросил? А память черного савдака никуда не делась! Не веришь? У дружка своего савдака спроси, если увидишь его когда-нибудь. Тебе все еще весело?

— Нет.

— А теперь ответь мне на такой вопрос: почему ты считаешь, что быть Банхаром лучше, чем повелителем черных савдаков? Ну да, любовь, сострадание, Драгоценные, законы их, которые типа мир делают лучше!? Их вековая мудрость хранится в алмазах!

— Это лучше, чем превратиться в горсть пепла.

— Уверен? Да, пепел — это плохо, воняет. Ты же хорошо в школе учился? А ну-ка вспомни, из чего появляются алмазы?

— Ну не из пепла же?

— А из чего?

— Из угля.

— А уголь это что? — Максар мило улыбнулся. — Раньше меня знали как Хухэ. Я был обычным максаром, служил при дворе, следил за чистотой свитков в библиотеке. Однажды один из высших максаров забыл второпях свой ключ в читальный зал. Я его спрятал, начал читать свитки, и однажды прочел об источнике Вечной жизни. Вода с этого источника дарует сущностям Срединного мира особую силу, с этой силой ты можешь существовать во всех мирах одновременно. И я подумал тогда, а почему бы и нет? Это же так здорово, никаких тебе библиотекарей и высших максаров. Только ты, и этот мир. Он твой!

В библиотеке была тайная комната, заходить в нее имел право только библиотекарь, старый противный максар. Он меня как-то ремнем отхлестал за то, что я свитки плохо протер. В этой комнате хранилась вода из Вечного источника. Но это и так все знали. Мало кто знал, для чего она. А я знал. И я убил этого библиотекаря, проник в комнату, и получил эту воду, всего одну каплю в крохотном флаконе из синего алмаза. Я выпил ее, но испытал не силу, нет, бесконечный страх. Но страх вскоре улетучился, перерос в ненависть ко всему, что меня окружало. Я собрал все свитки, и бежал в Мертвую пустыню.

В свитках говорится, что алмазы в библиотеках Драгоценных — это сгустки знаний. И тогда я задумал создать алмаз ненависти, черный алмаз. Я собрал тысячу самых сильных черных савдаков, накормил их ненавистью и заставил биться между собой. Единственный выживший стал повелителем. Так я создал тебя, и твой алмаз. Но, ты посмотрел на себя в отражении этого камня, и он рассыпался. Ты отказывался подчиняться мне, делал что хотел, начал истреблять барнаков.

Но я продолжал читать свитки, и узнал: чтобы создать алмаз, нужна вода из Вечного источника. Такую воду носили при себе Драгоценные и аватары, в своих оберегах. Я вычислил, когда должен был прийти очередной Драгоценный, и отправил тебя убить его и аватара, и добыть их обереги. А дальше все пошло не по плану. Ты сохранил в себе каплю человечности. Эта капля сделала тебя повелителем. Она же и разрушила тебя, ты обратился в Банхара, и обрек себя на вечные страдания. Знаешь, что самое смешное в этой истории?

— Что?

— Тебе не сказали, что есть другая сторона луны. Ты хочешь увидеть ее?

— Сомневаюсь. Хотя нет, заинтриговали. Хочу.

Максар вытянул руку и разжал ладонь. Володя увидел черный алмаз.

— Вот, что избавит тебя от страданий. Ты снова станешь повелителем, если захочешь. Ты будешь вечен! И ты никогда не будешь страдать! Ты хочешь этого?

— Я так понимаю, вы добыли каплю?

— Да! Я убил Драгоценного. Видишь эти статуи? — Он показал на статуи, что стояли вокруг трона. — Это мои трофеи. Драгоценный, аватар, максары, асуры. Я был обычным максаром, Володя. А теперь все властители Срединных земель вздрагивают при одном упоминании обо мне. Но давай подумаем вот о чем. У меня огромная армия. Будет еще больше. С тобой мы сможем подчинить не только Срединные земли. Мы сможем завоевать Чистые земли. Вечный источник будет наш, Володя. И этот мир станет таким, каким мы с тобой захотим его видеть!

Для тех, кому ты сейчас служишь эта пустыня — совершенно бесполезная свалка нереализованных знаний. А для меня — источник, бесконечный, бездонный. Ты просто

подумай, кем бы ты был без меня? Простым бурым савдаком, шакалом Мертвой пустыни. Это я тебя создал! А они теперь используют тебя, против меня!

Вместе мы можем свернуть горы, оба хребта. Мы можем разрушить все границы. И не будет больше темного и светлого, только свобода, бесконечная, абсолютная...

Володя ощутил запах Коли, и еще какие-то запахи, незнакомые, но живые.

— Эка вы махнули? — Володя почесал за ухом.

— Как некрасиво, — Максар поморщился. — Поверь, тебе не идет быть собакой.

— Я пару лет назад решил сбежать в Чару, туда, где вырос.

— Я знаю, где ты вырос.

— Не перебивайте, пожалуйста? Так вот: еду я в поезде до Тынды, в купе со мной подсели одна бабушка и дурачок, он называл себя черным колдуном. Этот колдун говорил, что мечтает попасть в ад, чтобы мучить там грешников, в котлах их варить, на сковородках жарить. А бабушка ему говорит: а ты подумай, кто там стоит у этих котлов и сковородок? И зачем они там стоят? И почему вообще грешники туда попадают?

— Ой, — Максар махнул рукой.

— А вы слушайте. Я вас слушал. Они там грехи искупают, вот зачем, сказала эта бабка. Разрешат ли тебе варить и жарить, пока ты сам в этих котлах и сковородках не посидишь? Везде, даже там, есть порядок. Пока не поймешь каково это, вариться и жариться, никто тебя к этим котлам и сковородкам не подпустит. Там тоже опыт нужен. И так везде, родненький мой.

А я сидел подумал: каково это, вариться и жариться, живьем? Там, наверное, долго надо сидеть? Пока не поймешь, за что ты туда попал? А вы мне, товарищ Максар, или как вас там, предлагаете вариться и жариться бесконечно!?

— Как примитивно ты мыслишь, слушать противно, — лицо Максара потемнело, стало почти фиолетовым.

— А почему вы думаете, что только вы правы? Я вот так не думаю. И не хочу, чтобы все было только так, как вы хотите.

— Что ж, по-хорошему не вышло. Подойди!

— Не буду я к вам подходить. Слишком много чести, для отражения в зеркале.

Максар хлопнул в ладони. Появились двое барнаков, вцепились в Володю с двух сторон и подвели к зеркалу. Рядом с Максаром Володя увидел чудовище, похожее на помесь гиены и черного волка. Монстр смотрел на Володю и скалил желтые клыки.

— Узнаешь? — Максар погладил чудовище по массивной голове.

Володя попробовал вырваться, но лапы его будто окаменели.

— Это ты, Володя! И тебе не уйти — от себя!

Где-то наверху что-то ухнуло. Пепел посыпался с потолка залы. Барнаки присели от испуга. От второго взрыва стены закачались, одна из колон наклонилась, зависла на секунду, и рухнула на зеркало, прихлопнув словно мухобойкой одного из барнаков. Второй барнак бросился наутек.

Володя сбросил с себя оцепенение и успел увернуться от обломков второй колонны. К лапам Володи из обломков каменного ларца выкатился черный алмаз. Он схватил камень и кинулся к двери, которая приоткрылась от взрыва.

Володя мчался по каким-то коридорам, тоннелям, туда, где взрывы раздавались один за другим, и никого не встречал на своем пути. Вокруг рушились каменные строения, визжали барнаки под обломками. Почувяв поток свежего воздуха с запахом Коли, он запрыгнул в

тоннель вентиляции, и вскоре оказался на поверхности пустыни.

— Все, кажется, кирдык этому червя! — Коля наострил ухо и прислушался. Из проема пещеры под дюной раздавался грохот. Там громко рушились каменные строения дворца Максара.

— Еще одну, на всякий случай, — прогудел всадник с клювом, достал из сумки на седле связку то ли динамитных, то ли еще каких-то шашек, подпалил фитиль факелом, и закинул бомбу в пещеру. Раздался взрыв. Пепел под ногами всадников начал оседать. Отряд во весь опор помчался в сторону хребта Меру, преследуемый обвалом, из которого время от времени успевали выскочить уцелевшие барнаки. Тянулся этот обвал до самой границы.

— Как близко подобрался, — Коля тяжело дышал, вывалив язык.

— Как ловко ты придумал с этой вентиляцией, — Володя выплюнул из пасти алмаз и игриво ткнул лапой Колю в бок.

— Собака ты в конце концов или нет? — Коля оскалился.

Всадники сняли маски и предстали рослыми, стройными воинами. Они отличались от сартов, были выше и, как говорил в подобных случаях отец Володи — тоньше в кости, изящнее.

— Я Орхан, — представился предводитель всадников, — разведчик Первого дозора. Для нас честь видеть Банхара.

Воины дружно ударили луками по доспехам.

— Вы онгоны? — спросил Володя.

— Да, мы онгоны.

— Мы от Миснэ, — Володя толкнул носом черный алмаз. — А еще там в подземелье я успел тиснуть этот камень. Похоже, его нужно показать вашему библиотекарю.

Увидев алмаз, Коля попятился. Орхан осторожно дотронулся до камня древком лука.

— Черный алмаз? — Он вынул из ножен меч, замахнулся и ударил по камню. Володя ощутил гул в ушах.

— Эй, аккуратнее? — возмутился Коля.

— Значит, это правда, — камень лежал целым, ни единой трещины не появилось на его гранях. — Максар все-таки его создал.

— Как вы поняли, что мы идем к вам? — спросил Володя.

— Мы не знали об этом, — Орхан указал древком лука на края возникшей впадины. — Это сарты. Они пытались к нам прорваться. Почти дошли...

На склонах виднелись статуи сартов. По жестам, в которых они застыли, было видно, что они страдали в пути. Но все же шли. Их было много, не одна сотня, прорывавшихся в разное время.

— Мы перестали делать рейды в пустыню, — Орхан снял шлем, остальные всадники последовали его примеру. — Нас все меньше и меньше. Раз они шли сюда, значит, тасов у них не осталось.

— У Максара появились крылатые савдаки, — сказал Коля.

— Да, мы видели, — Орхан посмотрел на луну. — Мы следили за савдаками, они приходили сюда по этим маленьким тропам, пили воду из ручьев. Сначала просто следили, а потом поймали одного из них. Он оказался говорящим, и рассказал о подземном дворце Максара, здесь, недалеко, у самых границ. Наш предводитель Модэ научил нас делать бомбы, которыми можно уничтожить подземелья.

— Он жив? — Володя вскочил.

— Нет, — Орхан вздохнул. — Но законы Драгоценных еще действуют. Иначе мы не встретились бы. Нам пора.

Орхан осторожно закатил алмаз в сумку, повесил ее на луку седла и погнал лошадь к хребту.

— Я думал все, кирдык всем нам, — рассказывал на бегу Коля. — Когда эти появились, гаврики разбежались, испугались. А я остался, подумал, хуже уже не будет. А они меня спрашивают: «ты говорящий?»

— Молодец, сообразил, — гавкнул Володя.

— Я им рассказал, что червь тебя в пепел утащил. Они меня поставили у этой вентиляции, и давай плащами махать. А потом бомбы начали кидать в пещеру. Я думал накроет тебя там. А они: «если закон Драгоценного еще в силе — не накроет». Представляешь? В это же самое время они ехали бомбить пещеру. А тут мы. Чудеса.

Отряд долго мчался от заставы к заставе в ущельях, вдоль горных рек и ручьев. Вся эта живительная влага с хребта Меру шла к пустыне, и служила естественной преградой на пути смертоносного пепла. Воинов на заставах было немного, некоторые и вовсе пустовали. И чем дальше двигался отряд, тем хуже становилось Коле.

Заставы стояли у огромных ворот-шлюзов, которые перекрывали ущелья, очевидно, на случаи вторжения из Мертвой пустыни.

— погоди, давай передохнем, — Коля присел, вывалив язык. — Плоховато мне чего-то.

— Мы приближаемся к долине, — сказал Орхан. — Его убивает озон.

— А зачем тогда эти стены, если савдаки не могут здесь находиться? — спросил Володя, и кивнул на ворота-шлюзы.

— Шлюзы мы открывали, чтобы пропустить озон в пустыню в дни активной луны. Так появляется корка, корм для копытных Мертвой пустыни. Но сейчас он им не нужен. Они сами его добывают.

— Ну и гадость же этот ваш озон, — прохрипел Коля.

— Может, ты назад пойдешь? — спросил Володя.

— Дойду ли? — Коля попробовал подняться и рухнул без сил.

— Его нужно вернуть в пустыню, — сказал Володя.

— Оставь его, — сказал Орхан. — Отдохнет, доберется сам.

— Его пристрелит первый же патруль, — уперся Володя.

— Такова участь савдака.

— Хорошо, поезжайте без нас. Я останусь с ним.

Орхан склонился с седла, поднял обессиленного Колю, укутал его в плащ и помчался дальше.

Вскоре показалась долина. Володе показалось, что его отец мог бы написать здесь свои лучшие картины, настолько красивые пейзажи открылись перед ним. Вдали уже виднелся город онгонов, крепость из белого камня с высоченными пиками сторожевых башен.

Но воздух в долине онгонов был едким, как в больничной палате после обработки кварцевыми лампами. Володя обогнал отряд и схватил за узду лошадь Орхана.

— Наденьте ему вашу маску, — настоял он.

Коля под воздействием озона окончательно обессилел, висел вниз головой вывалив язык. Орхан натянул маску на морду савдака. Коля начал оживать.

Жители города почтительно расступались на пути отряда и, увидев Володю начинали

шептать: «неужели это Банхар?»

— Банхар вернулся! — крикнул кто-то, и толпы онгонов потянулись за отрядом к дворцу в центре города. С крыш домов посыпались лепестки цветов и капли белой жидкости, похожей на молоко. Онгоны ликовали, а Володя не знал, куда смотреть и как себя вести от смущения.

Старая женщина онгон, присев на колени, протянула к Володе свои иссохшие руки, когда он пробежал мимо, и тихо, по-старчески заплакала.

— Как им объяснить, что я еще не Банхар? — гавкнул Володя, поравнявшись с лошадью Орхана.

— Им ничего не нужно объяснять, — ответил Орхан. — Они видят, кто ты.

— Это же дядя Дум? — Володя разинул пасть от изумления и присел.

— Это Модэ, предводитель онгонов, — Орхан склонился перед статуей и дотронулся до нее.

Статуя возвышалась на постаменте, в большом зале дворца правителей в городе онгонов. За ней стояло множество других статуй застывших воинов. Позы, в которых они замерли, говорили о том, как они погибли. Было видно, что все они погибли в боях. И только Модэ стоял прямо, глядя в глаза тому, кто его убил.

— Модэ последний, кому удалось пройти Мертвую пустыню и попасть в мир людей. Это он изобрел маску, чтобы пепел не убил его. Но тогда и барнаков с черными савдаками было куда меньше, чем теперь. Сейчас они нападают постоянно, их все больше и больше. А наши силы без пополнения из мира людей...

— Последнюю миссию ему доверила Бальжан, — в залу вошел худощавый старик онгон в белой мантии. — Здравствуй, Володя. Я Далэ, библиотекарь онгонов. Прости, пока ты не раскрылся, я буду называть тебя так.

— Я не возражаю, — ответил Володя, — мне так проще.

Володя на всякий случай склонил голову, приветствуя почтенного старика. За стенами дворца толпы онгонов пели песни.

— Онгоны ликуют, — старик улыбнулся и погладил Володю по голове. — С твоим появлением они ощутили силу законов Драгоценных. Ты принес им надежду.

— Мне неловко, честно. Скажите, а что за миссия была у дяди Дума?

— Ему доверили помочь раскрыться первому Банхару. И он сделал это.

— Но я же не раскрылся еще?

— Сила законов Драгоценных оживает. Это все, что нужно знать нам.

— Отец, — в зале возник молодой онгон. — Микстуры не действуют на савдака. Он умирает.

— Такова участь савдака, — Далэ задумался. — Его пепел мы развеем с главной вершины хребта Меру. — Ни одному савдаку еще не оказывали такие почести.

— Да будет так! — согласился Орхан.

— Подождите, — заволновался Володя. — Не надо пепла. Неужели вы, онгоны, не можете ему помочь?

— Мы сделали все, что было в наших силах. В свитках нет знаний о том, как онгоны могут лечить савдаков. Это против законов Драгоценных.

— Нет, есть такое знание! — Володя приподнялся на задние лапы. — В вашей библиотеке есть капля из Вечного источника. Она поможет ему. Я знаю!

— Мы не можем использовать каплю в помощь савдаку.

— Можете! Это не простой савдак. Когда он был человеком, его укусил бузур. И тогда айна по имени Анки отдала свою жизнь, чтобы спасти его. Вы же знаете, кто такие айны. Они ничего не делают просто так. Значит, Коля зачем-то нужен.

Далэ извлек из рукава мантии алмазные четки и начал их перебирать.

— Отец, — Орхан склонился перед Далэ. — Я не в праве вмешиваться сейчас, не позволяйте сказать: я тоже думаю, что этот савдак особенный. Он не просто говорящий. Он шел с Банхаром. И он был предан ему, был готов умереть за него.

— Я освободил его от клятвы кровью, — добавил Коля. — Ему удалось приручить савдака. И этот савдак доверил ему свою сущность. Я не знаю кто он теперь, но это точно не зверь из Мертвой пустыни.

— Неси ларец, — скомандовал Далэ молодому онгону.

— Вы уверены? — засомневался онгон.

— Неси! — повторил Далэ.

Колю держали в подвале дворца, там в маске он еще мог дышать.

— Убери ее, — прохрипел Коля, увидев сквозь стекла маски Володю. — Эти травы воняют как прокисшие таблетки.

Орхан снял маску с морды Коли. Клюв этого приспособления был наполнен травами из долины онгонов.

— Надо было в пустыне остаться, — Коля тяжело задышал, вывалив язык. — Гаврики, пропадут без меня. Всех перебьют. Какая беспонтовая смерть.

— Да погоди умирать, — гавкнул Володя.

— Брат, найди их? Прощу тебя? Верни их в долину? Пообещай, что вернешь?

— Сам вернешь.

— Не до шуток. Был в бане, в парилке? Здесь также, только в сто раз хуже.

— Позвольте? — молодой онгон протиснулся между Володей и Орханом.

— Капля? — Коля приподнялся, увидев в руке онгона флакон из красного алмаза. — Капля онгонов? Сдурели? Такую каплю на меня? Не надо, оставьте.

Но в глазах Коли засветилась надежда. Онгон помог ему приподнять голову так, что он невольно разинул пасть, что-то прошептал, и вылил содержимое флакона на сухой савдачий язык.

— А теперь всем назад! — скомандовал онгон.

Коля закашлял, выгнул спину, будто пытаясь срыгнуть то, что закапали ему в пасть, упал на бок, засучил лапами. Грязная бурая пена вырывалась из него всякий раз, когда он вздрагивал. Огромная зловонная лужа образовались у его морды. Но вот из его пасти начала выделяться слюна, самая настоящая, чистая как вода из горных ручьев. Коля уже не вздрагивал, а вздыхал, глубоко, с наслаждением.

Еще раз глубоко вздохнув, он приподнялся на лапы, и посмотрел на Володю. Глаза его стали красными, как у собак Володи, Карата и Абрека. Поднявшись на все четыре лапы Коля отряхнулся, скинул с себя грязную, свалявшуюся бурую шерсть. Перед Володей стоял большой красивый белый волк.

— Я белый савдак, — вопил Коля, гоня по альпийскому лугу табун перепуганных лошадей. — Первый, первый...

Володя, Орхан и Далэ стояли в беседке на вершине альпийской сопки, и громко смеялись, наблюдая за тем, как беззаботно резвился Коля. Беседку возвели вокруг статуи белого волка, замершего в прыжке. На шее этой статуи красовался золотой ошейник.

— Я столько лет существую, и не перестаю удивляться законам Драгоценных, — Далэ пригладил серебристую бороду.

Второй рукой он придерживал крышку каменного ларца, словно опасался, что неведомая сила вылетит оттуда, если не держать крышку.

— Мне не довелось знать этих девиц, Миснэ и Анки. Но я слышал, что не всякий библиотекарь мог сравниться с ними в мудрости и проницательности. Миснэ вовремя

обнаружила тебя. Анки вовремя нашла твоего друга. И вот, я вижу Банхара и белого савдака. И они вместе!

— Вы хотите сказать, что мы уже знали друг друга когда-то?

— Да, знали. Мы его звали Симур. Тот Симур погиб в схватке с черным савдаком.

— Обалдеть? — Володя присел от удивления.

— Тот монстр атаковал последний караван, что шел из Долины онгонов в Долину сартов. И только Симур смог его остановить, ценою собственной жизни. Караван дошел, и доставил сартам знания о том, как призвать на службу айнов, хранительниц из мира людей. Айны пришли на помощь сартам и сберегли библиотеку Драгоценного. А Симур воплотился в мире людей, чтобы вернуться еще более сильным. Я вижу его поле — поле повелителя. Он может собрать стаю, огромную стаю. Преданные ему савдаки будут становиться такими же как он. Это великое событие. И я не знаю, как это произошло. Я прочитал три библиотеки только для того, чтобы понять: я ничего не знаю!

— Отец, кажется, у меня есть план как нам прорваться к Долине сартов, — вмешался Орхан.

— Говори!

— Если этот савдак может собрать стаю, почему бы нам не использовать такую силу, чтобы преодолеть пустыню?

Далэ достал из рукава четки, прикрыл глаза и начал их перебирать, что-то тихо нашептывая. Пока он думал, Коле наскучило гонять лошадей, и он вернулся к беседке.

— Вовка, давай наперегонки? Кто быстрее, банхар или белый савдак? — Он надсадно дышал, вывалив большой, влажный розовый язык. — Воздух то какой? Надышаться не могу.

— Скажите, Далэ ваш отец? — спросил Володя у Орхана.

— Всех онгонов из касты повелителей у нас называют отцами, — ответил Орхан.

— А вы застали того Симура?

— Его застал мой первый учитель. Когда я только стал разведчиком, он рассказывал, что когда-то очень давно онгонам служил белый савдак. Никто из нас ему не верил. А теперь я вижу, что это правда.

Орхан провел ладонью по голове статуи белого волка. Далэ открыл глаза, убрал четки в рукав и снял ошейник со статуи волка.

— Подойди, белый савдак, — велел Далэ.

Коля склонил голову и подполз к библиотекарю. Далэ погладил его по голове и надел ему на шею золотой ошейник.

— Приветствую тебя, Симур! Для меня огромная честь видеть тебя снова!

— Вы не поверите, но, кажется, я вас помню, — Коля коснулся лапой мантии старца. — Да, точно, я вас помню. И вот это все, что вокруг, тоже помню!? Я вспомнил...

— Тот Симур погиб в схватке с черным савдаком. Он отдал свою жизнь чтобы спасти последний караван из Долины онгонов в Долину сартов. Цикл замкнулся! И теперь я вижу нового Симура — Симура повелителя. Тысячи савдаков пойдут за тобой, если ты их позовешь.

— Тысячи? — Коля присел.

— Отдай им свою любовь, и возьми в ответ их верность. И будет это пища ваша. Теперь у тебя новое имя. Ты — Симур второй!

— Да будет так! — произнес Орхан.

— Да будет так! — повторил Володя.

Коля громко, восторженно завыл.

— Орхан, тебе нужно собрать тысячу всадников, — продолжил Далэ. — Бери лучших. Выдвигайтесь к Мертвой пустыне и ждите Белого савдака. Когда он приведет свою стаю, выдвигайтесь к Мглистым горам.

Орхан присел на колени, ткнул кулаком в грудь, вышел из беседки и побеждал к коновязи.

— Симур, гони лошадей к крепости, — крикнул на ходу Орхан.

— Есть, повелитель, — гавкнул Коля и помчался к табуну.

— Как же прекрасны законы Драгоценных, — Далэ с легкой улыбкой наблюдал за тем, как Коля поворачивает табун в сторону крепости. — И как несчастны те, кто не могут испытать на себе их благодать.

— А мне что делать? — спросил Володя.

— А тебе нужно добраться до страны аватаров, — Далэ приоткрыл крышку ларца. — И доставить туда этот алмаз. Шпионы Максара теперь повсюду. В стране максаров идет война, в стране асуров она тоже скоро грянет. У них войны — обычное дело. И мне как библиотекарю онгонов еще ни разу не удалось договориться с библиотекарями максаров и асуров. Они мнят себя богами. Но, если ты покажешь им черный алмаз, они должны нас услышать. Стар я уже. Много камней в моем сердце. Ошибки тех, кого считают мудрыми, имеют слишком большую цену. Но каяться нет смысла. Кому теперь нужно мое покаяние? Я пойду с тобой!

В стране онгонов на смену серебристому солнцу пришла серебристая луна. Небесные светила сменяли здесь друг друга раз в неделю.

— Получается, день и ночь здесь как у нас одна неделя? — спросил Володя.

Изнывая от скуки, он наблюдал за тем, как неторопливо Далэ собирался в дорогу, пакуя в дорожные сумки свитки, пузырьки и мешочки со снадобьями, одежду. До этого он целое солнце читал свитки, что-то записывал в свою походную тетрадь.

— Здесь просто другое время, — ответил старик, поглаживая бороду, явно думая о том, что он еще мог забыть.

— Онгоны спят, когда приходит луна? — Володя почесал за ухом.

— Для нас сон — обряды почитания солнца и луны.

— Как интересно. Скажите, а вы еще долго будете собираться?

— Можешь погонять лошадей пока я собираюсь.

— Да надоело уже.

— Ты отвлекаешь меня.

В дверь постучались. В комнату без приглашения вошел молодой онгон-лекарь.

— Отец, я пойду с вами, — сказал лекарь.

— Дахалэ, ты должен остаться здесь.

— Нет, я пойду с вами.

Старик вздохнул и присел на прямоугольное ложе, на нем можно было сидеть, поджав ноги, но точно не спать, в привычном для Володи понимании.

— Опять меня сбили, — старик с досадой посмотрел на лекаря.

— Отец, мы уже собрали вас в дорогу. Поверьте, я ничего не забыл, — Дахалэ возник внезапно, будто из другого пространства вышел. — Командир стражи сказал, что не выпустит вас из города без меня и всадников сопровождения.

— Весь город знает, что я собираюсь в дорогу?

Дахалэ пожал плечами.

— Дахалэ, ты способный юноша. Но поверь, тебе рано ходить в походы.

— В свободное время я учусь на полевого лекаря, отец, — уперся Дахалэ. — И, поверьте, в пути вам понадобится невидимый.

— Невидимый? — Володя привстал. — То-то думаю...

Дахалэ внезапно исчез, и также внезапно возник рядом с Володей.

— Ух ты? А этому можно научиться?

— Каждый онгон обладает способностью, — ответил Дахалэ. — Я из братства пустыни. Наша способность — быть невидимыми. Модэ был одним из нас.

— Ты последний из этого братства, — добавил старик. — Не забывай об этом, Дахалэ. Безумная храбрость — обратная сторона вашей способности. Мы не можем тебя потерять.

— Теперь, когда у вас есть белый савдак повелитель, моя миссия отпала сама собой, — Дахалэ насупился. — Я не буду служить простым лекарем. Возьмите меня с собой, отец? Или я пойду на границу, к Орхану.

— Ох, — старик покачал головой. — Как же ты напоминаешь мне юного Модэ. Столько прекрасных юношей в моей больной памяти. Где они? В залах скорби, и на дне Мертвой пустыни...

— Таков наш удел, отец, — Дахалэ присел на колено. — Все мы рано или поздно погибнем!

— Собирайся, — сдался Далэ.

— Все готово, отец!

— Ждите меня внизу, — старик вяло махнул рукой.

Дахалэ тут же исчез.

Далэ подошел к алтарю у окна, с изображением солнца и луны, извлек из ларца красный алмаз и долго смотрел в него.

— Что вы там видите, отец? — спросил Володя.

— То, что я вижу, касается только меня, — Далэ посмотрел в окно усталым взглядом. — Когда-то, будучи юношей, я мечтал быть разведчиком. Но моей способностью стала память, и вся моя жизнь в этом мире прошла в каменной прохладе библиотеки. Я помню все. И память для меня — моя вечная мука. Обратная сторона моей способности — бесконечное сострадание.

Он снял полотно со стойки у алтаря. Володя увидел красивые одеяния, похожие на доспехи.

— Не прячься, Дахалэ, я вижу, что ты здесь!

— Доспехи аватара, — у алтаря возник Дахалэ.

Он присел на колено и с благоговением дотронулся до тонкой как шелк кольчуги.

— Эти доспехи очень-очень давно подарила мне мудрая Бальжан, — старик пригладил волосы на голове юноши. — Я смотрел на них и думал, зачем они мне? Но когда в дорогу отправлялся Модэ, я их не нашел, они исчезли. И вот теперь я вижу их снова. Они твои, Дахалэ.

— Я не могу принять такой подарок, — Дахалэ привстал. — Зато я точно знаю, что они пригодятся вам, отец.

— Они твои, Дахалэ! — повторил старик.

Сопроводить Далэ вызвались десять прекрасных юношей онгонов, только-только

приступивших к службе в отрядах белых всадников. Старик долго сопротивлялся, не желая садиться в паланкин, установленный на двух лошадях, ворчал, что в числе добровольцев не нашлось более опытных воинов.

Жители города стояли как статуи на пути паланкина с библиотекарем, будто прощались с ним. Володя бежал рядом с паланкином и чувствовал на себе взгляды, полные скорби, и в то же время надежды.

Страна максаров начиналась за рекой Сензу, бесконечной по длине и глубине своей, и широкой настолько, что не видно было другого берега.

— Эта река начинается с океана мудрости, и в него же впадает, — сказал Далэ, глядя задумчиво на гладь артерии.

— Получается, максары, асуры и аватары — островитяне? — спросил Володя.

— Да, это остров, — ответил Дэхалэ. — В свитках он называется островом ложных пределов.

— А почему ложных?

— Для многих существ этот остров — предел. Максары и асуры живут дольше сартов и онгонов. Но и падают они ниже.

Спросить куда падают максары и асуры Володя постеснялся.

Они стояли у причала, от которого на ту сторону тянулся огромный трос. Недалеко от причала виднелись руины старой пограничной крепости. Трос давно обвис и выгнулся дугой по течению. Трижды Даахалэ трубил в горн, призывая паром с другой стороны реки. Но так и не дождался ответа.

— Война, похоже, затянулась, — Далэ погладил свою бороду. — Дахалэ, нам нужно найти брод.

Дахалэ достал одну из дорожных сумок, извлек свиток и пробежался по нему глазами.

— Брод ниже по течению, у Черной скалы.

От тяжелого удара в грудь Дахалэ повалился на спину. Второе копьё вонзилось в песок оставив на его виске глубокую борозду. Еще трое молодых онгонов забились в судорогах, пронзенные копьями. Остальные мгновенно выстроились в цепь, прикрыв собой Далэ, и открыли огонь из луков по отряду максаров, что надвигался на них со стороны Черной скалы. Точным огнем они выкосили весь отряд, затем успели выставить щиты и встретить очередной град копий.

Второй отряд максаров двигался на онгонов, прикрывшись щитами. Обнажив мечи, онгоны ринулись в бой.

— Встань за мной, — скомандовал Дахалэ, вынул из ножен меч и встал, прикрывая Володю и старика онгона.

Со стороны скалы тем временем появились еще два отряда. Они шли, прикрывшись щитами. За ними шеренгой двигались копьеносцы. Своими копьями они явно пытались поразить Далэ и Володю. Дахалэ всякий раз вздрагивал, когда не успевал отбить очередное копьё ударом меча, но все же стоял на ногах, принимая на себя все новые и новые удары.

Молодые онгоны сошлись в рукопашной схватке с авангардом максаров, остальные отряды поспешили взять онгонов в кольцо, чтобы поскорее покончить с ними.

Град стрел обрушился на копьеносцев. Затем начали падать максары-пехотинцы. Большой отряд белых всадников во главе с Орханом отрезал максарам путь к бегству. Ни одному полубожеству не удалось уйти от скорой расправы.

— Пусть знают, что с онгонами шутки плохи, — Дахалэ был явно доволен собой.

— Прекрасный план, Дахалэ, — Орхан крепко обнял юношу. — Ты истинный сын пустынного братства.

— Как я и думал, они видят, что мы делаем и куда движемся, — дрожащей рукой Далэ дотронулся до статуи одного из молодых онгонов. — Яндэ, юноша из касты алмазных мастеров. Последний из этой касты.

— Отец, нам придется отправиться в путь с вами, — Орхан присел на колени перед стариком. — Следующие ловушки будут еще опаснее.

— Орхан, пусти этих юношей по течению. Пусть Океан мудрости примет их.

Онгоны подняли статуи павших братьев и замерли, склонив головы. Вода, к удивлению Володи, не поглотила статуи. Они поплыли по течению, словно были из живой плоти, а не из камня.

— Пока у нас черный алмаз, они видят каждый наш шаг, — Дахалэ приподнял сумку с ларцом.

— Этот алмаз еще не обрел своего хозяина, — Далэ достал четки из рукава. — Тут что-то другое. Но я не могу пока понять, что это.

— Я знаю, что это, — вмешался Володя. — Там, в мире людей один мерзкий барнак взял с меня клятву кровью.

— Значит, пока ты не раскрылся, Максар всегда будет видеть, где ты, — Далэ вздохнул. — Все хуже, чем я думал.

— Мы идем с вами! — повторил Орхан.

— Возвращайся, Орхан. И, как только Симур соберет свою стаю, немедленно выдвигайся к Мглистым горам.

— Но отец?

— Я сказал, возвращайся!

Орхан поклонился и вскочил в седло. Вскоре его отряд вскрылся из вида.

— Дахалэ, нам нужен брод.

Молодой онгон нашел по карте Черную скалу, долго бродил по берегу, пытаясь увидеть признаки брода, но видел лишь гладь воды реки Сензу.

— Похоже, брод разрушен, отец, — Дахалэ смотрел на старика взглядом провинившегося ребенка.

— Значит, будем ждать, — сказал старик.

Он сел у кромки воды, достал четки и погрузился в свои думы. Молодые воины встали вокруг на него на случай нового нападения.

— И долго мы так будем ждать? — спросил Володя у Дахалэ.

— Столько, сколько нужно, — Дахалэ не отрывал взгляда от глади реки.

Володя долго бродил вокруг лагеря онгонов, изучая следы, оставленные отрядами максаров. Затем взобрался на скалу, в надежде увидеть с ее высоты если не брод, то хотя бы другой берег.

Легкий, знакомый запах долетел до него. Это был запах пепла. Володя встал на изготовку, по направлению, откуда шел запах. В зарослях незнакомых ему растений что-то шевельнулось. Володя спустился со скалы, с праздным видом пошел мимо зарослей, закрутился волчком пытаясь поймать свой хвост, затем начал кувыркаться на песке.

Все это время он не упускал из вида то место, где заметил странное шевеление. Вот в зарослях показалась грязная морда странного существа, похожего на маленькую обезьяну. По

виду это была чапа, но более совершенная, похожая на маленького человечка, или мартышку. Существо с любопытством наблюдало за кривляньями Володи.

«Похоже, Максар создал новую чапу, способную находиться в стране онгонов, — понял Володя. — Все действительно хуже, чем предполагал старик».

В один прыжок Володя оказался в зарослях, поймал существо за хвост и ощутил крохотные, но острые словно иглы клыки у себя на ухе.

Володя сбросил с себя чапу и прижал ее лапой.

— Эй, онгоны, — громко гавкнул Володя. — Похоже, я знаю, как нам добраться до того берега.

Чапа яростно извивалась, клацала крохотными клыками, пока онгоны, то и дело одергивая руки от ее укусов, надевали на нее шлейку из прочной бечевы. Затем они отпустили ее, и она помчалась по берегу, не чувствуя, что за ней тянется легкая как пух, и прочная как стальной канат бечева онгонов.

— Давайте, за мной, — скомандовал Володя.

— Стойте! — окликнул Далэ, повернувшись к юношам: вам нужно вернуться!

— Нет, мы пойдем с вами! — ответил за всех Дахалэ.

— Ты стал очень умным воином, Дахалэ, — Но, твои способности еще понадобятся нашему народу. И твои, Ялэ, и твои — Юлэ... Вы мастера, а не воины.

— Когда законы расцветут новой силой, придут новые мастера, — Дахалэ ткнул кулаком в грудь. — А пока — все мы воины, даже вы, отец!

— Да будет так! — сдался старик. — Нам нужно поговорить.

И снова Володя изнывал от скуки, сдерживая чапу на поводке. Старый и молодые онгоны говорили долго. Дахалэ всякий раз качал головой, явно выражая несогласие. Но старик настаивал. Остальные онгоны слушали молча, выражая общее согласие. И Дахалэ постепенно уступил.

Максары ждали их у пристани по ту сторону реки, и встретили онгонов стеной из щитов.

— Старик и банхар нужны мне живыми, — скомандовал максар, закованный с головы до ног в тяжелые латы.

Онгоны отбросили ненужные теперь луки, обнажили мечи, и бросились в бой. Впереди шел Юлэ из братства кузнецов, самый рослый и мощный. Большим двуручным мечом он прорубил брешь в стене из щитов, шедшие за ним клином юноши начали раздвигать стену, в ближнем бою их мечи стали неразрешимой задачей для максаров, вооруженных тяжелыми секирами и палицами.

Далэ, наблюдавший за битвой, вздрагивал всякий раз, когда очередной онгон падал на землю каменной статуей, и тянул заунывную зауспокойную песнь. Володя рвался в бой, рычал, клацал клыками, но старик крепко держал его за ошейник. Последним пал Юлэ. Он отбросил обломок меча, обернулся, улыбнулся, и застыл.

— Был еще один, — сказал максар в тяжелых доспехах. — Где он?

Володя оглянулся и не увидел Дахалэ. Не было рядом и сумки, в которой несли ларец с черным алмазом.

Старика несли в паланкине, Володю вели рядом, на поводке, под охраной целого отряда конвоиров. Морду ему на всякий случай обмотали бечевой. Володя то и дело косился на Далэ. Старик сидел молча, прикрыв глаза, сложив ноги и руки в молитвенной позе.

Вокруг простиралась равнина, ровная, бесконечная степь. Время от времени Володя видел статуи максаров, они не тянулись друг к другу, лежали повсюду порознь.

— Какое-то время статуи продолжают жить, — поведал Володе Дахалэ незадолго до похода. — Они стягиваются в курганы, так образуются горы. Мглистые горы и хребет Меру сформировались из статуй сартов и онгонов. Но в долине максаров и асуров гор нет, потому что их статуи не тянутся друг к другу.

— А почему так? — спросил тогда Володя.

— В наших свитках об этом ничего не написано, — ответил Дахалэ. — Могу лишь предположить: мы охраняем границы миров, вся наша сущность в этой миссии. Поэтому для Максара мы проблема, и ничего более. Максары и асуры мнят себя богами. Миссии у них нет. Поэтому их земли называют ложными пределами.

— Как сложно все.

— Но у них есть право заблуждаться. У них есть выбор. Они живут. У нас такого права нет. Мы только служим, законам Драгоценных...

Отряд остановился у ворот крепости. Равнина вокруг нее была усеяна статуями воинов. Часовые расступились, пропуская колонну. Володю повели по узкой улочке, вдоль которой стояли максары в доспехах, еще не остывшие от недавнего боя. Доспехи на них были мятыми, забрызганными синей кровью.

Володю загнали в клетку, рядом поставили паланкин с Далэ. Максары обступили их со всех сторон.

— Вот ты и попался мне, Банхар, — к клетке подошел максар в тяжелых доспехах.

Володя в ответ прорычал. Максар сорвал с него намордник.

— Впервые вас вижу! — Володя оскалил клыки.

— Да! — максар снял шлем и посмотрел на Володю черными глазами. — Но ты видел моего брата. У нас, в отличие от этих бездушных сартов и онгонов есть семьи, если ты не знал. Я уважал сартов и онгонов, и умолял брата не убивать этих примитивных сущностей. Но потом один мерзкий пес убил моего брата. И теперь я убиваю сартов и онгонов.

— Вы нарушите закон Драгоценных...

— Замолчи, пес! Я для тебя закон! Я — бог!

— Это неправда! Вы — полубожество. Поэтому, если вы не знали, ваши земли называют ложным пределом.

Максар рассмеялся.

— Это библиотекарь онгонов? — максар указал секирой на старика. — Говорят, они особенные. Их защищают законы Драгоценных. А давай проверим, насколько сильны эти ваши законы?

— Он обычный старик, — Володя с трудом сдержал приступ ярости.

— Да нет же, это библиотекарь онгонов, — максар приподнял голову Далэ лезвием секиры. — Это Далэ, мудрейший.

Максар сделал легкий выпад, голова Далэ упала к его ногам и тут же окаменела. Володя

рванул вперед и ударился головой о прутья клетки.

— Я убью тебя! — прорычал Володя, и принялся грызть прутья клетки.

— Великий Банхар, первый из банхаров, не может вырваться из обычной клетки? — максар склонил голову. — А давай проверим, какой ты великий на самом деле? Откройте клетку!

— Хухэ велел доставить его живым! — возразил один из конвоиров.

— Хухэ получит его живым! — максар улыбнулся. — Он получит его оболочку.

Сущность этой псины принадлежит мне.

— Я не могу нарушить приказ!

— Приказы не касаются права на поединок!

— На поединок ты можешь вызвать только сущность, подобную себе. Этот зверь — тебе не подобен.

— Это Банхар! Ты забыл? Аватары ставят его выше нас! Выше нас, этого зверя.

Максар отбросил секиру и вынул из чехла на поясе короткую палицу. Конвоир открыл клетку. Володя сжался в комок и прижал голову к передним лапам.

— Великий Банхар боится? — максар громко захохотал.

Володя рванул вперед словно стрела, пущенная из лука сартов и онгонов. Максар взмахнул палицей, но ударить не успел. Володя полоснул по лицу максара когтями и впился клыками в кисть руки, сжимавшей палицу. Максар невольно разжал ладонь, рыкнул, попытался обхватить пса, но поймал лишь пустоту. Челюсти Володи сомкнулись на массивной как у быка шее, у основания черепа.

— Уберите его, уберите, — захрипел максар.

Но никто из его соплеменников не сдвинулся с места.

— Уберите, — уже взмолился максар.

Он метался из стороны в сторону, пытаясь сбросить с себя пса. Но Володя всякий раз успевал уклониться от его лап, и сжимал челюсти все крепче и крепче.

Вот максар вытянулся из забился в судорогах. Володя успел разжать челюсти и отскочить. Лезвие секиры конвоира вонзилось в шею максара.

— Нечестно, — рявкнул Коля. — Я победил в честном поединке.

— Ты не максар! — конвоир снова занес свою секиру и замер, услышав звук горна.

— Гвардейцы, — послышалось со стороны ворот.

Конвоиры навалились на Володю, скрутили его и бросили в клетку. Максары в доспехах спешно занимали позиции на стенах, те, что помоложе, несли к стенам связки копий и дротиков.

Затем наступила оглушающая тишина. Воина стояли на стенах, Володя заметался по клетке, пытаясь определить по запахам, что происходит за стенами.

Ворота открылись и в крепость вошли двое воинов. Один из них был максаром, военачальником в богатых, искусно инкрустированных доспехах. Рядом шел Дахалэ, в руке он сжимал пустую сумку.

— Откройте клетку! — велел военачальник конвоирам, и с нескрываемым любопытством уставился на Володю. Глаза его были синими как чароит.

Дахалэ присел на колени и склонил голову перед статуей Далэ, вынул алмазные четки из окаменевшей ладони старика и положил его голову в пустую сумку.

— Мы обменяли тебя на черный алмаз, — одной рукой Дахалэ крепко сжимал луку

седла, другой прижимал к себе сумку с головой старика онгона.

— Как глупо, — Володя покачал головой.

— Без хозяина этот камень не имеет силы. А если ты не дойдешь до страны аватаров... — Дахалэ тяжело вздохнул.

— Я дойду!

— В стране людей я был командиром отряда гуннов, — лошадь военачальника гвардейцев-максаров поравнялась с лошадью Дахалэ. — Помню твоих предков. Хорошие были собаки. Я Ратмир.

— Я был черным савдаком! — ответил сухо Володя.

— Черных савдаков видеть не приходилось. Хотя, наверное, скоро придется. У ренегатов кого только не увидишь сейчас.

— Вы так и называете их?

— Они сами себя так называют. Слово то какое, ренегат.

— Что дальше? — спросил Володя у Дахалэ.

— Мы покажем тебя библиотекарю асуров.

— Ему можно доверять?

— Сейчас никому нельзя доверять, — усмехнулся Ратмир. — Мы часто воюем. Но эта война — я такого не помню из прошлого. Недавно нас атаковал отряд, в котором были и максары, и асуры, и какие-то чудовища, даже не могу сказать на кого похожие.

— Это барнаки, — уточнил Володя.

Впереди показался город максаров, огромная крепость из множества замков. На встречу им мчался дозор. Командир дозора спешил к нему и присел на колени перед лошадью Ратмира.

— Господин, велено в город никого не пускать.

— Я Ратмир. У меня важная новость для повелителя.

— Я знаю кто вы. Повелитель принимает асуров.

— Асуров? — Ратмир посмотрел в сторону города. — И много их прибыло?

— Много, целый отряд. Но в основном там девушки.

— Лучшие воины асуров — девушки, — заметил Дахалэ. — Так в свитках написано.

Личная гвардия повелителя асуров состоит из девушек-воительниц.

— Не нравится мне это, — Ратмир нахмурил брови. — Пусти нас до библиотеки, пока правитель занят, мы поговорим с библиотекарем.

— Хорошо! Но пропустить могу только вас.

— Я возьму с собой чужеземцев. Оружие они оставят здесь.

— Вам тоже нужно оставить свое оружие, — не унимался начальник дозора.

— Хорошо! — согласился Ратмир.

Дозор помчался к городу.

— Даян, — Ратмир подозвал к себе одного из воинов. — Скачи в лагерь, всем полная готовность. Долину правителей взять в кольцо. Никого не впускать и не выпускать.

Даян кивнул и погнал лошадь в степь.

Максары мало чем отличались от обычных людей, разве что жили богаче. Вокруг крепости колосились поля, благоухали рощи с деревьями, похожими на стебли огромных цветов, стояли деревни с красивыми, богатыми домами. По окраинам эти деревни были обнесены частоколами и рвами от конных набегов.

По улицам города носились маленькие максары, степенно вышагивали синеокие женщины в красивых платьях, старики брели, тут и там мелькали наряды воинов в доспехах.

Никто не обращал внимания на Ратмира, сопровождавшего чужеземца онгона и большую мохнатую собаку.

— Ох, Далэ, старый мой друг, — библиотекарь асуров изобразил скорбь на лице.

Это был пожилой асур, рослое полубожество, примерно на голову выше самого рослого максара. Глаза его и кожа были цвета неба. Возраст асура выдавали легкая сутулость и тонкая, длинная борода. Из одежды на асуре была лишь набедренная повязка, просторный плащ и сандалии.

Он держал голову Далэ и разглядывал скорее с любопытством, чем с сочувствием. В зале, где асур принимал гостей, бросалась в глаза огромная картина, мозаика, на которой было изображено дерево. Оно росло из дюн Мертвой пустыни, а кроной упиралось в небо.

— Не смущайся, Володя, — сказал асур, ощутив на себе взгляд пса. — Мы, асуры не умеем выражать скорбь. Но ради своего друга я стараюсь.

— Да ладно, я о своем думаю, — Володя почесал за ухом.

— Ну что же, покажите мне этот камень, — асур положил голову Далэ на мраморный стол и протянул массивные, узловатые руки.

— Мы обменяли черный алмаз на банхара, — ответил Дахалэ.

— Вы поторопились, у меня не будет аргументов во дворце правителей асуров.

— Я видел этот алмаз, — Ратмир сделал шаг вперед. — Могу поклясться сущностями первозданных.

— Этого мало, его нужно видеть! — асур отвесил подзатыльник молодому максару, что сидел за мраморным столом и вел протокол беседы. — Я говорил тебе не класть свитки на стол для трапезы?

Начинающий библиотекарь торопливо собрал свитки и выбежал из залы.

— Простите, библиотекаря максаров, как вы уже, наверное, знаете — убили. А этот молодой бездельник думает только о молоденьких девушках. У асуров время трапезы. Не желаете присоединиться?

— Онгонам не подходит трапеза асуров, — заметил Дахалэ. — К тому же у нас мало времени.

— На моей кухне найдется что-нибудь и для онгонов. А все важные вопросы асуры обсуждают после трапезы. Вы — мои гости. Прошу к столу.

Асур похлопал в ладони. Вскоре появились прекрасные, почти нагие девушки-асуры с разносами, полными необычных глазу Володи яств.

— Вас, мой друг, я не могу пригласить к общему столу, — обратился асур к Володе. — Но зато у меня есть для вас достойное угощение.

— Спасибо, я не голоден, — соврал Володя.

— Не лги мне, банхар.

Перед Володей поставили большую золотую чашу, по сути — тазик из золота.

«Дожил, кормят как собаку, из миски», — подумал Володя, и заметил краем глаза, что Ратмир и Дахалэ смотрят на него как-то странно, с каким-то через чур холодным спокойствием. Рука Ратмира медленно сползла к поясу, на которой висел боевой горн.

Володе налили в миску нечто, похожее на парное молоко. Запах от этой жидкости ударил в нос мягким теплом и в животе Володи заурчало.

— Отведай, мой друг, это молоко девиц асуров, напиток богов. Он придаст тебе сил перед дальней дорогой.

Володя сам не понял как его язык коснулся жидкости. Он начал лакать молоко жадно, и

никак не мог заставить себя остановиться.

— Отложи свой горн, Ратмир великолепный! — Голос асура стал жестче. — Тут он тебе не поможет! Брось его на пол!

Ратмир бросил горн на пол.

— А ты, Дахалэ, не вздумай исчезать!

Девушки асуры обступили Ратмира и Дахалэ, приставили кинжалы к их шеям.

— Это лучшие воительницы моей страны, — асур улыбнулся. — Не советую их злить.

Володя бросился к Дахалэ и замер в прыжке, пролетев еще немного по инерции упал на каменный пол.

— Ты попал в нужные руки, пес, — асур присел и погладил Володю по голове. — Асурам черный алмаз не нужен. Мы и без камня тебя раскроем.

С трудом приподняв голову Володя увидел, что глаза асура стали черными как уголь.

Володя увидел кусочек неба, голубой круг в обрамлении прутьев, укрытых грязным, задымленным войлоком.

— Где это я? — хотел было сказать он, но из горла его вырвался тонкий писк.

Он лежал на спине, завернутый в ягнячьи шкурки и не мог пошевелиться.

— Эй, — пикнул он, и почему-то заплакал, громко, гортанно, как младенец.

Над ним склонилась Миснэ. Она улыбалась ему, взяла его на руки, прижала к груди и тихо начала напевать песню на языке, отдаленно напоминавшем бурятский.

Теперь он мог осмотреться. Володя оказался в юрте, старой, сильно задымленной, но основательно сложенной со всех сторон. В центре этой лачуги из войлока чадил очаг. Над очагом висел почерневший от дыма котел.

За стенами юрты слышались крики, топот копыт. Миснэ вернула его в деревянную люльку, бросилась к выходу, вернулась, схватила нож у очага и встала на изготовку, спрятав нож за спиной. В юрту ворвался грязный, обросший воин в кожаных доспехах. В руке он сжимал кривой меч. Увидев Миснэ он плотоядно улыбнулся, облизнул губы, сделал шаг вперед и отпрянул, прижав ладонь к лицу. Между грязными пальцами воина проступила кровь.

Миснэ схватила Володю, ударом ноги повалила воина и выбежала на улицу. Она прорывалась к коновязи, у которой стоял низкорослый, мохнатый конь. Но уйти ей не удалось. Пробегавший мимо воин взмахнул палицей и Миснэ упала. Капли крови словно слезы выступила из ее глаз, губы застыли в легкой улыбке, даже умирая она пыталась хоть как-то успокоить свое дитя.

Над Володей склонился грязный воин. Он все еще прижимал окровавленную ладонь к лицу. Подумав немного, он взял Володю за ноги, замахнулся им, намереваясь, по всей видимости, разбить голову малыша о землю. Но затем почему-то передумал, понес его как вещь к телеге, и бросил под ноги одной из пленных, худощавой старухе с растрепанными седыми волосами. Старуха тут же взяла его на руки и прижала к себе.

Холодные и голодные дни и ночи потянулись однообразной вереницей. Володе было душно днем, холодно ночью. Старуха пыталась согреть теплом своего тщедушного, давно ослабшего тела, кормила его отвратительной жижей, разжевывала сухие безвкусные лепешки, и сплевывала ему прямо в рот.

Однажды старуха не проснулась. Володя вылез из-под грубо отделанной шкуры, пошевелил ее, и ощутил, что она твердая как застывшая коровья лепешка, и такая же

холодная. Ему тоже захотелось застыть, и он снова прилег рядом, прижался к ней, пытаюсь впитать от нее холод. Но вошли какие-то люди, один из них отшвырнул Володю ногой как щенка, они подняли ставшую похожей на статую старуху и вынесли ее из юрты. Володю поселили в юрте с рабами.

Эти слабые, запуганные существа держались каждый сам по себе. Володя только-только начал ходить, и теперь старался не попадаться этим несчастным под ноги, им было все равно что на пути у них ребенок. Умом младенца он уже понимал, что его просто затопчут, и выкинут на корм собакам.

А потом его заставили работать, пасти огромных крикливых чудовищ с огромными рогами. Он ковылял за ними босиком, по колкой, холодной траве с прутиком в руках. Но он любил эту работу. Когда ноги его сводило от холода, он находил теплую лепешку помета, вставал в нее и грел ноги.

Одно из чудовищ однажды выкинуло из себя детеныша. Этот детеныш вскоре стал на ноги и потянулся к вымени. Володя подошел, принялся, пристроился рядом с детенышем и присосался к одному из сосков. Весь день, пока он брел за стадом, время от времени подходил к чудовищу и сосал живительную влагу. На следующий день он уже мог бегать совсем как детеныши рогатых чудовищ. Детенышей становилось все больше, и с ними все крепче и выносливее становился Володя.

Каждую ночь кто-нибудь из рабов умирал. Вскоре остались только двое пугливых юношей и Володя. Как-то их хозяин, тот самый воин, которого его мама лишила глаза, вошел в юрту рабов. Он сморщил нос, прикрыл его рукавом халата на меху, и осмотрел уцелевших. Его сильно качало. В руках он сжимал кусок вареного ароматного мяса. Володя знал этот аромат, он часто исходил от юрты хозяина, но ничего подобного ему еще не доводилось пробовать.

Хозяин бросил мясо на пол. Юноши тут же кинулись к куску, принялись драться. Володя схватил кусок и принялся рвать его своими крохотными зубками. Рабы набросились на него, но все их попытки отобрать добычу заканчивались тем, что он их кусал, так больно, что рабы вскоре отступили.

Хозяин поднял Володю за шкуру, как щенка, и унес в юрту с прислугой. Видимо, слугам хозяин велел обращаться с ним хорошо. Володю посадили в деревянное корыто с теплой водой, долго терли чем-то скользким с запахом золы, срезали с него длинные, слипшиеся волосы, насухо вытерли, дали чашку с молоком и теплую лепешку. Володя накинулся на еду как злой, голодный щенок, то и дело бросая на слуг полные ненависти взгляды.

Утром хозяин посадил его на коня, и взмахнул плетью. Володя клещом вцепился в густую гриву, прильнул к мускулистой шее и зажмурил глаза. Конь мчался долго, то и дело всхрапывая, холодный ветер бил по бритой голове, но Володя держался. Рядом скакал хозяин, время от времени взмахивал плетью и громко смеялся.

Теперь рогатых чудовищ Володя пас верхом на лошади. Его хорошо одевали, кормили досьята, часто били, но побои он готов был терпеть ради новой, сытной жизни в тепле. Хозяин начал обучать его стрельбе из лука, владению мечом, метанию копья на скаку. Володя прилежно учился. Так продолжалось два лета и две зимы.

Как-то хозяин привез большого щенка. От него пахло степью и ветром. Хозяйские собаки при виде этого зверя начали жалобно скулить. Хозяин сунул в руку Володи старый нож и закрыл его в юрте рабов с щенком. Изогнув спину, щенок оскалил клыки. Володя

сделал все тоже самое и спрятал нож за спину. Щенок бросился вперед, взвизгнул и заметался по юрте. Из шеи его тугой струйкой била кровь. Когда щенок забился в агонии, Володя подошел к нему и попробовал его кровь на вкус. Открыв дверь, хозяин увидел маленького монстра с испачканным кровью лицом.

Хозяин долго вез его куда-то. Сидя в телеге, Володя смотрел на его широкую спину и прикидывал в уме, как можно его атаковать, чтобы разом и наверняка. Но под рукой у него была лишь старая сума с вещами. Ножа в ней не было. А дотянуться до шеи хозяина зубами вряд ли удастся, мал он еще. И Володя это уже понимал.

У огромного шатра в степи на него долго изучающе смотрел толстый, круглолицый старик в мехах. Хозяин что-то рассказывал ему, показывая рукой как бьют ножом. Володе дали палку и выставили против него троих мальчиков, примерно одного с ним возраста, вооруженных деревянными мечами. Они бросились в атаку и спустя мгновение с ревом побежали кто куда. Володя догнал одного из них, занес над ним палку и тут же был сбит с ног воином в доспехах.

Он видел, как старик отсчитал его хозяину несколько монет. Тот низко поклонился и с довольной улыбкой побежал к своей телеге. Володю скрутили и закрыли в просторной юрте из бревен. Вечером пришли трое воинов, тщательно выбрили ему голову, надели на него шапочку из влажной кожи, привязали к ложу и растопили очаг.

Очаг топили и днем, и ночью. Сначала он изнывал от жары, а затем начал страдать от боли. Шапочка сохла и ему казалось, что это хозяин стоит над ним, и сжимает ему голову своими лапищами, так сильно, что казалось еще немного и глаза вылетят наружу.

Он бы, наверное, умер от этой боли. Но однажды ночью к нему пришла его мама. Она сидела рядом, гладила его по голове и напевала свою песню, от которой ему всегда становилось спокойнее.

Володя не помнил, как долго держали его так. Он ел и пил с рук, позволял себя мыть, и не ощущал ничего, ни боли, ни страха, ни одной мысли не появлялось в его голове, им будто не было там места. Когда шапочку, наконец, сняли, ему показалось, что с него сняли часть его головы.

Он делал все, что ему велели, что-то копал, резал, пилил, скакал верхом, стрелял из лука, метал копьё, рубил мечом. Время будто отняли у него с той частью головы в шапочке. Там же остались все чувства.

Иногда он будто приходил в себя и видел множество поверженных людей вокруг. И даже нечто похожее на удивление вспыхивало в нем. Но ненадолго. И он снова куда-то скакал, стрелял из лука, рубил мечом, колол копьем, крушил чьи-то головы.

Однажды на глаза ему попался хозяин. Он проходил мимо, увидел Володю, спешился, подошел к нему и оскалил почти беззубый рот. Безобразный шрам пересекал все его одутловатое, будто покрытое старым маслом лицо. Володя посмотрел на него и вспомнил маму. Ее лицо мелькнуло в одно мгновение, но очень четко, ясно.

Хозяин выпучил уцелевший глаз, посмотрел на свой живот, попытался вынуть из него кинжал, рухнул и забился в судорогах. Володе же почему-то показалось, что не хозяина он убил сейчас, а мать свою. Это она лежала перед ним. Капельки крови выступили словно слезы в уголках ее глаз. Но легкая улыбка озаряла ее лицо. Даже сейчас, уходя безвозвратно, она пыталась успокоить свое дитя.

Воины накинулись со всех сторон. Он не сопротивлялся, стоял, не ощущая ни боли, ни страха. Сухой шепот донесся до него, пространство свернулось как кровь в деревянной

кадке, запах тлена ударил горячим ветром, иссушил все вокруг, обратил в пепел. Мрачные тени потянулись к нему со всех сторон, словно голодные волки в степи.

Он лежал в какой-то зловонной норе, среди выводка крохотных существ, похожих на щенков. Эти щенки тянулись к вымени на брюхе тощего, облезлого зверя, отдаленно похожего на собаку. Володя тоже потянулся к вымени, но щенков было так много, что он никак не мог прорваться к вождленным соскам.

И тогда он впился в загривок одного из щенков, и принялся сосать из него влагу. Когда этот щенок иссох, превратился в мешочек с чем-то дребезжащим внутри, он накинудся на второго щенка, затем на третьего. Мрачная, облезлая сука не мешала ему творить это зло, молча наблюдала за ним и, будто даже одобряла его злодеяния.

А потом она ушла, вылезла из норы и не вернулась. Он долго ждал ее, сначала молча. Потом начал скулить, все громче и громче, пока в проеме норы не появился силуэт существа, не похожего на суку, которую он ждал. Существо приняхивалось, вглядывалось в темень норы, но войти не решалось.

Он рванул вперед, схватил существо за мордочку и потянул за собой. Оно упиралось, пищало, клацало крохотными зубками, до тех пор, пока он не начал высасывать из нее влагу. Насытившись, вылез наружу и увидел целую стаю мелких существ. Они приняхивались к нему, но не решались пойти в атаку.

Когда они, наконец, ринулись на него, он занял позицию у входа в нору и начал отбиваться. Существа были мельче его, и одного его удара хватало, чтобы перекусывать им спины. Потом он брел за ними, волочащими задние лапы, и высасывал одного за другим.

Он долго охотился на эту мелочь, пока не понял, что они слишком мелкие как добыча. И тогда он стал высматривать добычу покрупнее. То были существа, похожие на него. Как-то он нашел нору, где затаилась сука с выводком щенков. Он раскопал нору, и высосал всех до единого. Так он начал охотиться на сук с выводками.

Однажды его окружила целая стая таких как он. Один из этих монстров пошел в атаку, затем второй, третий. Леденящий ужас обуял его, сковал путами по рукам и ногам. Монстры жадно вдыхали этот страх, и рвали в клочья все, что еще питало угасающее сознание.

Так продолжалось до тех пор, пока он не схватил за шею одного из монстров, подтянул к себе и ощутил зловонный поток, напоминавший по вкусу сильно перебродившее молочное вино. Володя потянул в себя этот поток и монстр превратился в сморщенный мешок. Он схватил второго, третьего, четвертого. Остальные бросились наутек по барханам пустыни, освещенной серебристой луной.

Опьяненный этой победой он помчался следом, догнал и сожрал их всех, но не насытился. Он охотился на этих монстров, пожирал одного за другим, но их влага, и их страх хоть и придавали сил, в итоге только усиливали голод. Целые стаи монстров теперь разбегались кто куда завидев его. И никому не удавалось уйти, настолько быстрым, сильным и ненасытным он стал.

Пустыня была огромной, безбрежной как океан. И чем дальше он уходил в нее, тем сильнее монстры встречались ему на пути. Однако потоки их придавали больше сил, и он шел все и дальше.

Как-то раз он встретил гохая, огромного монстра, похожего на свинью из прошлой жизни. Володя пошел в атаку, не без труда одолел монстра, выпитал его поток и, сморщенный мешок, что остался от гохая, превратился в пепел. Он прилег передохнуть. Вдруг сеть легла на него сверху. Он вскочил и увидел странных существ, с короткими ногами, длинными

руками и кошачьими мордами. Они пошли по кругу и сеть стала сжиматься. Он бился, клацал зубами, но так и не смог вырваться.

Его долго тащили волком по барханам, бросили в какую-то яму, где уже метались вдоль стен монстры, черные, один другого больше. Их было так много, что казалось, еще немного и он оглохнет от всей той общей какофонии противных звуков из их глоток и страха, сладкого страха.

То было настоящее пиршество. Пока монстры метались в попытках выбраться из ямы, он пожирал одного за другим. Многие из них даже не сопротивлялись. Когда он съел последнего монстра, пепла в яме стало так много, что теперь он мог без особых проблем выпрыгнуть из нее. Но он все еще ждал какое-то время, в надежде на угощение, за которым не надо носиться по барханам.

Когда он, наконец, выпрыгнул из ямы, увидел сущность, похожую на те странные статуи, что иногда проступали из пепла. От него исходил плотный, сытный запах. Володя изготовился к атаке, но увидев нечто в руках сущности, замер. То был детеныш, он пищал, извивался, и был живым.

— Возьми, это тебе! — сказала сущность.

Володя схватил детеныша, проглотил целиком и, наконец-то ощутил блаженную сытость. Он даже присел на пепел, почесал за ухом и облизал лапы.

— Хочешь еще? — спросила сущность. — Тогда иди за мной.

Он заставлял выполнять глупые команды, давал понюхать какие-то камни, вещи, и говорил: «ищи».

И он искал, поскольку знал, что в награду получит сладкого, сытного детеныша. Сущность называла себя Максаром, а его заставляла отзываться на кличку «Савдак».

Как-то раз Максар долго вел его по каким-то тропам, и вывел в мир людей. Потoki сладких запахов вскружили ему голову. Здесь все было съедобно, буквально все. Но они шли к жилищу, что виделось в свете луны. Максар дал ему понюхать какую-то тряпку и велел: «принеси».

Савдак бросился к жилищу, ворвался во внутрь. Худощавый степняк бросился на него с ножом, но савдак повалил его ударом лапы. Следом его попыталась остановить молодая девушка с обнаженной грудью, ее он убил еще быстрее. В люльке у очага он увидел сверток, от него исходил знакомый запах. Савдак схватил сверток и принес Максару.

— Он твой, — сказал Максар.

Савдак разорвал ягнячьи шкуры и, увидел детеныша, но не такого, каким его угощали прежде. Те были крупнее, синего цвета. Этот же был белым как... как что? В его памяти что-то шевельнулось.

— Съешь его! — велел Максар.

Савдак проглотил детеныша целиком и ощутил неведомое прежде блаженство. Этот белый был куда вкуснее и слаще тех, кого ему доводилось есть прежде. Теперь Максар заставлял его искать детенышей в мире людей.

Однажды Максар привел его в горы.

— Ищи! — велел он, и дал понюхать прозрачный камень.

Савдак долго носился по горам. Знакомый запах то появлялся, то исчезал. Наконец он нашел горное селение, к нему вела узкая горная тропка. Савдак поднялся по ней и увидел группу вооруженных людей.

Он пошел в атаку. Самым живучим и упрямым среди людей был кузнец с молотом в

руках, он едва не снес савдаку голову, тот успел увернуться, но кусок стали на палке снес ему половину уха. Савдак свернул ему шею, направился к хижине и, неведомая сила отбросила его назад. Теперь перед ним стоял большой косматый пес.

Бился этот пес до последнего вздоха. Его уже не спасали густая шерсть и плотные колтуны на шее, морда, шея и передние лапы покрылись страшными ранами, из пасти валила кровавая пена. Но он упорно стоял у входа в хижину, мазанку в горном селении, и отбивал атаки монстра в волчьем обличье.

Это был волкодав, крупный, матерый, и безумно храбрый. Савдак убивал его медленно, растягивал удовольствие. Однако и пёс в долгу не оставался, пару раз весьма ощутимо ударил савдака по морде, едва не лишил его глаза, и разок поймал за загривок.

Савдак ударил пса лапой, тот отлетел, снова вскочил, но лапы его предательски задрожали. Пасть савдака сомкнулась на загривке пса, позвонки хрустнули, и защитник обмяк, упал на землю, забился в судорогах.

Савдак знал, что это еще не все. Сразу пес не умрет. Ему придется увидеть, как черный монстр закончит свое дело. Он вынесет кричащего младенца из хижины и будет его пожирать медленно, на глазах издыхающего пса. И только затем уже добьет косматого безумца. А может и не станет добивать, сам издохнет, мучимый собственным бессилием.

Он вошел в хижину и увидел девушку, очевидно, мать младенца. Она стояла на изготовку, выставив вперед кухонный нож. В глазах ее не было ни страха, ни отчаянья, только решимость биться до конца, и умереть в неравной схватке. Савдак сломал ей шею ударом лапы. Девушка упала на земляной пол.

У очага в центре хижины сидела старушка, и что-то бормотала. В руках она держала младенца, человеческого детеныша. Этот детеныш смотрел на савдака большими, бездонными глазами, улыбался и щебетал на своем младенческом языке.

Когда савдак подошел поближе, чтобы по привычке сначала обнюхать долгожданную добычу, младенец протянул свою ладошку, дотронулся до сухого как пепел, потрескавшегося носа, и засмеялся. И, монстр вдруг ощутил неистребимое желание облизать личико этого детеныша. Он уже не видел в нем добычу, но что именно он сейчас видел — ему пока было неведомо. Савдак попытался зарычать, чтобы изгнать из себя неведомое чувство, но из горла вырвался плач.

Он увидел лицо молодой девушки. По краям ее глаз выступили капельки крови, но она улыбалась ему, словно пыталась успокоить. Савдак тряхнул башкой пытаясь отогнать наваждение. Но девушка не исчезла. Она коснулась его головы, и затянула песню...

— Сделай то, что я тебе велел! — услышал савдак, и оглянулся.

У входа стоял Максар, одной рукой он сжимал ножны, другой — рукоять меча. Позади него, во дворе, толпились барнаки, мерзкие демоны Мертвой пустыни. Даже в человеческом обличье они были похожи на голодных, облезлых котов.

— Сделай то, что я тебе велел, — повторил Максар. — И можешь идти куда хочешь. Весь этот мир — твоя законная добыча.

Савдак повернулся к Максару, из горла его вырвался угрожающий рык. Старушка тем временем бормотала все громче и громче.

— Глупый савдак, — выдохнул Максар.

Они атаковали друг друга в одну крохотную долю, песчинку мгновения. Савдак ощутил холодную сталь клинка у себя в груди, но успел сомкнуть свои челюсти на глотке Максара. Эта глотка была защищена слоями мышц, крепких и тягучих как бронза. Но пасть черного

савдака крушила и не такую суть.

Максар, пытаясь вырваться из тисков савдака, вывалился во двор. Барнаки налетели со всех сторон и в считанные секунды разорвали плоть савдака на мелкие куски. Но чтобы разжать челюсти черного савдака — савдака повелителя, им пришлось повозиться.

Зов Мертвой пустыни зазвенел в угасающем сознании черного савдака. Но где-то рядом уже звучал другой зов, журчащим смехом драгоценного младенца. И савдак потянулся к нему, как мог, всей своей многострадальной сущностью.

Барнаки таки разжали челюсти савдака, но тело Максара, словно куль с песком, лежало на земле бездыханным. Демоны не сразу заметили, как медленно начал оживать пёс. Он поднялся с земли, выгнув спину, хрустнул шейей, вставив на место разбитые позвонки, и обнажил окровавленные клыки.

Точным, смертоносным ударом он застал врасплох одного из барнаков. Остальные схватили бездыханное тело Максара и кинулись наутек вниз по узкой горной тропе. Пес громко завыл, словно возвещая округу о своем перерождении, и бросился следом...

Володя открыл глаза и увидел свою бабушку. Он лежал на циновке, там же, в приемном зале библиотекаря максаров. Бабушка гладила его по голове и напевала песню.

Это точно была его бабушка, но выглядела она как-то иначе, значительно моложе, и на ней были доспехи аватаров, точно такие же, как у Дахалэ. Густые, серебристые волосы ее вились, а не висели жидкими седыми кустиками как там, дома.

У окна залы о чем-то тихо переговаривались Дахалэ и Ратмир. Тут и там расхаживали воины максары, выносили обломки статуй асуров.

— Я пропустил все самое интересное? — спросил Володя.

— Все самое интересное ты только что пережил, — бабушка улыбнулась.

Мираж девушки с ребенком на руках мелькнул в сознании Володи. А потом он вспомнил страшное детство, рабство, Мертвую пустыню, Максара, растерзанных младенцев...

— Я не хочу это помнить, — Володя приподнялся на лапы и снова упал. — Бабушка, если ты аватар, сотри, пожалуйста, все это из моей памяти? Я не смогу с этим жить!

— Без этого ты не станешь тем, кем должен стать.

Дахалэ и Ратмир молча наблюдали за ним со стороны.

— Дахалэ, помоги, — простонал Володя.

Картины из темного прошлого кошмарными слайдами посыпались леденящим кровь водопадом. Володя начал пятиться, грязная пена выступила на его губах.

Ратмир махнул рукой, и на входах в залу, на окнах появились решетки. Володя рванул к одному из окон в надежде выбить решетку, впился в нее клыками, но решетка не поддавалась. Он оглянулся и увидел, что бабушка, Дахалэ и Ратмир стоят за решеткой.

Володя заметался по зале, круша все что попадалось ему на пути, бросался на решетки, рвал их клыками, и все глубже погружался в омут ярости где-то внутри себя. А картины все валились и валились, источая жуткий, пронизывающий холод.

— Не надо, не надо, не надо, — рычал Володя, клацая клыками в пустоту. — Отстаньте от меня, это не я, не я, не я...

Он уже не ощущал себя собакой. Он стремительно превращался в черного савдака, повелителя Мертвой пустыни. Тени савдаков и барнаков начали обступать его со всех сторон. Маленькие словно крысы чапы и огромные как носороги гохай потянулись к нему,

принюхиваюсь, словно хотели знать жив он еще, или издыхает, и теперь его можно растерзать.

Володя мог разорвать любого из них в доли секунды, даже всей этой темной армией они были бессильны перед ним. Но в потоке картин из прошлого ему не хотелось никого терзать. Он поднялся на лапы и смиренно склонил голову, в надежде что его разорвут сейчас, и все это закончится, он просто обратится в горсть пепла в Мертвой пустыне, станет частью бездушного бархана в свете серебристой луны.

Но монстры не спешили нападать, стояли и принюхивались. Володя сделал шаг на встречу и тени исчезли, растворились во мраке залы. Он присел на каменный пол, задрал голову и завыл, громко, протяжно, тоскливо. Звуки этой жуткой песни словно стаи воронов понеслись по долинам Срединных земель. Даже в Мертвой пустыне, казалось, слышали его. Он оплакивал все то, что случилось с ним когда-то, всех тех, кого потерял и растерзал. И все слышали, и молчали.

Но вот из мрака появился силуэт девушки, той самой, что когда-то была его мамой. Она присела перед ним, протянула руки, и он уткнулся в них, ощутил теплые, нежные объятия. Страх и боль постепенно отступили. А он прижимался к ее груди и тихо поскуливал, словно маленький, беззащитный щенок...

— Подойди, Банхар! — Володя поднял голову и снова увидел бабушку. Она стояла у мозаики с изображением дерева.

Он подошел к ней, обнял лапами ее ноги, приник к ним.

— Ты прошел по древу Прибежища. Это древо начинается в мире людей. Мертвая пустыня — почва для древа, и для всех нас. Без Мертвой пустыни не будет древа Прибежища. Так и ты, не будешь собой без своего прошлого.

— За что мне это все?

— За то, что только ты можешь быть первым Банхаром. Встань!

Володя поднял голову и встал на лапы.

— От корней древа Прибежища до кроны его, от тлена к жизни, от жизни к тлену, от темной стороны луны к свету солнца, приди, Банхар! Я призываю тебя!

Дахалэ, низко склонив голову, протянул бабушке каменный ларец. Она открыла его и извлекла алмаз, прозрачный, словно слеза младенца.

— Пришло твое время, первый Банхар! Ты нужен нам!

Она протянула алмаз. Володя повел носом, и ощутил свет, мягкий и теплый, словно луч солнца. В отражении камня он увидел отражение себя, могучего, непобедимого волкодава с четырьмя глазами. Все четыре глаза этого зверя светились, переливались живым огнем.

— Что ты видишь? — спросила бабушка.

— Себя, — тихо ответил Володя.

— Что ты видишь? — повторила бабушка.

— Себя, — ответил Володя чуть громче.

— Что, ты, видишь?

— Я, вижу Банхара!

Дахалэ облегченно вздохнул и прикрыл глаза. Грохот оружия о латы послышался в соседних залах, тысячи восторженных голосов раздались за окном.

— Банхар, Банхар, Банхар, — начали повторять воины. И этот клич понесся по долинам Срединных земель доброй вестью, живительным ветром, над страной максаров и асуров, над хребтом Меру и Мертвой пустыней к Мглистым горам, долине сартов и миру людей, где все

те, кто был ему дорог, без надежды на победу все же готовились к решающей битве.

Тощий, изможденный хайнак бил копытом в пепел, пытаясь вырыть себе логово, источник прохлады. Всего один провал в яме, где нет лучей, и силы к нему вернуться. Но пепел осыпался и неизбежно хоронил результаты жалких потуг копытного. Активная луна светила нещадно, выжигая остатки влаги в его теле.

Бузур наблюдал со стороны, ждал удобного момента. Хайнаки — стадные существа, держатся очень большими стадами, особенно когда корки в пустыне много. Но корка в очередной сезон активной луны не уродилась, и в Мертвой пустыне начался мор.

Ни бузур, ни хайнак не знали, что мор спровоцировали онгоны. Спустя каждые двенадцать циклов, двенадцать активных лун и столько же сезонов лунной прохлады они открывали шлюзы в горах хребта Меру, чтобы проветрить пустыню потоками озона. Так на поверхности пустыни появлялась корка, служившая кормом для гохаев и хайнаков. В свою очередь гохаи и хайнаки служили источником пищи для хищников, чап, савдаков, барнаков и бузуров.

Онгоны и прежде так делали. Мор вычищал пустыню от существей, а потом, когда шлюзы открывались, поток существования в пустыне быстро обретал новое русло. Этот процесс диктовал верховой ветер, Бора. Он всегда дул в одну сторону, от мира людей к Чистым землям, и нес дохов. Иногда, очень редко дохов было совсем немного. Но чаще они падали дождем, на вершины Кабал, трех скал в Мглистых горах, Мертвой пустыне и в горах хребта Меру.

И тогда зрелые самки Мертвой пустыни, а также девы сартов и онгонов шли к Кабалам, чтобы впустить в себя доха. Спустя три цикла у самок пустыни появлялись детеныши. Девы сартов и онгонов вынашивали своих младенцев дольше, девять циклов.

Именно от дохов произошли все существа Мертвой пустыни, а также сарты и онгоны. Только Драгоценные, обитатели Чистых земель знали тайну о том, когда все это началось, и хранили ее в своих алмазах.

Кабала Мертвой пустыни была тем местом, где можно было увидеть всех существей в едином скопище. Здесь никто не дрался, не охотился. Сюда приходили только зрелые самки, ведомые инстинктом. Самки бузуров и барнаков брали в себя по одному доху. Самки хайнаков и гохаев могли принять двоих, даже троих, савдаки и чапы — до десяти.

Уже очень много циклов дохи падали только в Мертвой пустыне. И онгоны пошли на крайнюю меру, перекрыли потоки Санума, низового ветра жизни, что нес озон. Они снова спровоцировали мор. Именно в один из таких моров молодой бузур одиночка, проигравший все битвы за самок, брел в поисках добычи по барханам и увидел одинокого хайнака.

То была большая удача, наткнуться на хайнака, отбившегося от стада. Случись это в тот период, когда корки было много, бузур завалил бы его в три счета, и влагу его сосал бы неторопливо, смакуя, наблюдая затем, как тело хайнака постепенно иссыхает. Когда хайнак испытывает ужас перед смертью, влага его становится особенно вкусной и питательной. Но сейчас бузур был слишком изможден.

Хайнак косился на бузура, мотал свой башкой, увенчанной мощными, массивными рогами, и бил копытом, все рыл и рыл пепел, пытаясь выкопать себе яму.

Корка в пустыне была не только пищей для копытных. Она была кровом для всех существей в периоды активной луны. Прохлада под покровом корки тоже была целительной.

Вдруг на вершине бархана, под которым мучился хайнак, что-то мелькнуло. Борозды потянулись к копытному, много борозд. Из пепла стали появляться мордочки рыжих чап, самых мелких из этого вида, и самых опасных. В силу своей мелкости они сбивались в огромные стаи. Еще одним преимуществом рыжих чап была способность передвигаться в пепле, потому и лучи им были не страшны даже в лунные бури.

Хайнак хрюкнул, мотнул своей башкой и повалился на бок. К его брюху присосались около сотни рыжих чап, и он не мог их сбросить. Бузур начал попятиться, как можно тише, в надежде что его не заметили. Затем он развернулся и заковылял прочь.

На мгновение он замер и оглянулся, желая убедиться, что его не преследуют. За ним тянулись борозды. Он заковылял еще быстрее, но борозды начали смыкаться кольцом. Чапы гнали его к краю пустыни, туда, где виднелись пики хребта Меру.

Все сущности Мертвой пустыни испытывали ужас при виде этих пиков. Оттуда исходило нечто, что убивало медленно, заставляло страдать. Это нечто исходило в циклы активной луны. В такие периоды пустынные сущности прятались в норах под коркой. А когда они, наконец, выходили из своих нор, вся поверхность пустыни была покрыта плотной, толстой коркой.

Но бузур был слишком молод, чтобы знать об этом. Он заковылял в сторону пиков, преодолел огромный бархан, наметенный явно на какое-то препятствие, скатился по нему и оказался в зарослях чего-то такого, чего он никогда не видел и не ощущал прежде.

А еще он ощутил влагу. В шаге от него что-то журчало, переливалось и исходило прохладой. И, даже запах этой влаги начал питать его силой. Он дышал, и не мог насытиться.

Однако вскоре его лапы начали покрываться волдырями. Вздулись эти волдыри и на морде бузура, и по бокам, везде, где влага дотянулась до него своими потоками. Тело его налилось тяжестью, ему даже показалось, что он прирос к этому месту.

И все же лапы с трудом, но повиновались. Он дополз до края бархана, пополз по корке, плотной настолько, что его когти не могли пробить ее, добрался до вершины и покатился вниз в потоках благодатного, исцеляющего пепла. Волдыри быстро исчезли, пепел вытянул из него лишнюю влагу и, впервые за все циклы своего многострадального существования он ощутил нечто, похожее на сытость.

Он прикрыл глаза и погрузился в полудрему. Проснулся от того, что крохотные чапы облепили его со всех сторон, начали вонзать в него свои крохотные клыки. Он взмахнул одной лапой, другой, заметался в потоке страха, а когда, наконец, успокоился, увидел множество покалеченных чап вокруг себя. Он взял одну из них своими скрюченными пальцами, хотел было закинуть ее в пасть, но передумал, просто отшвырнул в сторону.

Коркой была покрыта почти вся вершина бархана, и она тянулась куда-то в бесконечность, вдоль границы двух миров. Он вырыл себе логово, выпался, затем снова спустился к влаге, и дышал ею до тех пор, пока на его пальцах не выступили крохотные пузырьки.

Так он и жил на границе. Однако от сытой жизни бузур начал просто нестерпимо мучиться влечением к самке. Такое влечение у сущностей Мертвой пустыни возникало в периоды лунной прохлады, когда отступал голод. Была одна самка, с хохолком на затылке, к которой его влекло с тех пор, как он стал зрелым самцом. Но за самок нужно было драться, долго, упорно и насмерть.

Самок у бузуров и барнаков всегда было меньше, чем самцов. Барнаки поэтому жили

прайдами, во главе которых стояли самки. Именно самки у барнаков выбирали себе самцов, самых сильных и смышленных. Слабых самцов, а заодно и слабых самок просто убивали, дабы те не портили охотничьи угодья.

Но слабые все же выживали. Так со временем сложился подвид барнака, бузур, более мелкий и слабый, но более скрытный и изворотливый. Самки бузуров, в отличие от самок барнаков, прайды не собирали. Они выбирали себе одного, самого сильного самца, раз и навсегда. Стаи бузуров таким образом образовывались из пар, где самец никогда не зарился на чужую самку, а самка никогда не зарилась на чужого самца. Самцы, оставшиеся без пары — изгонялись. Во главе стаи вставала самая сильная пара. Постепенно бузуры окрепли, начали теснить барнаков и заняли вершину пищевой цепи.

Бузур не был уверен, что сможет найти себе пару, и уж тем более не чувствовал в себе решимость отбить чужую самку, за такое вся стая охотиться начнет, до тех пор, пока не достигнут и не разорвут. И все же он отправился во владения своих братьев, хотя бы ради того, чтобы ощутить запах самки.

Ему, как всегда, не повезло. Он наткнулся на стаю бузуров, которая обложила стадо гохаев, и своим внезапным появлением нечаянно сорвал охоту. Самцы накинулись на него, а он с перепугу взмахнул лапой и убил одного из них. На него тут же набросилась самка убитого, бузур узнал в ней ту самую, с хохолком на затылке.

Стая долго гоняла его по барханам, пока не выдохлась. Длительные погони в Мертвой пустыне даже рыжие чапы не всегда себе позволяли. Однако молодой бузур после бегства ничуть не устал. Он подкрался к стае, что отдыхала, сбившись в круг, прыгнул вперед, схватил хохлатую и вскоре затерялся в пустыне.

До самой границы он нес ее в своих лапах. Потом долго, терпеливо приручал, чтобы она не позволила растерзать себя тем же чапам. Неписанные законы бузуров гласили о том, что потерявший свою пару тоже должен потеряться, сгинуть.

Со временем хохлатая смирилась, приняла нового самца, но упорно не желала совокупляться. Те же неписанные законы повелевали самкам Мертвой ходить к Кабале только стаями.

Самки бузуров всегда значительно сильнее самцов. Но поначалу хохлатка была значительно уступала новому самцу в силе. Но со временем пристрастившись к влаге она заметно похорошела, шерсть ее стала темной и шелковистой, а с новой внешностью пришла и новая сила. Теперь она каждый день лупила своего самца за малейшую провинность, и не желала уходить с границы несмотря на все попытки изгнать ее за скверный характер.

Они, конечно же не замечали, как менялись. Им не показалось странным, что они начали не просто сосуществовать. Они начали общаться между собой, постепенно обретали свою речь. Но все это видел Далэ, молодой лекарь онгон, проходивший стажировку в отряде разведчиков первого дозора. Он уговорил разведчиков не убивать приблудившуюся на границе парочку бузуров, вел за ними наблюдения. Самца он нарек Хараном, самке дал имя Боня, что на языке онгонов означало «девица со скверным характером».

Харан приручался долго. Поначалу заметив, что его обнаружили, он попытался скрыться, уйти с границы. Но его держала Боня. А она оказалась особой любопытной, и общительной. Спустя пять лун эта пара вполне сносно могла объясняться на языке онгонов.

Им совершенно не подходило все то, что употребляли в пищу онгоны. Но однажды Далэ оставил на границе у ручья свою лошадь, надел маску, поднялся на бархан, чтобы изучить логово бузуров, и не придал значения тому, что Бони рядом нет. Харан охотно показывал

свое жилище, небольшую пещеру под сводом из толстой корки. Вдруг явилась Боня, прильнула к пасти своего самца и начала срыгивать ему свежую, слегка спёкшуюся кровь. Под барханом у ручья Далэ обнаружил останки своей лошади, от нее остался сморщенный мешок с костями.

С тех пор лошадей онгоны старались держать подальше от границы. Да и на самих онгонов Боня отныне поглядывала с прищуром, словно целилась, в какое место лучше впитаться.

Свежая кровь стала хорошим поощрением в дрессировке бузуров. Далэ сцеживал ее понемногу с каждой лошади, и приносил в сосудах. Питаясь этой кровью бузуры все больше и больше становились похожими на онгонов.

Они оказались хорошими учениками. Со временем под влиянием Далэ Харан и Боня стали завлекать к границе других бузуров, пару за парой. И они тоже постепенно менялись, становились похожими на онгонов. Неизменной же оставалась и непереносимость озона.

— Но ведь и сарты тоже не переносят озон? — размышлял Далэ. — Однако они такие же, как и мы, онгоны? Для получения алмазов знаний онгоны добывают корку, слипшуюся из пепла в определенные циклы, именно на границе, у ручьев!? Озон в умеренных дозах влияет на сознание существ Мертвой пустыни!?

Собирая в свитках сведения из бесед с Хараном Далэ в конце концов выяснил, что к границе он пришел вынужденно, в период мора, спровоцированного онгонами с целью регуляции численности существ в Мертвой пустыне. Но гуманно ли это, если существа способны к развитию?

Так родилась идея Далэ, его «Теория возрождения Мертвой пустыни». Совет онгонов воспринял ее с настороженностью, перенаправил на рассмотрение Великим советом Срединных земель. Великий Совет идею одобрил. Правда, заседание этого парламента прошло на землях асуров, без участия сартов. Регламент Совета предусматривал обсуждение подобных вопросов в полном составе. Но это было возможно только в Западном форте на землях сартов. А туда еще надо было добраться. Потому как правило мнение сартов во внимание не принималось.

Старейшины Совета охали от восторга, прогуливаясь по улицам поселения бузуров на границе. Бузуры научились возводить из корки целые дворцы. Правда, питались они, как и прежде, путем охоты на хайнаков и гохаев. Только Далэ видел отвратительные пиршества бузуров вокруг искалеченных гохаев и хайнаков. Этих копытных бузуры доводили до иступления, крайней степени ужаса, и затем, употребляя их живьем, пьянели от влаги, пропитанной страхом.

Но Далэ не терял надежды. Он продолжал одаривать бузуров самыми простыми знаниями, и ему казалось, что постепенно они все-таки становятся лучше. Иначе как еще объяснить тот факт, что бузуры стали приручать подобных себе, барнаков? О том, что бузуры убивают самок барнаков, Далэ не знал. Не знал он и о рынках невольников, где продавали самцов барнаков, и был счастлив, когда Совет библиотекарей Срединных земель доверил Харану вести хроники. Так в Мертвой пустыне появился свой библиотекарь. А в Совете срединных земель — шестая партия из пяти бузуров.

Увидев бузуров в караване Совета сарты пришли в ярость, и отказались принимать делегатов в своих землях. Они то знали, каково это из цикла в цикл нести потери в схватках со стаями бузуров и прайдами барнаков. Знали они и о том, что любую существ Мертвой пустыни можно приручить. И постепенно они становятся похожими на своих хозяев. Но, они

никогда не становятся кем-то выше своей сущности.

Члены Совета не простили сартам грубость, и большинством голосов исключили их партию, заменили ее партией бузуров. И не ошиблись, вроде бы. Бузуры создали целую империю, и пустыня начала оживать. Все виды гохаев и хайнаков были сбиты в стада. Онгоны научили бузуров ухаживать за ними, дали им знания об элементарной селекции, в пустыне этого было более чем достаточно.

Совет не реагировал на сообщения сартов о том, что отряды бузуров и барнаков проводят постоянные диверсии у Мглистых гор. Они не могли знать о том, что бузуры постоянно угнетали барнаков, чтобы те не переставали их ненавидеть. В свою очередь барнаки методично уничтожали савдаков и чап, взяли под контроль Кабалу пустыни.

Барнаки быстро учились. Они стали организованными, закрытыми и, хоть и делали вид, что подчинялись бузурам, Харан ощущал, что внутри этой диаспоры что-то зреет.

И вот однажды барнаки обрушились на бузуров, организованно, сплоченно, всеми силами. Вела их Дорея, вожак самого крупного и мощного прайда. Она дольше всех оказывала сопротивление бузурам, ее так и не смогли ее убить.

По численности барнаки уступали, но на их стороне было неведомое прежде чудовище, огромный, свирепый черный савдак. Нападало это чудовище всегда внезапно, бузуры в панике разбегались, и барнакам оставалось лишь добить их разрозненные отряды.

Харан слал в Совет одного почтового таса за другим, но они не возвращались. Лишь один тас однажды вернулся. В своих лапах он принес свиток, в котором были знания о тропе в мир людей. Харан вряд ли смог бы разобраться что там написано. Но рядом с ним была Боня, самая способная ученица онгонов. Вместе они открыли тропу. Однако бежал только Харан. Боню тропа не приняла.

В мире людей Харан оказался ночью. Утром он едва не сгорел под лучами солнца, успел укрыться в пещере. С наступлением темноты Харан вышел из своего укрытия в поисках пропитания и нашел потерявшегося ягненка, высосал его полностью, оставив на земле скелет, обтянутый сухой кожей.

Следующей ночью он нашел новорожденного теленка, затем выкрал собаку у какого-то селения. А потом наткнулся на девушку и юношу. Девушка, увидев монстра упала в обморок, юноша схватил топор и оказал сопротивление. Харан обхватил его своими лапами и вдруг оказался в нем. Сущность внутри юноши тоже сопротивлялась, и Харан проглотил ее. Юноша упал замертво.

Харан унес девушку в пещеру, дождался пока она очнется, вошел в нее. Весь следующий день в пещере он пытался подчинить ее, учился ею управлять. Но как овладеть ее сознанием, так и не разобрался.

Следующей ночью у входа в пещеру он увидел старика в странном облачении. Старик представился верховным шаманом и попросил Харана стать повелителем этих мест. Бузур почуял подвох, искушению поддавалась природа зверя. Шаман объяснил Харану, что сознание человека невозможно подчинить против его желания. Он сам должен попросить об этом.

Шаман искусил нелюбимого сына одного из степных ханов, вселил в него Харана. Сын сверг своего отца, перебил всех братьев-наследников и стал править в степи. Шаман стал верховным жрецом новой империи, начал проповедать новую веру о том, что есть обратная сторона луны, обратный путь, который дарует несокрушимую силу.

Харан постепенно подчинил себе все соседние княжества, заставил их воевать друг с другом и таким образом держал в страхе и ненависти. На его знамени был изображен

темный месяц. Его воины не знали себе равных по силе и жесткости, никто не мог устоять перед ними. То был орден темных нукеров, по собственной воле впусивших в себя сущностей, делавших их непобедимыми и бесчувственными.

Все эти нукеры прошли обряд инициации, самоубиения. Каждый из них провел 40 дней под палящим солнцем с шапкой из сырой кожи на голове. Шапка сжималась под воздействием солнца и выдавливала все чувства. Оставались только страх перед повелителем и ненависть ко всем его врагам. Так они становились оболочками для темной силы.

Мрачная слава о темном хане понеслась по степи тенью хищного коршуна. И однажды нашелся светлый хан, способный противостоять Харану. Звали того хана Модэ. Армии Модэ начали наносить Харану поражение за поражением. Княжества, прежде подконтрольные Харану, стали переходить на сторону света.

— Сделай что-нибудь, — Харан упал на колени перед верховным жрецом. — Неужели ты не знаешь, как мне одолеть этого Модэ?

— Знаю! — ответил жрец. — Нам нужен черный принц, сущность, способная вселяться в других повелителей и поработать их мысли.

— Так призови эту сущность? — взмолился Харан.

— Ее пока нет! Но ты можешь ее породить!

— Я согласен! — ответил Харан.

Той ночью в покои к нему привели принцессу, прекрасную, юную и очень страстную деву, мечтавшую повелевать всем миром. Харан взглянул ей в глаза и, увидел в ней Дорею, вожака барнаков.

— Я не буду совокупляться с барнаком, — взревел Харан.

Жрец был готов к такому повороту. Он протянул Харану хохолок с головы Бони, сообщил что она жива.

— Она получит тело в этом мире, — пообещал жрец. — И ты снова обретешь ее, она станет твоей царицей, вы будете править этим миром вместе.

И снова природа зверя поддалась искушению, доверилась жрецу.

Дорея той ночью едва не поглотила его, настолько сильна она была. Из покоев Харан выползал, жалобно похрюкивая. Он полз по каменному полу, пока не увидел чьи-то стопы, огромные, мощные, синего цвета. Перед ним стоял максар, смотрел на него с усмешкой. По глазам его Харан понял, что это он был в теле жреца.

— Где моя Боня? — взмолился Харан.

Двое нукеров ввели прекрасную девушку, но вела она себя странно, смотрела куда-то вверх, ее сильно трясло, пена выступила на уголках ее губ.

— Ты дал ей тело, но оно не подчиняется, — прохрипел Харан.

— Я выполнил свое обещание! — лицо максара будто окаменело. — Ты получил свою Боню, свою царицу! Весь этот мир — ваш!

— Ты обманул меня, — Харан посмотрел на нукеров. — Взять его!

Нукеры не шелохнулись.

— Нукеры подчиняются только мне, — максар громогласно захохотал. — И еще, мой дорогой Харан. Я не обещал тебе, что буду защищать твою царицу.

Из-за спины максара возникло чудовище, черный савдак.

— Я верил тебе, — взвыл Харан.

— Что мне с твоей веры? Ты жалкий, ничтожный бузур, неспособный защитить свою стаю, и свою царицу. Бери ее, и беги. Это все, что я могу сделать для тебя.

Харан взял на руки девушку и заковылял в степь.

— Дай им уйти, — велел максар черному савдаку. — Гони долго, пока силы не покинут его. Не вздумай убивать. Он нужен нам живым. Убей только ее, у него на глазах. Сделай это так, чтобы он никогда не забыл этом. Ты понял меня?

Черный савдак кивнул, разинул пасть, и пошел по следу бузура, медленно, предвкушая легкую добычу...

— Просыпайся, за тобой приехали, — участковый грубо тряхнул Володю за плечо.

Володя открыл глаза. Он лежал на нарах в клетке. Рядом стоял участковый. Сейчас он был обычным молодым лейтенантом, которого волею судьбы занесло в бурятские степи. И взгляд его не был соловым.

— Отпускаете? — удивился Володя.

Участковый сел за стол и принялся писать на сером листке.

— Опять Барнак что-то задумал?

— Барнака задержали, он сейчас в СИЗО, в Чите.

— Надо же, есть еще справедливость в этом мире...

— Распишись! — участковый подвинул Володе листок и протянул ручку.

— Что это? — спросил Володя.

— Подписка о невыезде. До конца следствия ты не имеешь права покидать пределы Усть-Нарина.

— А на стоянке я быть могу?

— Можешь.

Володя подписал листок и вышел из кабинета. В коридоре его ждала Раджана. На ней был пятнистый армейский комбинезон и танковый шлем.

— Привет, — сухо поздоровалась она. — Я за тобой.

— А почему ты? — спросил Володя.

— Не знаю. Дора Матвеевна сказала, я приехала.

— Странно, — Володя машинально почесал пальцами за ухом.

Раджана приехала на новеньком тракторе, «Белорусе» с большой кабиной. Такие тракторы покупали по ссуде начинающие фермеры в Усть-Нарине. Кто-то, как например, отец Володи, брали тракторы с маленькими кабинами, потому на них можно было установить более мощный погрузчик. Зато «Белорус» с большой кабиной был комфортабельнее. Старшие дети фермеров разъезжали на них как золотая молодежь на иномарках в Москве, девочек катали, и тоже чувствовали себя «золотыми». Раджана вела трактор умело, огибая ухабы, и молча смотрела на дорогу.

— Барнака, говорят, задержали? — прервал молчание Володя.

— Не слышала, — ответила Раджана. — Но он давно уже не приезжает. Думаю, это неспроста.

Володя то и дело косился на Раджану, и невольно любовался ею. Он подумал о том, что писать картины с нее было бы, наверное, приятнее, чем с Баярмы. Та была выше ростом, краше, сильнее, нахальнее. Но Раджана, как сказал бы отец Володи — умела излучать изнутри. И вот это излучение, выраженное в картине, всегда притягивало.

— Нам надо поговорить! — она остановила трактор за мостом на окраине деревни повернулась к Володе. — Я прошу тебя, прекрати на меня смотреть вот так.

— Да я случайно посмотрел, — начал оправдываться Володя.

— Я не сейчас имею ввиду. Запомни, я замужем, жду мужа с армии. Я люблю своего мужа! И всегда буду ему верна! А когда ты на меня смотришь вот так, мне неприятно.

— Что-то не видно по тебе, что ты любишь Серегу, — Володя тяжело вздохнул. — Я сын художника, и вижу, когда любят. Ты не любишь его!

— Я его жена! И все на этом! Не сбивай меня. Я очень тебя об этом прошу! Это ни к чему хорошему не приведет!

Она резко отпустила сцепление и трактор рванул вперед судорожным толчком. У «Белоруса» с большой кабиной было одно существенное преимущество перед «Белорусом» с маленькой кабиной, он заводился с ключа зажигания, и был более чутким к настроению водителя.

— Просто говорить-то хоть можно? — спросил Володя, когда трактор снова заколесил вдоль реки.

— Можно.

— Мне сон сейчас такой приснился, будто я в Алмазном ущелье был, а потом в Мертвой пустыне, стране онгонов, максаров...

— Это не сон! — в глазах Раджаны мелькнула грусть.

— А еще, я видел свою бабушку, она была в доспехах аватаров и, показала мне мой алмаз...

— Банхар после инициации просыпается сорок дней. Ты еще не Банхар.

— Скажи, тебя отправили за мной — наши? Или эти?

— Меня отправила за тобой Дора.

— То есть, ты, на их стороне?

— Я не против вас.

— Понятнее не стало.

— Скажи, как там Миснэ?

— Она погибла.

Трактор резко замер на месте. Раджану сильно трясло, ее ладони побелели сжимая руль, она крепко зажмурила глаза, пытаясь остановить приступ внезапной скорби.

— Была битва, — продолжал Володя. — Эти темные как-то прорвались к Алмазному ущелью. С ними были асуры и максары...

— Ты должен знать: я — падшая! Я была дарханом. Была. Дарханы пропускают через себя новые знания от Драгоценных, только через них эти знания идут в мир людей. Только после дарханов эти знания превращаются в алмазы.

— Почему ты падшая?

— Потому что я предала своих. Барнаков стало очень много, и они начали охоту на дарханов. Айны не успевали нас защищать. Миснэ была моим айном. Когда она была нужна мне — рядом ее не оказалось. Моих родителей убили барнаки. А я испугалась. Помнишь того старика в юрте? Это был Ражба, аватар. Если ты не знал — именно аватары создают условия для прихода Драгоценного. А потом уже Банхар оберегает его, пока тот зреет. Это я выдала аватара. И его убили, задушили сыромятным ремнем, чтобы сущность не покинула тело. Они знали, что он будет звать тебя. Так они тебя и наши. Теперь и ты страдаешь из-за меня! Без аватара ты слеп. Дора Матвеевна велела доставить тебя к ней на стоянку. Она знает, что ты мне доверяешь. Тебя там ждут! И ты бессилен перед ними, пока не пройдет сорок дней.

— А я их не боюсь!

— Это глупая храбрость. Ты не знаешь кто такая Дора.

— Так расскажи?

— Она — самка барнака. Эта тварь сильнее и умнее любой другой сущности Мертвой пустыни. Ты даже не представляешь себе, какая она умная. Мне иногда кажется, что она

читает мои мысли.

— Скажи, а Баярма, тоже, это самое?

— Баярма пока чистая. Но думаю, это ненадолго. Зачем-то она нужна Доре такой.

— А от тебя она чего хочет?

— Дора ждет от меня потомство.

— Ошалеть? Ты, дархан, собираешься дать потомство барнакам?

— Им нужен черный принц. Знаешь, что это такое?

— Да, слышал.

— Мой муж, Сережа, и есть этот самый принц. Точнее, его планировали как черного принца. Но, он помесь бузура и барнака. И сущность бузура взяла в нем вверх. Его тянет к своим. А всех бузуров истребили. Он не знает об этом, но все чувствует. Не получился из него черный принц, потому что он зверь, а не человек. Поэтому им нужна такая я.

— Ты сама себя слышишь вообще?

— Это мой выбор! Я — падшая!

— Да что ты заладила, падшая, падшая?

— Нам пора, — Раджана завела трактор. — Я оставлю тебя на твоей стоянке. Это все что я могу для тебя сделать. Наш участковый еще вчера был савдачником. Но кто-то его освободил. Битва продолжается. Мой тебе совет, не выходи из дома. Пока ты у себя дома — никто не посмеет тебя забрать. Это закон Драгоценных, и он все еще действует. У закона есть сила, которая защищает. А потом, надеюсь, к тебе придет подмога.

Дальше они ехали молча. Володя все еще косился на Раджану, и ощущал, что его тянет к ней все сильнее и сильнее. Но он не знал, как ей помочь.

Она остановила трактор у домика на стоянке. Дядя Ваня сидел на крыльце и смолил самокрутку. Увидев Раджану он улыбнулся, подошел к ней и по отечески приобнял.

— Заходите, я как раз чайку заварил, свежего, и оладушки пожарил, — дядя Ваня указал на дверь. Собаки радостно запрыгали вокруг Володи. У сенника крутились коровы и лошадь, ждали, пока их впустят в хлев и накормят.

«Хорошо-то как? — подумал Володя. — Как-будто не было ничего, сон это все, что было со мной...»

Раджана прошла в спальню избушки, аккуратно заправила кровать, осмотрелась.

— Дядя Ваня, давайте я приберусь у вас тут? — предложила она.

— Да зачем? — дядя Ваня махнул рукой и по-стариковски рассмеялся. — Хозяина-то не было, вот я и ленюсь. Сейчас, приберусь.

Раджана замерла у картины над кроватью. Это была последняя работа отца Володи в Чаре, Алмазное ущелье.

— Не успели дописать? — спросила она.

— Да, торопились, уезжали так, будто от войны бежали, — Володя встал рядом с Раджаной.

— Все равно красиво!

— Хочешь, подарю?

— Нет!

— Почему?

— У меня нет равнозначного подарка.

Она повернулась к Володе, поцеловала его в губы и выбежала из дома.

— Эй, а чай? — крикнул ей дядя Вася.

За стенами дома завелся трактор. Володе очень хотелось побежать за ней, остановить, обнять, защитить. Но он почему-то не сдвинулся с места.

— Ну что там нового у Доры? — спросил дядя Ваня.

Он налил полную кружку заварки, слегка забелил ее молоком и поставил перед Володей.

— Я у вас хотел об этом спросить, — Володя сделал небольшой глоток и ощутил, что от крепости чая у него сводит скулы.

— Я что, сижу себе здесь, за скотом твоим приглядываю. Ты ешь, пока горячие.

Оладьи у дяди Вани были большими, не пышными. Но Володя после пережитой ночи уплетал одну лепешку за другой, макая их в свежие сливки.

— Раджанка, смотрю, неровно к тебе дышит, — дядя прищурился и посмотрел в окно. — Не мое дело, конечно. Но не связывался бы ты с ней. Замужем девка. Вон, Баярмуха самое то для тебя, красивая, умная, с характером. Такую одну с детьми оставить не страшно. Как волчица будет приглядывать.

— Рано мне о детях думать, дядя Ваня. Мне в армию надо сначала сходить.

— Армия — это хорошо, — дядя Ваня завернул очередную самокрутку. — Старший мой до командира в армии дослужился. А младший учителем был. Детей, говорил, люблю.

— А сейчас они где?

— Покойнички оба.

— Соболезную.

— Младший-то большим человеком успел стать, директором детского лагеря был.

— А что с ним случилось, если не секрет?

— Убили. Дружок твой постарался. Долго я за ним шел, два раза от меня уходил, шельмец. Но ничего, недолго ему бегать осталось.

Володя заметил, что к своей кружке дядя Ваня так и не притронулся.

— Давай уж и про второго расскажу. Второго моего дед твой голодом заморил.

— Дед, мой? Это вам сколько лет то?

Лицо дяди Вани перекошилось как в кривом зеркале.

— Много. Простые люди столько не живут.

Володя ощутил жжение в животе, стул под ним стал будто резиновым. Он рванул к выходу, но не устоял на ногах и упал на пол.

— Не шуткуй, — дядя Ваня склонился над ним. — Хватит, отбегайся. А ну-ка...

Дядя Ваня надавил на подбородок Володи, достал из кармана пузырек, и закапал ему в рот жидкость. Володя ощутил вкус крови.

— Вот так! Порешить бы тебя, шельмеца. Но нельзя, пока нельзя...

Открыв глаза, Володя увидел керосиновую лампу на столе, и дядю Ваню, он сидел у печки и чистил старое охотничье ружье. Ноги и руки Володи были плотно перетянуты бечевой и шпагатом.

— Очнулся? — дядя Ваня взял с печки два патрона и загнал их в стволы ружья. — Дядьки твоего ружья. Он специально его купил, чтобы на меня охотиться. Сам же от этого ружья и подох.

— Я-то вам чего плохого сделал? — прохрипел Володя, и раскашлялся.

— Ты-то? Так ты-то мне и нужен. Долго я тебя ждал.

— Я понял, вы — Харан.

— Ну и понял, и что? Легче стало?

— Нет. Просто смешно. Источник ненависти был у меня дома.

Дядя Ваня хрипло рассмеялся.

— Мне тебе много чего нужно рассказать. Давай вот с чего начнем. Был у меня сынок, старшенький. В НКВД служил. До высоких чинов дослужился. И дальше бы служил, кабы не дед твой. Перевели твоего деда в отдел к моему сынку, таких как мы выслеживать. Верно служил твой дед, мой сынок ему награды выписывал. А потом за ним пришли. Дед твой лично пришел с группой задержания. Это он придумал сынка моего голодом заморить в камере.

Мы же не трогали никого, так, брали крови по чуть-чуть, иголкой, по стакану, не больше. Жили себе и жили, пока дедушка твой не появился. Мог бы и промолчать. Но ему же отличиться надо было. Я его-то убивать не стал. Слишком просто это, смерть за смерть. Я детишек его сначала порешал. Дядька твой строптивым отказался, с ним повозиться пришлось. Но я и его порешал. А теперь вот и тебя взял, зверюгу диковинную.

— Дедушка увидел, что вы бузур. Ваше место в Мертвой пустыне, а не здесь.

— И ты туда же. Я ведь давно оттуда сбежал, очень давно. Человеком почти стал, детишек родил, от простой женщины. Я не хотел, чтобы они стали такими как я. Но стали, что теперь. А кушать-то хочется. Мы аккуратно ели, бродяг всяких, кого искать не будут. А вот когда старшенького моего порешил твой дед, младшенький обозлился. Можно его понять. Так ведь?

— Не думаю.

— Я еще не все тебе рассказал. Там, в мертвой пустыне была у меня жenuшка. Очень я ее любил, больше, чем себя. Подробности тебе рассказывать не буду, все равно не помнишь ничего. Но, угадай, кто извел мою жenuшку?

— Неужели я?

— Ты, тварь такая, медленно ее убивал, у меня на глазах. Ты вот не помнишь ничего, а помню все...

Дядя Ваня замер.

— Здорово, Вовка, — выдал дядя Ваня голосом Коли. — Привет тебе от Орхана и Дахалэ.

— Эх, шельмец, — процедил дядя Ваня.

— Спокойно, не дергайся. Что там у тебя в башке? О, вон оно что?

— Не имеешь права, закон Драгоценных, — дядя Ваня потянулся, кто-то невидимый держал его сзади.

— Именем возрожденного Совета Срединных земель, теперь — имею!

— Надо было тогда еще, на Алтае тебя...

— Поздняк метаться, Харан! Пора тебе обратно, в Мертвую пустыню!

— Нет!

— Да!

Дядя Ваня подошел к Володе как марионетка на нитках, достал из сапога охотничий нож, разрезал веревки и приставил нож к своему горлу.

— Ну что? Говорить будем? Или на изнанку тебя вывернуть?

— Все равно не уйдешь...

— А это мы еще посмотрим. Володя, Барнака мы завалили. Тепленьким взяли. Этот закрылся. Не видно ничего.

— Коля? — Володя привстал с кровати. — Ты как это?

— Слышишь, Харан? Коля я, простой пацан, которому ты жизнь испоганил. Пора отвечать!

— Это ж не я, — дядя Ваня явно боролся, пыхтел, выгибался как мог.

— Врал он тебе, Вовка. Не бродяг, детей они пожирали. Много невинных душ загубили пока время было беспокойное. И матерей они своих сожрали. А, он же не сказал тебе: мамки-то у его сыновей разные были. Только не мамки они были для них, а жратва. Пока эти бедные тетki вынашивали этих ублюдков, они жрали их изнутри.

— Ты что ли лучше? — дядя Ваня заскрипел зубами.

— Я не убивал никого, — дядя Ваня шлепнул себя ладонью по лицу. — Искал я, искал как от этого дерьма избавиться. Ты, тварь, за мать мою еще ответишь, за муки ее. Видел я по телеку, как она искала меня, фото мое показывала. А я смотрел, и выл, как собака, потому что знал, видел — не она это. Ты ею рулишь.

— Вот ты и стал собакой, — дядя Ваня попытался засмеяться.

— Старшенький его к чекистам затесался, потому и найти долго не могли. Вот деда твоего и вызвали. Он его махом вычислил. Вовка, ты просыпайся уже, а? Мы тут партизаним потихоньку пока ты не проснулся. Источник, считай, нашли, Барнака завалили. Пока по пустыне шли, всю вентиляцию Максара разбомбили. Так что не сладко ему там сейчас. Но их тут очень много. И там тоже. Кипишь большой назревает. Без тебя нам не справиться.

— Да я бы рад, — Володя почесал пальцами за ухом. — Что дальше то?

— Да хрен его знает, что дальше. Мочить их надо пока не очухались.

— Он меня опоил чем-то. Голова кружится.

— Так выйди и подыши. Полегчает. А мне, с глазу на глаз надо с ним поговорить, без посторонних. Личное.

— Подожди, — прохрипел дядя Ваня. — Я все расскажу, что и как. Хочешь, тропу эту сам закрою. Там пацан у Доры, Сережка, сын это мой, последний сынок. Не убивайте его, а? Все что скажешь — сделаю.

— Слышишь, Вовка? К сведению тебе...

Володя вышел из дома, сел на крыльцо. В доме послышалась возня, затем раздался истошный крик. Он решил отойти подальше и споткнулся о что-то мягкое. Присмотревшись, увидел труп собаки, Карата. Чуть дальше лежал растерзанный Абрек. Над Абреком склонился огромный черный савдак. Он скалил желтые клыки и пытался вырваться, с двух сторон его растягивали два белых волка.

Но он думал о Раджане, о том, что она рассказала ему накануне: «Они хотят от нее потомство, черного принца, детеныша от девушки дархана и бузура в человеческом обличье? Но ведь она не выживет, если им удастся это сделать? Этот выродок сожрет ее изнутри!?»

Володя понесся по степи во весь опор, к стоянке Доры. Сзади вслед ему что-то крикнул Коля, но он не стал прислушиваться.

— Первым делом разберусь с Дорой, — думал на бегу Володя. — А потом заберу Раджану и увезу ее на БАМ, в Чару, в Алмазное ущелье...

Где-то впереди мелькнул силуэт небольшого, коренастого зверя, похожего на росомуху, послышался женский смех. Но Володя решил не отвлекаться на диковинного савдака, не до них сейчас, нужно успеть застать Дору, пока она не ушла.

Он ворвался в дом, обошел спальни. Доры нигде не было. Раджана стояла у стола на кухне и мыла посуду. Увидев Володю, она улыбнулась.

— Где Дора? — спросил Володя.

— Она в Читту уехала, передачу повезла Барнаку Бахановичу. Не слышал? Посадили же его.

— Плевал я на Барнака! Если ты понесешь от Сереги, его детеныш сожрет тебя изнутри. А они получают выродка, помесь дархана и бузура.

— О чем ты? — брови Раджаны поползли вверх.

— Мы не должны этого допустить. Нам нужно бежать.

— Куда?

— Да хоть куда...

Внезапная мысль осенила Володю: «Ты понесешь от меня, от Банхара! И тогда они ничего не смогут сделать с тобой! Ты будешь под защитой законов Драгоценных!».

Он взял ее на руки и понес в спальню.

— Эй, — Раджана рассмеялась. — Что ты делаешь? Подожди, не надо так.

— У нас мало времени! — Володя начал срывать одежду с себя и Раджаны. — Мы должны это сделать сейчас!

— Да что с тобой? — Раджана почти не сопротивлялась, обняла его за шею. — Аккуратнее. У меня еще не было никого. Тебя ждала...

Она держала его за руку, даже во сне очень крепко, будто боялась, что встанет и уйдет, не попрощавшись, навсегда. Володя открыл глаза и увидел аккуратный пробор на макушке. Тонкие, густые пряди длинных темно-русых волос разметались по подушке. Она лежала спиной к нему, он прижимал ее к себе, а она сжимала его руку.

Девушек с такими волосами мама Володи называла «Шарлуу», рыжими. Говорила, они больше нравятся парням, но жить с ними трудно, уж больно непростые по натуре своей. Маме больше нравились «Бэрхэшки», маленькие, смуглые, ладненькие очаровашки. Но в девках такие долго не ходили, чуть зазевался, и «Бэрхэшка» уже замужем. Баярма была типичной «Шарлуу», а Раджана — «Бэрхэшкой». Вот только в постели рядом с собой Володя увидел не Раджану, а Баярму.

Он оттянул одеяло и коснулся пальцами ее бедра, скovyрнул капельку спекшейся крови. В комнату вошла Дора, окинула молодых равнодушным взглядом, раздвинула шторы: «Баярма, просыпайся, девять утра уже».

Баярма сладко потянулась, улыбнулась Володе, увидев свою мать резко натянула на себя одеяло.

— Девять утра уже, — повторила Дора.

— Я думала ты к обеду приедешь, — пробубнила Баярма.

— Завтрак на столе, — Дора вышла из спальни.

Баярма крепко обхватила шею Володи, поцеловала его в нос и засмеялась: «в первый раз и сразу попались».

— Я думал...

— О чем ты думал? — Баярма и не думала подниматься с постели. — Обо мне, надеюсь?

— Да, только о тебе!

Раджана стояла у стола на веранде и мыла посуду. Увидев Володю, она смутилась и потупила глаза. Баярма окинула Раджану взглядом победительницы, подошла к зеркалу у умывальника и начала прибирать волосы.

Теперь Раджана казалась Володе какой-то обычной, совсем неинтересной. Баярма же напротив, притягивала к себе его взгляд, ее движения казались ему мягкими, грациозными как у породистой, ухоженной кошки. И смотрел он на нее будто мучимый жаждой на источник с прохладной, чистой водой.

С улицы на веранду вошла невысокая, коренастая, розовощекая девушка примерно одних лет с Баярмой и Раджаной. Володя узнал ее, это была Сержуня, школьная подруга Сереги, брата Баярмы. Она была не просто подругой Сереги, тенью его, единомышленником, соучастником. Когда Серега дрался с кем-то в распадке за школой, всем казалось, что еще немного, и она сама бросится в драку за своего парня.

— О, Сержуня, а ты что здесь делаешь? — удивилась Баярма.

Она обняла подругу брата, поцеловала ее в упругую щеку.

— Нам надо поговорить! — Сержуня покосилась колючим взглядом на Раджану, затем на Володю. Взгляд ее был раскосым, слегка воловатым.

— Сейчас, чаю выпью?

Сержуня взяла Баярму за руку и утянула ее в дом.

— Раджана, я думал... — засуетился Володя.

— Это я виновата! — Раджана всхлипнула. — Прости меня за все, если сможешь.

За дверью снова слышались шаги, на веранде объявился Серега. Заметно окрепший, в военной форме песчаного цвета, он был слегка навеселе.

— Ну здорово, зятек! — Серега улыбнулся, и потрепал Володю по голове, как дворовую собаку.

— Я тебе не зятек! — огрызнулся Володя и скинул руку Сереги.

— Да куда ты, нахрен, денешься, — Серега как-то недобро посмотрел на Раджану. — Яичницу пожарила?

— Забыла, помощники отвлекли, — Раджана засуетилась у плиты.

— Я с тобой с голодухи подохну! — глаза у Сереги были такими же, как и у Сержуни.

— Ты веди себя по-человечески, бузур несчастный? — возмутился Володя.

— А то что?

— Извиняться заставлю!

— Попробуй?

Володя сжал до бела кулак, но ударить не успел. Баярма выбежала из дома и грубо толкнула брата: «еще раз к нему полезешь, морду тебе расцарапаю!»

— Спелись уже, — хмыкнул Серега.

Сержуня демонстративно взяла за руку Серегу и вывела на улицу.

— Я бы на твоём месте уехала! — сказала Баярма Раджане.

— Мне некуда ехать, — Раджана опустила глаза.

— Тогда терпи. Всю жизнь терпеть будешь. Я своего брата знаю. Баня натоплена?

— Натоплена.

В бане Баярма долго, больно и грубо терла Володю мочалкой из шпагата, затем прижималась к нему так, будто выжать из него пыталась всю его сущность без остатка, губы ее были холодными, зубы острыми, руки и ноги не по-женски сильными.

— Пообещай, что не уйдешь от меня, никогда? — шептала она ему на ухо, и прикусывала мочку, словно намеревалась откусить ее, если услышит то, что не хочет сейчас услышать.

— Не уйду, обещаю! — ответил Володя машинально, самому себе не веря.

— Ненавижу эту стоянку! — она нежно гладила его по голове, крепко сжимала в горсть его влажные волосы, снова гладила.

— Так давай сбежим?

— Сначала свадьбу сыграем. У меня много родственников, у тебя тоже. Денег много соберут. Скот держать не будем, сыта по горло. Все продадим, купим квартиру в Улан-Удэ. Ты пойдешь учиться, на юриста. Я к тетушке работать пойду, у нее магазин свой в городе, большой, кожей торгует. К пятому курсу второго родим, чтобы в армию не забрали.

— Еще первого не родили.

— Он уже есть, я его чувствую.

— Так быстро?

— Мама сказала мальчик первым должен родиться, говорит, так думать надо. А я девочку хочу.

Они лежали в обнимку на старой железной кровати в подсобке. Он крепко прижимал ее к себе, и почему-то не хотел отпускать.

— У меня аттестата нет, на юриста учиться, — пробормотал Володя, погружаясь в

сладкую полудрему.

— Это не проблема. Директору телочку подарим, или бычка. Мы Сереге так все тройки исправили на четверки. Исправить может, и выпишет как миленький.

— А почему Серега ходит с Сержуней? У него же жена есть?

— Сержуню Серега с пятого класса любит. А Раджану он, мне кажется, ненавидит. Они муж и жена, но вместе в постели никогда не спали. Я не видела. Хотя я Раджану понимаю. В детстве мы с Серегой дружными были. Но после школы он стал вести себя как обезьяна, орангутанг. Совсем другой стал. И Сержуня такая же теперь, хотя в школе нормальная девка была, мы даже общались как родственницы.

— А зачем он женился на ней тогда, если ненавидит ее?

— Мне самой это интересно. Они как-то в город уехали, на две недели, меня одну с помощниками оставили, вернулись с ней. Молодожены обычно счастливые ходят, в постели целыми днями как мы с тобой. А она как приехала, каждую ночь плачет. У меня слух как у собаки, слышу, как она носом хлюпает. А Серега только орет на нее. И бегает к своей Сержуне. Давай не будем больше о них?

— Ладно.

Вечером Баярма пожаловалась на боли в животе, у нее поднялась температура, и Дора повезла дочь в совхоз, к фельдшеру. Володя долго слонялся по дому, пытаясь выкинуть из головы мысли о своей новоиспеченной невесте, затем вышел во двор, подышать свежим воздухом, и в сумраке, за полосой света от уличного фонаря увидел, как стая черных савдаков отбивается от наседавших со всех сторон белых волков.

— Володя, ты нам нужен! — услышал он голос Коли.

Но ему почему-то было все равно, что там происходит, за полосой света. Он зачем-то побрел в сторону кошары. У тепляка еще одна стая черных савдаков стояла на изготовку, в ожидании атаки. На крыльце тепляка сидела и тихо плакала Раджана.

Володя прошел мимо савдаков, не обращая внимания на угрожающий рык, присел рядом с Раджаной. Из тепляка доносились страстные стоны.

— Он меня не хочет! — выдала сквозь плач Раджана. — Говорит, от меня воняет парным молоком. А он ненавидит этот запах.

— От него похлеще воняет, — попытался успокоить Володя.

— Я убедила себя, что полюбила его! Я заставила себя его полюбить! Я убедила себя, что хочу от него детей! Дора фыркает на меня, убить грозит. Но что я сделаю, если он не хочет меня?

— Раньше я сказал бы что это мерзко. Но почему-то сейчас мне все равно.

— Это я виновата! Дора всех перехитрила. Она все видит наперед. Она знала, что я задумала. Она все знала. Иногда мне кажется, что это она — черный принц.

— Может расскажешь, что ты задумала? Может, мне легче от этого станет. Собраться надо, а не могу.

— Я поняла, чего они хотят от меня. И решила — пусть так и будет. Думала, когда появится наше дитя, сделаю все, чтобы они его не увидели. Я думала, это поможет нам всем. Я ошибалась. Дора переиграла меня. Она всех нас переиграла.

На савдаков у крыльца навалилась стая белых волков. Они были такими же сильными, к тому же их было больше, и черным савдакам приходилось непросто в этой схватке, несмотря на всю их устрашающую мощь.

— Скоро их всех перебьют, — Володя вздохнул, безучастно наблюдая за схваткой.

— Не перебьют! — возразила Раджана.

— Коля уничтожил источник.

— Не уничтожил. Его ненависть к Харану укрепила тропу. Теперь не нужен источник. Тропа будет всегда. Дора перехитрила нас, укрепила тропу, приворожила тебя к Баярме. Сегодня ночью ты зачал ей ребенка. И ты был первым у нее. Ты не сможешь вырваться, кем бы ты ни был. Теперь ты связан с ними родственными узами. И эта связь будет только крепнуть. Не забывай, ты еще не Банхар, но ты все еще черный савдак. Когда родится мальчик, ты вернешься в исходное состояние, станешь одним из них. Тогда и Баярма станет одной из вас. Она станет первой самкой черного савдака. И вы начнете плодиться, создавать родственные стаи.

— А если девочка будет?

— От Банхаров рождаются только мальчики. Тебе недолго осталось быть собой. Как только определится сущность, ты начнешь обращаться.

— Неужели ты не знаешь, как помочь мне?

— Тебе может помочь аватар, и не всякий, а твой, связанный с тобой общей историей. Твоим аватаром был Рабжа. Я помогла его убить.

— Там, в библиотеке максаров я видел бабушку. Она тоже аватар. Может, она может мне помочь?

— Это Бальжан, хранительница алмазной библиотеки аватаров. Все что можно было сделать для тебя, она сделала. Но даже ее Дора перехитрила. А все потому, я всех предала, я!

Она снова начала плакать, уже громко, навзрыд: «Володя, если ты еще можешь что-то, убей меня, пожалуйста? Я не могу на все это смотреть, не могу...»

Белые волки тем временем растерзали стаю черных савдаков. К крыльцу подошел большой белый волк, Володя узнал в нем Колю. Волк выплюнул из пасти пузырек.

— Володя, все плохо! Я не учуял это сразу, в пузырьке была кровь Баярмы. Они приворожили тебя. Дахалэ сказал доставить тебя в ущелье.

— Это не поможет! — Баярма тяжело вздохнула. — Если вы заберете его туда, он превратится в пепел.

— Так подскажи как быть? — рявкнул Коля. — Ты же дархан?

— Забудьте обо мне, — Раджана направилась к дому.

— А ты? — Коля грубо толкнул Володю носом в плечо. — Ты же банхар? Помни об этом! Володя, очнись, ты нам нужен! Помнишь Бодона? Он погиб, когда мы Барнака брали. Почти все гаврики из моей первой стаи погибли! Новые звери появились, барначники. Они умнее, сильнее. С ними трудно. Володя, услышь меня?

— Да отстаньте вы от меня все, — отмахнулся Володя и пошел следом за Раджаной.

Фельдшер не смог унять боли, и Дора повезла Баярму в райцентр. Там ее положили в больницу. Вернулась Дора в скверном настроении, с целым отрядом молодых, крепких парней. Володя начал видеть таких как они. Это были барначники. В первый же вечер они начали охоту на белых волков.

Белые бились отчаянно, барначники несли потери, но оборона стоянки Доры заметно окрепла, и волки Коли уже не могли ее прорвать. Володя безучастно наблюдал за битвами, и думал лишь о Баярме.

— Я хочу к ней! — сказал Володя, присев за стол напротив Доры. — Можно я буду приглядывать за ней там, в больнице?

— Ты будешь здесь, у нас на виду! — отрезала Дора.

В дом вошел Серега. На руках он нес Сержуню.

— Мама, помоги ей, — взмолился Серега. — Вожак белых напал, падла. С ним надо кончать.

Дора осмотрела Сержуню.

— Оболочка цела. Пусть отлежится. Мы дадим ей нового барнака.

— А это точно будет она? — спросил Серега дрожащим голосом.

— Ты не о том думаешь, — сухо ответила Дора. — У тебя есть жена. И мы ждем от вас потомство.

— Плевать мне на жену! — взорвался Серега. — Я хочу только ее, Сержуню!

Дора вздохнула, и с грустным видом свернула Сержуне шею.

— Тварь! — рявкнул Серега, замахнулся на мать и отлетел в угол, получив чудовищной силы удар.

— Несчастный ты мой бузур, мой стыд, мой позор. Ты сейчас же возьмешь свою жену, и сделаешь ей потомство, сейчас же! — Дора сжала ладонь на шее сына. Тот выпучил глаза и захрипел.

— Убей меня! — всхлипнул Серега.

— Раджана! — крикнула Дора.

На кухне появилась Раджана.

— Я ненавижу ее! От нее воняет парным молоком! — Серега сжался, будто увидел нечто ужасное.

— Раджана! Возьми мужа, и сделай так, чтобы он захотел тебя!

— Я не знаю, как это сделать, — Раджана потупила глаза.

— Знаешь! Ты все еще дархан. Либо ты сделаешь это, либо мы отправим тебя в Мертвую пустыню.

— Отправь меня туда, — взмолился Серега. — Лучше Мертвая пустыня, чем она.

Дора взяла Серегу за шкурку и потащила его в спальню. Раджана смиренно пошла следом. В окне Володя увидел два красных огонька. Коля смотрел в окно кухни со двора и скалил клыки.

— Соберись, тряпка! — прорычал Коля.

Но его тут же сбил с ног барнак-охранник.

Володя нехотя, на ватных ногах пошел в спальню. Дора сорвала одежду с Раджаны и Сереги, силком уложила обоих в постель, услышала что-то за окном и легкой тенью выпорхнула из дома. Серега сполз с кровати, и уткнулся лицом в ладони. Раджана лежала на кровати, уставившись пустым взглядом в потолок. Серега поднял голову, посмотрел на Володю, оскалился.

— Это твой друг ее убил! Он ответит за это! И ты ответишь! Пошел вон отсюда, чморик! Я сделаю это, сделаю!

Он заполз на кровать и лег на Раджану.

— А ну-ка, тварь, включай свою магию, включай, я сказал! — он ударил ее ладонью по лицу.

В следующее мгновение Володя поднял Серегу с кровати и снес им телевизор на столике. Серега всхрапнул, обратился в бузура и обхватил Володю длинными, корявыми как у орангутанга руками.

— Ну давай, убей меня, — шипел Серега. — Или я сделаю ей выродка. Вот увидишь.

сделаю! Ты же не хочешь этого? Вижу, не хочешь!

Володе почему-то стало жалко этого зверя. Он сбросил с себя его руки, оттолкнул от себя и пошел на кухню. Серега с диким ревом выбежал на улицу.

Битва за стенами дома утихла с первыми лучами солнца. Дора вошла в дом еле перебирая ногами, одежда на ней висела клочьями. Следом вошел Серега. Одежды на нем не было, тело его покрывали страшные рубцы.

— Они так точно всех нас перебьют скоро, — проворчал Серега.

— Подкрепление уже в пути, — ответила Дора. — Онгоны взрывают тропы. Но Максар открывает новые. Скоро они выдохнутся. Вечную тропу им не закрыть. Надо делать обряд.

— Какой толк с этого обряда, если нас мало?

— Максар создал новых барнаков — барнаков купцов. Их нужно срочно выпускать, пока не появился новый аватар. Весь этот мир будет за нас. Мы лишим их подкрепления. Не будет больше никаких сартов и онгонов.

— Но у них есть белые савдаки?

— Убьем их вожака, и не будет больше никаких белых савдаков. Он придет на обряд, я знаю. Устроим ему сюрприз.

Володя сидел за столом, потягивал чай. Он все слышал, видел, и где-то очень глубоко в себе понимал, что нужно что-то делать. Но пропасть в нем становилась все глубже. Он катился в эту пропасть, а думать мог только о Баярме.

Весь день на стоянку Доры съезжались гости на дорогих иномарках. Многих из них Володя видел по телевизору, бизнесменов, депутатов, чиновников. Они дарили Доре дорогие подарки, затем до позднего вечера пировали в больших армейских палатках, до упаду пили водку.

В сумерках к стоянке начали стягиваться стаи черных савдаков. Точнее не стаи, а хорошо организованные отряды с барнаками во главе. Их было так много, что все окрестные сопки начали источать запах пепла.

Раджана стояла на крыльце, смотрела на все это, и плакала. Володя заметил, что в руке она сжимает кухонный нож.

— Ты хочешь драться с ними кухонным ножом? — спросил Володя.

— Я хочу убить себя!

— Это не выход. Ты можешь предупредить Колю, чтобы не приходил сегодня ночью? Это ловушка. Они хотят убить его.

— Он все равно придет, потому что знает, что здесь будет.

— Но тогда у сартов и онгонов не останется решающей силы.

— У них ее уже нет. Коля ненавидит их всех, и это его слабость. Она его погубит. Он знает об этом, но ничего не может поделать. Он не должен был убивать Харана. Он должен был проявить к нему сострадание. Убив Харана он убил себя. Вот что бывает, когда нет аватара.

Обряд начался на большой поляне недалеко от стоянки. Барнаки развели огромные костры. Сущности в черных плащах, с рогатыми шлемами на головах начали бить в бубны и плясать вокруг этих костров. Гости Доры, все до единого опьяненные водкой стояли тут же и с ужасом смотрели на это действо. Черные савдаки кружили вокруг них, заставляя рыком сбиваться в толпы. Вот один из гостей побежал к своей машине, но его догнали и закинули в толпу как тряпичную куклу.

Из темноты стали появляться худощавые, стройные барнаки, Володя не видел таких раньше. Они выглядели почти как люди, шли вдоль толпы и высматривали себе подходящую оболочку как одежду в магазине. Вот один из барнаков приглядел себе толстого, обрюзгшего старичка в богатом плаще, обхватил его руками. Старичок закричал так, будто на него вылили ушат кипятка. Он упал, начал кататься по земле в страшных судорогах, изо рта его повалила пена. Старик затих, затем приподнялся, хрустнул шеей, улыбнулся, подошел к Доре и низко поклонился. Гости начали падать один за другим. Где-то вдалеке послышался протяжный вой.

— Началось! — произнес Володя.

Раджана машинально прильнула к нему и уткнулась носом в грудь. Огромная стая белых волков мчалась к кострам стройными шеренгами. На встречи им с трех сторон неслись отряды черных савдаков во главе с барнаками. Дора ехидно засмеялась, когда увидела, как ее отряды начали сминать стаю белых волков. Белые бились отчаянно, упорно шли вперед, и погибали один за другим под натиском черной лавины.

— Где же там Коля-то? — пробормотал Володя, без эмоций наблюдая за тем, как гибнут белые волки.

— Возьми, — Раджана вложила в руку Володи нож. — Просто нажми. Они не должны получить от меня ничего. Ты должен сделать это.

Она приложила лезвие туда, где гулко билось ее сердце.

— Я не могу, — ответил Володя, хоть и чувствовал, что ему все равно, убьет он Раджану или не убьет.

В мыслях он был рядом с Баярмой, видел, как она кружится в танце. Пышные волосы ее взлетают веером от каждого движения, и она невероятно хороша сейчас. Она танцует не просто так, держит в руках ребенка, радуется появлению этого чуда на свет. Но почему этот ребенок так красив? Разве может быть таким потомство от черного савдака? Ребенок смотрит на своего отца, улыбается, уже видны первые зубки, темно-русые волосы этого ангела вьются, становятся все длиннее. Вот он уже видит, что это не мальчик, а девочка, очень похожая на маму, такая же красивая, такая же непростая, но всегда искренняя в своих чувствах...

Пропасть, где-то глубоко внутри него задрожала, стены этой трещины начали сотрясаться и, потянувшись друг к другу. Володя яростно карабкался наверх, пытаясь успеть вырваться наружу, но стены сжимались все быстрее и быстрее. Еще одно мгновение, и они сомкнутся, и Володя навсегда останется там, где-то в глубине самого себя.

Заветный край все ближе и ближе. Но успеет ли он дотянуться до него? И вдруг он видит руку. Это Раджана тянется к нему на встречу. Хватит ли у нее сил вытянуть его из пропасти? Но за ней уже виден загадочный силуэт. Присмотревшись, Володя узнал Миснэ. Она была в серебристом плаще, с посохом в руках, навершие которого украшал большой зеленый алмаз.

Раджана хватает его за руку, тянет изо всех сил, и успевает помочь ему вырваться из трещины. Стены с треском смыкаются у самых его ног.

— У Баярмы будет девочка, — произнес Володя. — Я вижу!

Он лежал на земле. Рядом, придерживая его за голову, сидела Раджана.

— Умница Баярма, — Раджана смахнула слезу. — Все сделала по-своему.

Володя резко вскочил, он даже сам не ожидал от себя такой прыти, успел перехватить в прыжке Серегу, который уже занес над головой Раджаны нож. Выродок от бузура и барнака

в нем был очень силен, но Володя его видел, и без особых проблем сжал в клокочущий бессильной яростью комок.

— Не убивай его, — крикнула Раджана.

Где-то вдали, на вершине горы Хан Уула вспыхнул свет. Шеренги белых волков мчались от этой горы в тыл отрядов Доры. В лагере Доры началась паника.

— Вовка, ты душишь меня, — прохрипел Серега.

— Лежи тихо! — пригрозил Володя.

— Это я, Коля.

— Откуда я знаю, что это ты? Бузуры большие мастера притворяться.

— Ты уже убивал меня, целых два раза. Еще раз убить хочешь?

Володя ослабил хватку.

— Я от Миснэ, — прохрипел Серега голосом Коли. — Она сказала нам выдвигаться к Вратам Драгоценных. Мало времени.

— Миснэ? Она — аватар? — Раджана упала на колени.

— Давайте потом радоваться будем? — Серега размял шею. — Я Дору шлепнул только что. Теперь это обычная тетка. Давайте, к машине.

— А где эти врата? — растерялся Володя.

— Я знаю где они, — ответила Раджана.

Коля гнал джип по узкой степной дороге и громко смеялся.

— Чего смеешься? — спросил Володя.

— Память этого чудика смотрю. А он не тот, за кого себя выдает. Не поверишь, они с Баярмой из-за тебя поссорились. Это она заставляла его нападать на тебя, чтобы мужик в тебе проснулся. Во деваха, огонь.

— Нам нужно в Цугольский дацан, — вмешалась Раджана. — Знаешь где это?

— Конечно знаю.

— Скажи, ты лично видел Миснэ?

— Конечно.

— Все-таки они переиграли Дору.

— Я думал, в ней реальный такой барнак будет, повозиться придется. А я его как-то разом поломал. Врасплох взял. Все, забудьте о ней.

— Слишком просто, — насторожилась Раджана.

— Я же белый савдак, мои волки главная ударная сила долины сартов. Недолго осталось плясать этим темным, всех скоро обратно в пустыню вернем.

— Она не сказала, зачем нам нужно в Вратам?

— Она сказала ты знаешь зачем.

— Знать-то знаю. Не знаю как. Не успела пройти посвящение. Там напротив дацана дом есть, старый такой, из камня...

— Будет сделано!

Дацан возвышался над воинской частью. Вокруг старого здания установили леса, видимо, для реставрации, но на воротах храма все еще пугала прохожих надпись черной краской «Не курить».

У дома, о котором говорила Раджана, их встретил сухощавый мужичок бурят средних лет, в больших очках и в военной форме, забрызганной краской.

— А я думал, ты уже никогда ко мне не приедешь, — сухо поприветствовал Раджану мужичок.

— Познакомьтесь, это мой дядя, — представила Раджана.

— Бальжинима, — представился мужичок.

— Я вас помню, — сказал Володя. — Мы покупали у вас щенков. Вы тоже художник, как и мой отец.

— Ой, какой я художник, — засмутился Бальжинима. — Так, самоучка.

— У нас мало времени, — перебила Раджана. — Бальжинима ахай, мы приехали к Вратам. И это все, что я знаю.

— Так вот они, — Бальжинима ахай кивнул в сторону древнего строения на краю села, каменных врат.

— Нам нужно их открыть.

— Открыть? — Бальжинима ахай нахмурил брови. — Ну пойдете в дом.

В доме Бальжинимы ахая пахло краской. С мебелью здесь было не густо, грубо сколоченный стол на кухне, старый дырявый диван в гостиной, и деревянная кровать в спальне. Зато стены дома были увешаны картинами, изображавшими степь, лошадей, табунщиков, дацан и, каменные врата.

— Раджана, хозяйничай сама? «Мне тут покопаться надо», — сказал Бальжинима ахай.

Он спустился в подпол и вынес оттуда большую сумку с письменами, явно очень старыми: «вот, все что осталось от архива».

— Это и есть Врата? — спросил Володя и кивнул на картину.

— Да, это они, — ответила Раджана.

— Короче, у меня был Дум Бадмаевич, директор Усть-Нарина, лет пять назад, — Бальжинима ахай начал раскладывать свитки прямо на полу. — Он попросил меня найти архивы о каком-то ключе, к этим воротам. Сказал, заедет еще когда узнает, что именно ему нужно, и пропал. Все свитки либо на тибетском, либо на старомонгольском. Дума-то не было, мне пришлось изучить и тибетский, и старомонгольский. О вратах здесь везде написано, и везде по чуть-чуть. Что именно нужно я не знал, поэтому собрал все что было. Вот, целая сумка.

Раджана склонилась над рукописями, начала их перебирать дрожащими руками.

— Не то, все не то, — повторяла она, раскидывая бумаги по кухне.

— Все, что нашел, — Бальжинима ахай пожал плечами.

Раджана окинула всех взглядом затравленной лисицы.

— Основную часть архива сожгли. Я еще запрос делал, в Ленинград. Ездил туда даже, на свои деньги. Там все сгнило. Остались только статуи и вот эта тханка.

Бальжинима ахай кивнул на крохотную картинку в рамке, рядом с картиной с изображением Врат. Раджана поползла к ней словно голодная кошка к зазевавшейся мыши. Картинка изображала соитие чудовища и прекрасной девушки. От них исходил яркий луч куда-то в небо.

— К этой тханка были комментарии? — спросила Раджана.

— Нет, — ответил Бальжинима ахай. — Но тут и так все ясно, мне кажется. Это чудовище — арсалан, черный хранитель в человеческом обличье. А эта баба — дакиня, либо айна, либо дархан. Надо уточнить. Но это примерно одно и то же.

— У меня бурятское имя Арсалан, — вспомнил Володя. — А что это они делают?

— Не видишь, что ли? — усмехнулся Бальжинима ахай. — Темная сила чудовища, обузданная тонкими энергиями дакини достигает чего-то там, в небе.

Коля в теле Сереги вдруг выгнулся, оскалился, изо рта у него пошла пена.

— Вовка, — прохрипел Коля, — что это... было? Ай...

Володя увидел, как в другом измерении странный зверь, похожий на росомаху принялся терзать белого волка.

— Говорила же, слишком просто, — простонала Раджана. — Это Дора.

— А я думал это сказки, — Бальжинима ахай тарашил глаза, с ужасом наблюдал за тем, как нечто изнутри буквально плющит Колю.

— Вовка, она слишком здоровая, — крикнул Коля. — Делайте что-нибудь, я не удержу ее долго...

Он катался по полу, корчась, захлебываясь пеной, и рвал на себе одежду и плоть.

— А что мне делать то? — Володя посмотрел на Раджану. — Мне обратиться надо, наверное?

— Тут нужно другое, — Раджана опустила глаза.

— Идите уже, — рявкнул Коля. — Она рвет меня, рвет...

— Куда идти то? — окончательно стушевался Володя.

— В спальню, — Раджана посмотрела на своего дядю.

— Я, постель давно не стирал, — понял все Бальжинима ахай. — Работы много было. Один же здесь живу. Там в шкафу, покрывало, чистое, более-менее... Короче, Раджана, разберешься. Я пойду покурю.

Бальжинима ахай зачем-то похлопал ладонями по карманам и вышел из дома.

Коля все еще боролся, но было видно, что ему очень тяжело.

— Как-то, неожиданно, если я все правильно понял, — Володя все еще переминался на месте с ноги на ногу.

— Вован, издеваешься? Тварь, какая же ты здоровая...

В дом забежал Бальжинима ахай, снова открыл подполье, нырнул туда, вынырнул со свертком в руках. Из старой армейской шинели он извлек ручной пулемет Калашникова, такие Володя изучал и разбираал на уроках НВП.

— Пригодился! — Бальжинима ахай быстро наполнил магазины патронами. — Там солдаты как собаки бегают на четвереньках. Ваши друзья, похоже. Не затягивайте. У меня патронов мало.

Он передернул затвор, заткнул запасные магазины за пояс и выбежал из дома. За стенами послышались одиночные выстрелы.

Коля выгнул спину дугой, бросился на Раджану и тут же отбросил сам себя в угол.

— Вован, япона вошь...

Раджана взяла Володю за руку, повела в спальню.

— Садись! — она кивнула кровать.

Володя присел на край кровати.

— Раздевайся! — Раджана судорожно, дрожащими руками принялась срывать с себя одежду. Щеки ее подернулись бордовым румянцем, машинально она прикрыла рукой обнаженную грудь.

— Ты ведь знаешь теперь, как это делается?

— Вылетело...

У входа в спальню возник Коля в теле Сереги. Глаза его полыхали огнем, из пасти валила кровавая пена.

— Брат, я почти все...

Неимоверным усилием воли Коля снова заставил себя податься назад, принялся бить себя по лицу, заскрипел зубами так, что было слышно, как зубы начали трескаться у него во рту.

— Ты должен знать! — Раджана перевела дыхание. — То, что сейчас происходит — начало битвы. Это битва пределов — пределов темного и светлого. Ты не переживешь ее. Банхар должен погибнуть! Готов ли ты пожертвовать собой?

— Если так надо — готов!

Губы Раджаны задрожали.

— Пообещай, что вернешься?

— Я же погибну?

— Пообещай!

— Обещаю!

— Пообещай, что найдешь меня, когда все закончится?

— Обещаю!

Володя притянул к себе Раджану и слегка приобнял. Она запустила пальцы в его волосы, сжала их, наклонилась к нему и как-то обреченно коснулась губами кончика его

носа. Губы ее были холодными как лед, лицо покрылось капельками пота, из глаз выступили слезы.

— Я люблю тебя! — шепнула она ему на ухо.

За окном раздался выстрел. Пулемет Бальжинимы ахая замолчал. Послышались сухие звуки ударов, Балжинима ахай, очевидно, теперь отбивался пулеметом как дубиной. Раджана судорожно выдохнула, преодолев первый, самый важный рубеж их соития, обхватила его шею руками.

— Я люблю тебя! — шепнул ей Володя, и понял, что не лжет.

Стеснение отступило. Раджана стала смелее, напористее и, теплый, мягкий свет начал исходить от нее, легкой пеленой начал растекаться по комнате. У входа все еще копошился Коля, хрипел, матерился, но боролся. Где-то за окном толпа солдат забивала Бальжиниму ахая. Вот уже и на кухне слышался тяжелый топот множества армейских сапог. И, судя по грохоту, Коле в довесок пришлось заняться еще и новыми гостями.

А Володя вдруг оказался в степи, верхом на лошади. Раджана была с ним, совсем не похожая на себя прежнюю, прекрасная в своей наготе, в потоках яркого света что исходили от нее. И легкий степной ветер обдувал их со всех сторон, ароматы степных трав придавали сил, кружили голову.

— От корней дерева Прибежища до кроны его, — прошептала Раджана, — от тлена к жизни, от жизни к тлену, от темной стороны луны к свету солнца, приди, Банхар! Я — призываю тебя! Я — принимаю тебя...

В спальню ворвался Серега. У входа толпились солдаты, они скалились как собаки и рвали друг друга окровавленными зубами. Со двора через окно, выбив собой раму влетел в спальню избитый до полусмерти Бальжинима ахай. В окне показались грязные лица солдат.

Володя уткнулся носом в ложбинку на груди Раджаны, коснулся ее губами и, что-то вырвалось и него. Сноп яркого света ослепил савдаков, пробил потолок, устремился в небо и понес его за собой. Оттуда, сверху он увидел себя в объятьях Раджаны, ослепленных савдаков, барнаков, что метались вокруг дома, храм, и степь, что тянулась в разные стороны, в вечном стремлении к бесконечности.

Вершина пика Шаман дрогнула. Глыбы покатались на склоны Алмазного ущелья. Пик начал разваливаться как старый каменный дом, лишенный фундамента. Сквозь клубы пыли с диким визгом прорвался отряд гохаев. Монстры помчались по ущелью, сметая на своем пути шатры сартов и каменные стеллажи опустевшей библиотеки Драгоценных.

Первая волна этих свиноподобных существ разбилась и обратилась в пепел у стены в ущелье. Но следом шла вторая волна, третья, стена задрожала под ударами чудовищной силы. Клубы черного пепла потянулись к серебристой луне.

Женька шел вдоль рядов пехотинцев в коробках и что-то говорил. Воины грозно, хором выкрикивали «ху» всякий раз как он воздевал своей меч к небу. Коробок было много, безупречно ровных, сплоченных. По флангам ждали своего часа разведчики Орхана и Лехи. Вторым фронтом за пехотинцами растянулись стройные шеренги лучников.

Армия выстроилась у горы «Банхар», у ее подножия расположился командный пункт. Командовал армией Дахалэ. Но рядом с ним стояли советники, военачальник максаров Ратмир и еще несколько генералов из асуров.

— Где же Коля? — Дахалэ окинул тревожным взглядом долину.

Стена рухнула, и армия Максара хлынула темным потоком в Долину сартов. Но они не

пошли сплошной лавиной на стальные коробки. Они тоже начали выстраиваться. Максары и асуры вытянулись в мощную, бесчисленную и бесконечную фалангу, а впереди нее ударным клином изготовились к атаке барнаки верхом на гохаях. За фалангой бесновались в безудержной ярости стаи черных савдаков.

— Нужно ударить кавалерией, во фланг барнакам, — сказал Ратмир. — Пусть ударит Орхан. А потом, когда пойдет фаланга, с другого фланга пусть ударит Алексей. Нужно заставить их столпиться, так мы сможем эффективнее использовать лучников.

— Пока не придет Коля, будем стоять! — отрезал Дахалэ.

— А если не придет?

— Придет! Всем стоять!

— Всем стоять! Всем стоять! Всем стоять! — понеслась команда по цепи.

— Ратмир прав, — заметил один из асуров. — Их фалангой командует Годар, это мой брат. Ваши коробки хороши. Но еще никому не удавалось устоять против фаланги Годара. Нужно грамотно использовать ваших лучников, это единственный шанс на победу.

— Если они собьются в кучу, мы сможем взять их в карусель, — добавил Ратмир.

— Обратите внимание, — Дахалэ прищурился. — Черными савдаками командуют барнаки. Это не стаи. Это отряды. Без Коли мы не сможем взять их в карусель.

Армия Максара окончательно выстроилась, даже черные савдаки, возглавляемые барнаками теперь стояли сплоченными отрядами.

— Я столько лет живу в этом мире, а такое вижу впервые, — простонал старый генерал из асуров. — Прав Дахалэ. Я сражался с Годаром в войне заблуждений. Его фаланга непобедима. А теперь с ним темные отряды. Нам поможет только чудо.

— Они отправили парламентаря, — заметил Ратмир.

— Это Годар! — сказал старый асур.

Годар вел коня легкой рысью, на древке его копья развевался белый шарф. Навстречу ему выехал Дахалэ.

— Я буду разговаривать только с асуром! — произнес Годар громовым голосом.

— Я Дахалэ, командующий объединённой армией Совета Срединных земель.

— Совет доверил армию онгону? — Годар громко засмеялся.

— Вам следует знать, объединенными армиями Совета всегда командовали онгоны.

— Это похвально, что ты знаешь нашу общую историю, онгон, — Годар хитро улыбнулся. — Это значит, что ты знаешь о традиции битвы равных. Мы требуем этой битвы! За нас будет биться максар!

Годар снова засмеялся, развернул коня и, не оглядываясь, погнал галопом к своей армии.

— Они требуют битвы равных, с максаром, — Дахалэ посмотрел на Ратмира.

— Тем хуже для них, — Ратмир вынул из ножен меч. — Я не проиграл ни одного поединка.

— Такого противника ты вряд ли одолеешь...

К армии Совета неслось во весь опор странное существо, огромный, пышущий безудержной яростью савдак, покрытый шерстью синего цвета.

— Это Максар. И он обратился в савдака, — Дахалэ невольно сжал ладонью рукоять меча.

— Похоже, зря мы разрушили его вентиляцию, — Ратмир поправил на себе доспехи. — Ну что ж, буду биться с синим савдаком.

— Тебе не одолеть его, — взгляд Дахалэ был каким-то блуждающим. Он явно думал, как быть, прокручивал в уме знания, добытые в библиотеке бессонными солнцами и лунами. Но в тех свитках не было знаний о синих савдаках.

Зверь в ожидании соперника крался вдоль коробок Женьки и скалил белоснежные клыки, покрытые грязной пеной. На командный пункт ворвался Алексей.

— Командующий! — Алексей присел на колено. — Позволь? Мы можем снять его стрелами. Всего одна очередь...

— Возвращайся к своим всадникам, Алексей! — отрезал Дахалэ.

— Но командующий?

— Если вы убьете его, законы Драгоценных обернутся против нас! Они тоже жители Срединных земель.

Алексей взревел в бессильной ярости, запрыгнул в седло и помчался на свой фланг, демонстративно мимо синего савдака, явно желая показать, что не боится его.

— Время идет, — Ратмир надел на голову шлем и натянул на ладони кольчужные краги. — Коня!

На вершине скалы «Банхар» что-то вспыхнуло, будто яркая звезда зажглась там. Присмотревшись, Дахалэ увидел девушку в серебряном плаще. В руке она держала посох с зеленым алмазом в виде наконечника. Свет источал алмаз на ее посохе.

— Кто это? — Ратмир машинально снял шлем.

— Это Миснэ, — Дахалэ улыбнулся, надежда блеснула в его глазах. — На ней доспехи аватара. Она — аватар!

Долгий протяжный вой раздался где-то в тылу армии Совета. Вдоль коробок пехоты сартов брели потрепанные недавней битвой белые волки. Увидев их, пехотинцы начали бить мечами по щитам. Во главе стаи шел истерзанный, но живой Коля. Он подошел к синему савдаку и посмотрел ему в глаза.

— Ты хочешь битвы равных, Максар? — Коля оскалил поломанные клыки.

— Не ты ли собрался биться со мной? — Максар присел и почесал задней лапой за ухом.

— Ты не видишь во мне равного?

— Я вижу жалкого савдака!

— Ты тоже теперь савдак!

Максар вытянулся, выгнул спину, окинул белого волка оценивающим взглядом. Колю сильно качало.

— Хорошо, я удостою тебя такой чести. Но не сейчас. Мне нужен равный! А ты еле стоишь на своих лапах.

— Эта битва не поможет тебе, Максар. Дора была достойным противником. Но теперь она лишь горстка пепла. Все твои тропы контролируют мои волки. Ни один савдак не пройдет в мир людей. Ты проиграл! Посмотри на себя? Это то, чего ты хотел? Ты был максаром. Теперь ты савдак, обитатель Мертвой пустыни. И все, что тебя ждет — это горстка пепла на одном из барханов.

— Тебе не терпится умереть? Да будет так! — Максар повернулся к командному пункту армии Совета. — Раз уж среди вас не нашлось достойного максара, я с удовольствием полюбуюсь на статую этого жалкого существа!

Максар занес лапу и, покатылся по зеленой траве с голубым отливом. Он тут же вскочил на лапы и увидел перед собой черного пса.

— Банхар, — проревел Максар. — Что у тебя на лбу?

Там, где прежде у пса были белые точки над глазами, теперь светились два огонька.

— Банхар, Банхар, Банхар, — начали повторять воины армии Совета.

— Я принимаю твой вызов, синий савдак! — прорычал Банхар.

— Да будет так! — прохрипел Максар, и бросился в атаку.

Синий савдак был значительно крупнее, мощнее Банхара. Но четырёхглазый волкодав превосходил противника в скорости и ловкости. Они покатались по траве в страшной пляске смерти, ключья черной и синей шерсти полетели в разные стороны. Банхар начал теснить синего савдака, вот они уже закружили у рядов Темной армии.

Но, чем яростнее теснил Максара Банхар, тем сильнее становился синий монстр. Вот уже Синий савдак начал теснить Банхара. И чем яростнее шел в атаку Максар, тем сильнее становился Банхар. Они питали друг друга силой, безудержная ненависть сливалась с бесконечной преданностью как горячая кровь с водой из горного ручья. Но кровь оставалась кровью, а вода — водой.

— Я все понял, — Максар стоял, вывалив язык, изготовившись к обороне. — Не будет победителя в этой битве. Мы с тобой — единое целое. Я тебя создал. Твой алмаз сделал меня таким.

— Мой алмаз в библиотеке аватаров, — Банхар пошел на Максара.

— Да постой ты, косматый дурак. Ты не слышишь меня. Если я погибну — и ты погибнешь. Погибнешь ты — погибну я. Нас обманули.

— Мы будем биться до тех пор, пока не иссохнет все, что ты создал! Ничего не останется после тебя! Ты станешь горстью пепла в Мертвой пустыне!

— Ошибаешься, Банхар! — Максар пятился, но было видно, что он готовит очередной трюк. — Я еще полюбуюсь на твою статую, а потом сотру ее в порошок, и развею над лунными барханами!

Максар громко завыл. Следом завыли черные савдаки и барнаки.

— Вперед, убейте их всех! — взревел Максар, едва устояв после очередной атаки Банхара.

Черная лавина савдаков и барнаков перемахнула через фалангу асуров и максаров, устремилась на коробки сартов. Тучи стрел обрушились на эту лавину. И эти тучи накрывали лавину одна за другой. Не многие монстры добрались до коробок, а те, что добрались, начали рассыпаться в прах от ударов пикам и мечами из-за стены щитов. И этот пепел уже не причинял вреда сартам-пехотинцам. Их лица защищали маски.

Туча копий взмыла в небо из-за фаланги. Но до коробок сартов копья не долетели, накрыли савдаков и барнаков. Грохоча сталью, фаланга двинулась на коробки сартов. С флангов ее прикрывали конные отряды максаров и асуров. За фалангой крались копьеносцы, выжидая удобной дистанции для атаки.

Тучи стрел обрушились на ряды максаров и асуров, но не смогли их остановить. И тогда на фланги этой стальной махины обрушились сильно потрепанные, но все еще опасные стаи белых волков. Тяжелые копья полетели в них. Однако среди всадников Темной армии началась сумятица, они уже не успевали защитить себя щитами от стрел сартов и онгонов.

Страшная, смертоносная карусель закружилась вокруг фаланги. Сарты и онгоны мчались по кругу, расстреливая воинов Темной армии с почтительного расстояния. Как только у всадников Совета кончались стрелы, их место тут же занимали другие всадники.

Копьеносцы пытались отвечать, но в сумятице битвы оторвались от своих обозов с

боеприпасами, и вскоре были вынуждены искать спасения за стенами из щитов внутри фаланги.

Годар командовал умело, фаланга, окруженная всадниками, превратилась в живую крепость. Но стрелы все же находили бреши между щитов, и в центре фаланги начала расти скала. Уцелевшие воины Годара скидывали своих боевых товарищей в кучу, чтобы те не пугались под ногами.

Максар отразив очередную атаку Банхара бросился к фаланге, чтобы укрыться в ней. В этот момент грохоча мечами о щиты в бой вступили коробки сартов. Банхар нырнул в проем между щитов вслед за Максаром, и буквально поплыл за ним меж плотных рядов максаров и асуров. Внутри фаланги было так тесно, что ни один воин не мог отвлечься на чужака, вторгшегося в их ряды.

Максар рвался к вершине скалы. Он хотел видеть, что происходит вокруг, узреть лазейку, по которой можно вырваться из Долины сартов.

Фаланга таяла под градом стрел, но ряды ее все еще были ровными, плотными. Максар слишком поздно понял, что Банхар преследует его, пропустил внезапную атаку, попал в капкан, челюсти волкодава сомкнулись на его загривке. Синий савдак замер, разинув пасть, вытянулся, забился в судорогах.

Банхар затащил его на самую вершину горы из статуй асуров и максаров, придавил лапами бездыханное тело и осмотрелся. Армия Совета добивала Темную армию, но Годар и не думал сдаваться. Он стоял у подножия горы, высоко ровно настолько, чтобы видеть все, что происходит вокруг, но недостаточно высоко для того, чтобы оказаться на прицелах у черных и белых всадников.

Это был идеальный момент для атаки. Банхар четко видел мощную шею военачальника асуров, до нее был всего один прыжок. В глазах его внезапно потемнело. Теперь уже синий савдак держал его за загривок, и челюсти его смыкались как стальные тиски.

Банхар попытался извернуться, хватка Максара была безупречно мертвой. Яркий свет вспыхнул снова на вершине скалы «Банхар». Володя увидел Миснэ. На ней были доспехи аватара, в руке она держала посох с наконечником в виде алмаза. Яркий зеленый свет исходил от этого камня.

И, серебристая луна над Долиной сартов вдруг закружилась, как пластинка в старом патефоне, как сосуд начала наполняться потоками зеленого света. Что-то шевельнулось внутри этой луны. Это был младенец. Он лежал в диске луны будто в колыбели, и шевелил своими ручками и ножками. Володя вдруг поплыл к нему, полетел. Младенец увидел его, улыбнулся, протянул пухлую ручонку, дотронулся до его носа.

Горы, долины, Мертвая пустыня, безбрежный океан, все это было видно с высоты луны. И Володя парил над этим миром, не ощущая ни страха, ни боли. Только радость теперь переполняла всю его сущность, такую же бесконечную как весь этот мир, и такую же крохотную и незащищенную, как этот младенец.

— Он просыпается. Позовите врача...

Голос Баярмы звучал откуда-то из далека, будто пытался прорваться сквозь гущу реальности, похожей на кисель. В этой гуще стали видны очертания больничной палаты. Володя лежал на койке, у окна, рядом что-то пикало, и каждый пик отзывался в его голове ударом маленького молоточка.

— Видите? Он проснулся.

Голос Баярмы бил сильнее, будто резиновой дубинкой.

— Не кричи, больно, — прохрипел Володя.

Над ним склонился врач в марлевой повязке, посмотрел ему в глаза.

— Слышишь меня? — спросил врач.

— Слышу, — ответил Володя. — Где я?

— Ты в больнице, — ответила Баярма.

Она сидела рядом, на стуле, и держала его за руку. Ладони ее были холодными как лед.

— Что со мной?

— Ты упал с лошади.

— Где?

— У нас, на сакмане. Не волнуйся, голова цела. Обычное сотрясение. Выпишут, поедем к костоправу. И будешь как новый.

— А где младенец?

— Какой младенец?

— Девушка, вы пока лучше помолчите, — сделал замечание врач. — Ему нельзя сейчас волноваться.

— А вы мне не указывайте! — огрызнулась Баярма.

Еще неделю Володя лежал в палате. Баярма приходила каждый день, приносила ему суп, салаты, сладости. Врачи и медсестры косились на нее, было видно, им досталось от этой вздорной степнячки пока он лежал без сознания.

— Заживает все как на собаке, — врач покачал головой, разглядывая снимок. — Ну и здоровье у тебя, парень. Впервые такое вижу.

— А я и есть собака, — ответил Володя.

— В смысле? — насторожился врач.

— Простите, в голове бардак.

— Через месяц нужно обязательно приехать на обследование, — врач смотрел на него изучающе.

— Хорошо, — согласился Володя.

Баярма приехала за ним на машине, красном пикапе, на котором ездил участковый. По коридору отделения она вела его, придерживая за руку, как показалось Володе — уж слишком наигранно изображая заботу.

— Я сам могу, — Володя убрал руку.

— Давай неделю поживем у моей сестры, здесь, в Могойтуе? — предложила она. — Боюсь, в машине тебя растрясет.

— Не растрясет, я в порядке.

Баярма закинула вещи в кузов пикапа, подошла к девушке, что ждала их у машины,

обняла ее, поцеловала.

— Познакомься, это моя двоюродная сестра, — представила она девушку.

— Билигма, — девушка улыбнулась и протянула ладонь.

— Володя, — сухо ответил он.

— Может, останемся все-таки? — уточнила Баярма.

— Нет, я хочу в деревню! — отрезал Володя.

Минут десять Баярма о чем-то говорила с сестрой. Володя сидел в машине и наблюдал за ней. Живот ее заметно округлился. Она подурнела, на лице выступили бурые пятна.

— Хоть и девочка, а все равно ребенок савдака, — подумал Володя. — Подъедает маму изнутри, по чуть-чуть.

Володя вытянул вперед ладони, осмотрел их. Это были обычные, человеческие ладони, не лапы пса. Заметив, что Баярма и ее сестра как-то странно смотрят на него, он опустил руки и пожал плечами. Сестры обнялись. Билигма пошла по своим делам, Баярма села за руль.

— Как Дора Матвеевна поживает? — спросил Володя.

— Хорошо, — Баярма завела автомобиль. — Помнишь, нет? Она же приболела. Но сейчас ей уже лучше. Вот недавно здесь была, по врачам бегала.

— А со мной что случилось? Хоть убей ничего не помню.

— Если честно, сама ничего не поняла. Я же в больнице лежала. Сказали, ты поехал за отарой, буря начиналась. Конь чего-то испугался и скинул тебя. Меня только выписали, и тебя привезли.

— Понятно, — Володя дотронулся до повязки на голове. — Надеюсь, обойдется.

Баярма повела машину по улицам райцентра.

— Скажи, а что с Колей?

— Это который помощником было на заимке?

— Да.

— Погиб. Мы ему аванс дали, он поехал в Забайкальск, на вагоны, а нас об этом не предупредил. Там облава была, говорят. Застрелили. Батуху помнишь? С ним там был. Тоже погиб. Владислав Баторович их забирал. Говорит, где-то здесь за Могойтуем их похоронил.

— А кто такой Владислав Баторович?

— Ну, мы его называли Барнаком Бахановичем, если не помнишь.

— Он жив что ли?

— Жив, конечно. Он сейчас в СИЗО, в Чите. Что натворил, не знаю.

— Туда ему и дорога, — Володя поморщился, сжал виски.

— Что, болит? — заволновалась Баярма.

— Нормально все. А Раджана? С ней все в порядке?

— Мама сказала она сбежала. Оставила записку, написала, что не любит нашего Серегу, просила не искать.

— Забавно.

— Пусть катится, — Баярма насупилась. — Странная девка, мне она сразу не понравилась. Да и видно было что она Серегу не любит. Зачем тогда замуж выходила?

— Ну да. А Серега, жив?

— Сплюнь. Конечно жив. Он же в армии служит. Вот думаем, как ему о Раджане сообщить.

— Да плевать он хотел на Раджану. А Сержуня его, кстати, жива?

— Не пугай, а?

Дальше они ехали молча. Володя иногда искоса поглядывал на нее, на ее живот. Даже на вскидку было видно, что ребенка она носит месяца три, не меньше. Но как это произошло? Может, спросить? Так не поймет ведь? Да и зачем ее пугать? Подумает, что головой сильно ударился. Так и думает. А может и вправду ударился?

В Усть-Нарине Володя не захотел заезжать домой, попросил сразу же увезти на стоянку. Дядя Ваня сидел на крыльце дома и смолил самокрутку.

— Здорово, хозяин, — увидев Володю он кинул самокрутку в мусорное ведро, привстал и протянул руку.

— А собаки где? — Володя оглянулся.

— Волки задавили, недавно дело было. Забежала тут залетная стая. Но скот цел, так что не волнуйся. Батька твой вот утром был, продукты привез. Сказал повестка на тебя пришла. Комиссию надо проходить в военкомате.

— Какая ему комиссия, — проворчала Баярма. — Ну что, к нам поедем?

— Давай я вечером приеду? На лошади? Мне тут, сделать кое-что надо.

— Нет уж, на лошадь ты больше не сядешь. Вечером заеду. Не исчезай, пожалуйста.

Баярма поцеловала его в губы, села в машину. Ее пикап вскоре растворился в степи.

— Я борщ сварил, хлеб испек, рыбки пожарил, батька твой минтая привез. Пойдем, пожрем.

Дядя Ваня вошел в дом.

— Дядя Ваня, скажите, а вы откуда родом? — спросил Володя, осилив вторую тарелку борща.

— С Куйбышева я, — дядя Ваня глотнул чаю, — Самара теперь.

— А здесь как оказались?

— Химичил, тут, в Дружке. Потом с дядькой твоим познакомился, сюда приехал.

— Не знаете как дядя Дум погиб?

— Знаю. Бандиты его пришили. Совхоз не хотел отдавать.

— А вы знаете такое слово, бузур?

Дядя Ваня нахмурил брови, посмотрел на Володю с прищуром.

— Ты, это, за хозяйство не волнуйся. Я теперь у вас работать буду, не чужие люди чай. Живи там, у Баярмухи. Пусть Дора тебе голову вправит, она умеет это. И лучше не затягивай. Если тебе что-то сблазнилось, просто думай, что кажется. Мне один в Дружке по пьяни монтировкой по голове дал. Тоже мерещилось всякое. Но я знал, что мерещится, и не обращал внимания. И прошло.

— Скажите, а вы не знаете, мой дедушка у вас там в Самаре не служил, в НКВД?

— Да откуда же я знаю. Не рассказывал. Он же знал, что я с Куйбышева. Сказал бы поди.

— Ну да...

— Пойду я, покурю.

Дядя Ваня взял со стола кисет с махоркой и газету, вышел на улицу. Володя нехотя допил чай, прошелся по дому, откинул матрац на койке, проверил старую курковую двустволку. Ружье было идеально чистым, завернутым в тряпку именно так, как Володя заворачивал. Было видно, что дядя Ваня к оружию не прикасался.

«Неужели бред это все? — Володя сел на койку и сжал голову ладонями, ощутил боль, яркие мушки выступили в глазах. — Это что теперь? Я всю оставшуюся жизнь буду таким,

чокнутым чуть-чуть? А если осложнения пойдут? Такое от простого удара по голове не померещится. Ничего не помню, что раньше было, как с Баярмой дружить начал, как случилось все в первый раз, как с лошади упал. Все как в тумане. Только битва, онгоны, сарты, максары, асуры, савдаки, барнаки, Миснэ, Драгоценный... Но откуда я знаю эти слова? Ничего не помню! Неужели так и будет теперь? Чем все это закончится? Надо вечером к Баярме, пусть Дора меня лечит как может. Только не этот туман. В больницу поеду через месяц, обязательно. Следить буду за собой, пока получается. Дай бог пройдет. Дай бог...»

Он откинулся на кровать, положил ладони под голову, уставился на потолок, вспомнил дом Бальжинимы ахая, штурм барнаков, как Коля бился с Дорой в теле Сереге, лицо Раджаны, ее губы, припухшие от поцелуев, еще совсем девичью грудь, как она стеснялась смотреть ему в глаза, ее судорожное дыхание и капельки пота на кончике носа...

— Разве такое может померещиться? Что творится со мной, если мерещится такое? И что со мной дальше будет? А может пусть мерещится? Разве можно такое забыть?

Его блуждающий взгляд остановился на картине, что висела над кроватью. Он вскочил, дрожащими руками снял ее со стены, поставил перед собой на вторую кровать, протер глаза, снова посмотрел. Он точно помнил, что раньше здесь висела картина его отца, Алмазное ущелье. Но это была другая картина, он видел ее в доме у Бальжинимы ахая, врата Драгоценных.

— Дядя Ваня, — закричал Володя и бросился на улицу. — Дядя Ваня, зайдите, пожалуйста?

— Что случилось то? — дядя Ваня нехотя зашел в дом вслед за Володей.

— Скажите, здесь была Раджана?

— Да нет вроде.

— Дядя Ваня, пожалуйста? Я никому не скажу!

— Ну, в деревню я уезжал, на ночь, выпить захотелось. Утром приезжаю, вижу, кто-то был. Но ничего не пропало. Давай вместе посмотрим если не веришь?

— Вы же помните, здесь другая картина висела!? — Володя показал дрожащей рукой на картину. — Не эта!?

— Слушай, старый я уже. Но, вроде бы да. Горы какие-то висели, помню. А тут, ворота... Ладно, мне телят надо отбить. Завтра утром доить буду. Может, пешком до Доры пойдешь? Хочешь, телегу запрягу?

— Нет, не надо! Я, дядя Ваня, в армию служить пойду.

— А возьмут?

— Возьмут!

— Ну, дело твое. Ладно, я к телятам.

Дядя Ваня вышел из дома. Володя присел у кровати, подпер голову ладонями и уставился на картину. На ней ничего не было написано, он знал, бессмысленно что-то в ней искать. Ничего он в ней не найдет такого. Но он видел ее послание. Из глубины врат Драгоценных на него смотрела юная девушка. На руках у нее был младенец, похожий на ангела. Он улыбался, тянул к нему свою ладошку.

Конец.